

Союз театральных деятелей России

Сюжеты

издается с 1990 года

Содержание

Татьяна Загдай

ЧЕЛОВЕК

В ЗАКРЫТОЙ КОМНАТЕ 3

Наталья Ключарёва

АННА ПОЁТ 49

Мария Малухина

ПОЛЯРНАЯ БОЛЕЗНЬ 106

Мария Манич

ИКРА ТРЕСКИ 159

Алексей Понедельченко

ОТ ОТБОЯ ДО ПОДЪЕМА 209

Константин Потапов

СТАЛКЕР (18+) 260

Евгения Скирда

МЕДОВЫЙ ЧЕЛОВЕК 301

УДК 821.161.1-2

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-6

С98

Серия «Сюжеты» – это сборники пьес молодых современных авторов, адресованные как профессионалам и поклонникам театра, так и широкому кругу любителей русской словесности.

Предлагаемый вниманию очередной сборник серии (№ 38) включает семь пьес:

«Человек в закрытой комнате» Татьяны Загдай (г. Москва); «Анна поёт» Натальи Ключарёвой (г. Ярославль); «Полярная болезнь» Марии Малухиной (г. Москва-София); «Икра трески» Марии Манич (г. Москва); «От отбоя до подъёма» Алексея Понедельченко (г. Новосибирск); «Сталкер» Константина Потапова (г. Москва); «Медовый человек» Евгении Скирда (г. Санкт-Петербург).

Эти талантливые люди уже засветились на разных драматургических конкурсах в лонг- и шорт-листах, они активно работают, участвуют в семинарах и разного рода драматургических акциях. У кого-то уже есть театральные премьеры. Публикуемые пьесы, безусловно, достойны внимания театрального сообщества. Пьесы очень разные по жанру, тематике, по манере письма. Авторы молоды, пишут о том, что их больше всего волнует. Отсюда и эмоциональная насыщенность текстов и откровенность авторского высказывания.

Все названные пьесы отобраны через всероссийский конкурс, постоянно действующий в рамках Союза театральных деятелей России. Пять пьес прошли сценическую апробацию в Тюменском Большом Драматическом Театре летом 2021 года, где состоялся очередной XXXIV всероссийский семинар драматургов «Авторская сцена». Две пьесы – «От отбоя до подъёма» А. Понедельченко и «Сталкер» К. Потапова включены в сборник дополнительно по решению экспертного совета.

Сборник можно заказать, обратившись в Кабинет драматургии по электронной почте: stdrf-novikova@mail.ru или воспользоваться обычной почтовой связью. Он будет незамедлительно выслан. Электронную версию «Сюжетов», № 38 можно найти на сайте СТД РФ stdrf.ru на странице Комиссии по драматургии.

При перепечатке ссылка на «Сюжеты» обязательна.

Все материалы печатаются на правах рукописи.

© Составление, оформление.

Союз театральных деятелей РФ (ВТО),
2021 г.

ISBN 978-5-6040301-8-9

Татьяна Загдай
ЧЕЛОВЕК
В ЗАКРЫТОЙ КОМНАТЕ

Пьеса

Действующие лица:

ЖАННА.

КОСТИК.

ТРУП Виталия Семёновича Чистякова.

СОСЕДКА.

ПАТОЛОГОАНАТОМ.

ПОЛИЦИОНЕРКА.

САНИТАР.

СОТРУДНИЦА КРЕМАТОРИЯ.

Обшарпанная квартира в старой трёхэтажке. В тёмном дальнем углу на кровати лежит Труп, накрытый простынёй. Жанна, яркая женщина в розовом меховом жилете, с аппетитом ест пельмени за столом. Соседка в чёрном траурном платке время от времени вздыхает и вообще всем своим видом старается передать скорбь и сочувствие.

СОСЕДКА. Лицо у него такое ясное было. Прямо светлое, и морщины даже разгладились как будто. Ручкой ко мне тянется и говорит: передай ей, говорит, что люблю её, мол, девочку мою. И улыбается чуть-чуть так, одними глазами. У меня календарь православный в кухне висит. Так вот он прямо как ангел с разворота на марте месяце! Улыбнулся так и ушёл наш Витенька. Люблю, говорит, девочку мою, Анечку!

ЖАННА. Да ладно врать-то, тётъ Маш. Он меня ни девочкой своей, ни Анечкой не называл никогда.

4

СОСЕДКА. Ну, раньше не называл, а перед смертью, может, и опомнился. Может, я чего перепутала. Или не расслышала просто – здоровья-то не прибавляется!.. (Пауза.) Я вот чего спросить хотела: ты телевизор-то в Москву заберёшь?

ЖАННА. Мы, тётъ Маш, в Москве телевизоры не смотрим – в интернете всё! Забирайте, конечно.

СОСЕДКА (раздумывает). Да не, не сегодня. Не остыл он ещё. Витя-то наш.

ЖАННА. Ну, телевизор смотреть уже вряд ли будет, да? (Пауза.) Тётъ Маш, я вас попросить хотела

Сюжет

с поминками помочь, ну и вообще со всеми делами... Мне просто завтра уехать надо.

СОСЕДКА. Как завтра? А похороны?

ЖАННА. А что похороны? Утром услуги ритуальные обзвоню, закажу всё. Они приедут, заберут, организуют. А работа в Москве, тётъ Маш, ждать не будет!

СОСЕДКА. Не по-людски как-то...

ЖАННА. Да вы не волнуйтесь, квартиру продам – в долгу не останусь.

СОСЕДКА. Дело твоё, Ань!.. Я за телевизором Костика пришла. Он как раз и вас с Витенькой до райцентра довезёт.

ЖАННА. До какого райцентра?

СОСЕДКА. До нашего. На экспертизу.

ЖАННА. В смысле?

СОСЕДКА. Так фельдшер из скорой бумажку оставила. Молоденькая такая. Надо говорит, экспертизу судмед делать. В райцентр везти. Признаки, говорит, отравления и интоксикации. Надо криминал исключить. А какой тут криминал-то? Не ходил к нему никто, говорю. Накануне в магазин-стекляшку вон вышел, да заснул на пороге. Утомился человек! Жил один и помер один!

ЖАННА. Так, подождите! А скорая почему тело не забрала?

СОСЕДКА. Не наша, говорят, забота.

ЖАННА. Ну, ритуальные услуги надо заказать, они и вывезут.

СОСЕДКА. Так они тоже в райцентре. В выходные не работают.

ЖАННА. То есть, в выходные никто не умирает у вас?

СОСЕДКА. Ну, стараемся, тянем до рабочей недели. Вон бабка Надя аж восемь дней пролежала на новогодние праздники! Так её в сарай положили – благо, мороз минус тридцать! Хоронили свеженькую! А если б на майские?

ЖАННА. Малая родина, блядь! Всё через жопу!

СОСЕДКА. Да ты не волнуйся. Костик довезёт – он у меня в такси работает. Чего только не возил! И свиней на убой, и мигрантов без регистрации. В багажнике, правда. Ты ему денег дай побольше – сразу и сговоритесь!

ЖАННА. Были б деньги, я бы сюда и не сунулась!

СОСЕДКА (*достаёт из лифчика целлофановый пакет*). На вот, Витенька оставил. Когда драндулет свой на запчасти продавал, храни, говорит, Маша, а то пропью. Дочери отдашь – похоронит по-человечески. Как чувствовал!

Жанна разворачивает пакет, смотрит на курдюры.

Ты только, это... Косте моему деньги не показывай от греха подальше. Парень он хороший, но ненадёжный. Отцовская порода! Поняла?

ЖАННА. Ладно.

Соседка уходит. Жанна кладёт пакет с деньгами в сумочку.

ТРУП. В трусы зашей!

ЖАННА. Чего?

ТРУП. В трусы, говорю, деньги зашей! Чего не понятно?

Жанна подходит к кровати, приподнимает край простыни, включает фонарик на телефоне, светит Трупу в лицо. Выключает фонарик.

ЖАННА. Показалось!

2

Композиция №1. Хулио Иглесиас «Ностальжи».

ЖАННА. Я ненавидела его музыку. Когда он приходил пьяным, очень громко включал кассеты на магнитофоне. Мама пыталась закрыть окна, сделать потише, чтобы соседи не запалили, что папа сегодня опять пьяный. А то они не видели, как он у подъезда валяется! Больше всего отец любил Хулио Иглесиаса. Если на школьной дискотеке включали его песню, меня прямо физически тошнило! А в старших классах выяснилось, что у Хулио есть сын Энрике и он тоже певец. Его отец не слушал, но для меня это был ещё один Иглесиас! Хулио и Энрике – обоих ненавижу! Выключи!

КОСТИК. Я, меломан. Всё слушаю, от рэпа до рока. У меня переходы вечно такие: то Аллегрова, то «Каста». Ну, вообще всё, что хочешь. Меломан просто и всё. Нравится рэп в принципе, читанина эта. Что по

душе нравится, то и слушаю. У меня же всё в женский пол упирается. И поэтому я всегда такие сопли слушаю. Сопли про любовь. Такую неразделимую, я бы даже сказал. Но я стараюсь всегда быть на позитиве! Улыбаться там, и всё такое.

3

Таже квартира. Жанна снимает кроссовок, потом носок. Кладёт в него деньги из пакета. Пробует положить носок в лифчик, но размер груди маленький – видно. Запихивает в трусы. Обувает кроссовок без носка. В этот момент в комнату входит Костик. Рассматривает весьма привлекательный тыл Жанны.

КОСТИК. Ну, привет, Анька!

ЖАННА (*вздрагивает, оборачивается*). Не Анька, а Жанна!

КОСТИК. Это с чего это?

ЖАННА. Не твоё дело!

КОСТИК. Не понял. Чё, своих не узнаёшь?

ЖАННА. Узнаю.

КОСТИК. А-а-а! Выросла – дерзкая стала? Люблю дерзких!

ЖАННА. Так, давай сразу без вот этого лишнего общения!

КОСТИК. Понял. Траур, как месячные – дело святое.

ЖАННА. Короче, в райцентр тело отвезёшь?

КОСТИК. Без проблем. Тройной тариф – деньги вперёд.

ЖАННА. Это с какого тройной-то?

КОСТИК. Ну, по логике Виталий Семёныч теперь не пассажир, так?

ЖАННА. Ну!

КОСТИК. Значит, багаж! Плюс риски: жмур в машине всё-таки! При всём уважении...

ЖАННА (*интуитивно прижимает руку к животу, ощущая сползающий вниз носок с деньгами*). Наличных нет!

КОСТИК. Онлайн тоже можно. По номеру телефона.

ЖАННА. В жопе вашей интернет через раз!

КОСТИК. В нашей жопе, Анька Витальевна! Москвичкой стала – родину не уважаешь?

ЖАННА. В общем так: половину переведу, остальное – как доедем. Без вариантов!

КОСТИК. Ладно, забились.

Костик мнётся перед Трупом.

Может, в ковёр или типа в целлофан его завернуть? Или как там в кино делают?

ЖАННА. Это зачем? Мы ж его не убили.

КОСТИК. Всё равно стрёмно как-то...

ЖАННА. Да нормально всё, он с документами. Грузи давай! (*Уходит.*)

Композиция №2. Гарик Кричевский «Мой номер 245».

ЖАННА. Не знаю, может, это блатная романтика девяностых какая-то. Но шансона у отца было много тогда. В итоге я знала наизусть такие странные композиции, как «Мой номер двести сорок пять, на телогреечке печать...» или «Жиган-лимон – мальчишка симпатичный...» Они как будто сидят у меня, знаешь, на подкорке! И я всё время думаю: почему я так хорошо помню тексты этих песен? Как-то студенткой ещё, ехала в поезде из Москвы на юг отдыхать. А на верхней полке женщина шансон всю ночь слушала. Без наушников! И никто ей слова не сказал. А я в какой-то момент поняла, что наизусть знаю эти песни её блатные: «Хоп, мусорок, не шей мне срок! Машинка Зингера иголочку сломала! И понятых, полублатных, да и тебя, бля, мусор, я в гробу видала!» До сих помню. Вот зачем мне это?

10

КОСТЯ. У меня друг был хороший в деревне. И вот он связался с блатной романтикой, типа с ворами и вся хуйня. Встречаю его недавно – поздоровался просто. И он такой: о, блин! Дай цепочку померить! Я снимаю. Он: ну всё, ты подарил мне! Я говорю: в смысле? Говорит: ну всё, типа сколько она стоит? Я тебе, ну, на карту кину денег! Я говорю: Валь, ну, ты это, притормози коня! Он такой: типа чё, драться со мной будешь? Я говорю: не, я просто заявление на тебя напишу и всё! Он мне такой: ты блядь, мусорской? Я говорю: ну, если ты так думаешь, пусть будет так. Ну, и он злой такой мне протягивает вот так вот цепочку

мою и на пол её роняет. Я такой раз, беру, наклоняюсь. Он меня хуяк, толкает. С такой ненавистью толкает. Я падаю и думаю: ну, всё, пизда тебе!.. Но ничё не делаю, просто беру цепочку и ухожу. Мне щас вообще нельзя ничё делать. У меня, блядь, щас условный. Два года. Ну и понятно, что я не буду писать ничё. Чё я, в натуре мусорской?

5

Костик и Жанна едут в машине. На заднем сиденье лежит Труп Виталия Семеновича.

КОСТИК. А что щас с Россией происходит? Если адекватно на всё посмотреть, другим взглядом, да? Распил жёсткий идёт. Жёсткий распил идёт. Вообще пилят всё, что можно. А нам чего: ну, войны нет и хорошо, чё там? Нормально! Всё классно! А цены? У нас же инфляции нету. Ты же в курсе, да? Её нету! У нас всё чётко, стабильно. Сейчас что у нас: доллар поднялся, евро поднялось до такой степени. А я думаю: чё-то, блин, произойдёт. По-любому! Ну что, я не прав? Ну, серьёзно.

ЖАННА. А молча можно ехать?

КОСТЯ. Ладно.

ЖАННА. Спасибо.

Костик молчит пару минут, но его снова прорывает.

Как ты вообще в Москве жила? Я б туда в жизни не приехал. Москва – это ужасный город. Серьёзно. Лич-

но моё мнение такое, что там люди другие абсолютно. Там человечности нет. Её в принципе у нас нету. А там её даже вообще нету. То есть, там каждый сам за себя, понимаешь? Это нельзя так. Мы идём просто к очень херовому вообще концу. Мы друг к другу стали относиться очень плохо. Вот раньше ничё такого не было.

ЖАННА. Раньше – это когда?

КОСТИК. Ну, когда ещё меня не было. Было же такое!

ЖАННА. Ты-то откуда знаешь? Тебя же не было. Диванный психолог, блин!

ТРУП. Прав Костик! Суровые времена!

Жанна испуганно оборачивается. С ужасом видит Труп Виталия Семёновича, который, словно живой, удобно расположился на заднем сидении.

ЖАННА. Ты его слышал?

КОСТЯ. Кого?

ЖАННА. Назад посмотри!

КОСТЯ. Шутишь?

ЖАННА. Он мне подмигнул! Клянусь, только что!

ТРУП. Не подмигивал. Это рефлексы остаточные.

ЖАННА. Опять! Слышал?

КОСТЯ. Ты чего, Аньк?

ЖАННА. Останови машину!

КОСТЯ. Да ладно, не психуй.

ЖАННА. Останови, в багажник его закроешь!

ТРУП. Не полезу я в багажник!

Жанна хватается за руль.

КОСТЯ. Отпусти, дура! Убьёмся нахер!

ТРУП. Не дал Бог сына, блядь!..

ЖАННА. Останови, я сказала!

Жанна, наконец, выкручивает руль, на полном ходу машина съезжает в кювет.

6

Сумерки. Жанна нервно курит у обочины, куртаясь в розовый меховой жилет. Сигарета в её руке заметно дрожит. Костик осматривает погнутый бампер машины.

КОСТИК. Ну, только напидорил ласточку мою! Пряма пацанский таз радует глаз! Ну, нахера было руль-то хватать?!

ЖАННА. Не гунди, оплачу я бампер!

КОСТИК. Ясен пень, оплатишь! Поехали уже!

ЖАННА. Я с ним в салоне не поеду. В багажник переложу.

КОСТИК. Ты чё, с дубу рухнула? Отца родного в багажник!

ЖАННА. Ему всё равно уже. А мне нет.

КОСТИК. Вот говорила мне мать: Анька из столицы другая приехала! Бесы в ней, говорит. Отец умер, а

она ни одной слезинки! Я не верил, а вот теперь прям задумался.

ЖАННА. Я его пятнадцать лет не видела.

КОСТИК. А кто виноват?

ЖАННА. Он даже не позвонил мне ни разу. Когда мама умерла, телеграмму прислал. Похороны такого-то. И всё. Даже хоронили молча. При жизни ни слова, ни полслова. А тут пробило его!

КОСТИК. Я не понял, тебя в смысле глюкануло, что ли?

ЖАННА. Несмешно!

КОСТИК. Серьёзно?! Нихера се! А ты его настойку самогонную не пила случайно? У нас дед один по синьке Брежнева в общественной бане увидел. Пришёл домой, вместо икон бабкиных портрет Леонида Ильича в красный угол повесил и молился ему две недели где-то. Ну, пока из запоя не вышел. Так что и тебя, Анька, отпустит. Прямо отвечаю.

ЖАННА. Смешной типа, да? Сидишь в быдлотачке своей, Юмор эфэм слушаешь! Самый умный теперь?

КОСТЯ. А ты чё такая бóрзая?

ЖАННА. А ничё! Бесят меня такие, как ты, Костя! ПТУ в анамнезе, а туда же – жизни учить! Перекладывай тело в багажник или я никуда не поеду!

КОСТИК. А я тебе носильщиком не нанимался! Хочешь на трассе с трупом ночевать – ночуй! Мне похуй!

ЖАННА. Ну, и выгружай тогда! Я шас чего-нибудь покрупнее корыта твоего поймаю!

КОСТИК. Да кто тебя повезёт?

ЖАННА. Да кто угодно! Лишь бы не ты!

Жанна начинает голосовать на дороге. При виде эффектной женщины некоторые машины сигналият, но не останавливаются.

7

Композиция №3. Ария Ленского из оперы «Евгений Онегин».

КОСТИК. Он мне чё-то сразу не понравился. УАЗ Патриот, номера соседнего региона. Знаю я таких патриотов! Остановился – стекло опускает. Улыбчивый, сука! Лет сорок пять, шмотки приличные. Говно какое-то из колонок играет. Анька ему, мол, подвезите девушку, очень надо! И мнётся, сказать про труп как-то надо поаккуратней.

ЖАННА. А как тут скажешь? Можно со мной папа поедет? Только он умер. Всё нормально, я его не убила. Тихо полежит в багажнике – даже не заметите! Короче стою, слова подбираю. Интеллигентные люди всё-таки – оперу слушают! А Костик, сука, в машину свою сел и свет выключил. Сидит, как будто не при делах.

КОСТИК. Анька мнётся чё-то, придумывает. А этот улыбчивый из машины выходит и по спине по меху розовому её гладит. Говорит типа: нормально всё, по цене сговоримся. Я короче не всё услышал, но жопой чувствую – засада какая-то. А мне щас вообще никуда лезть нельзя – у меня ж условный.

ЖАННА. Я не поняла сначала, что он насчёт цены сказал, ну, потому что в голове-то продолжаю думать как ему про Виталия Семёновича сообщить. А он уже про охоту мне втирает, говорит, кабана в лесу завалили. Русский лес вообще сила! Не то, что у пиндосов этих за бугром! И чё-то ещё такое патриотичное. Улыбается и к машине ведёт. Нас, говорит, двое, деньгами не обидим! И тут до меня доходит, чего он от меня хочет. А он уже дверь переднюю открыл. А там ещё один мужик на заднем сиденье. Я рванулась, а он держит. И продолжает улыбаться, сальной этой своей улыбочкой.

КОСТИК. Тут второй из машины вышел, думаю, пиздец! Щас Аньку в машину заташат, а мне одному с трупом без документов куда ехать? Короче сучка она та ещё, но вторую половину ещё не заплатила! Так что я взял монтировку и вышел к ним.

ЖАННА. Короче Костик, конечно, выглядел убедительно с монтировкой... Но этих патриотов же двое было – нос ему расквасили, на землю повалили. Хорошо, что Костик худой и гибкий оказался, как-то вывернулся, в машину и по газам... Едем, молчим. Кровь у него с носа капает. Мне стыдно стало. Ну, что я ему наговорила всего, а он за меня в драку полез.

КОСТЯ. Нахера я за неё в драку полез? Сбросил бы труп на обочине и свалил! Нос опять сломали. Второй раз за год! Буду опять как чмошник с мордой распухшей ходить, ни одна баба нормальная не даст!

ЖАННА. Я просто ощутила какое-то острое чувство благодарности! За меня никогда никто не дрался. Ни в детстве, ни потом.

КОСТЯ. Морда горит, кровяца на штаны капает. Пиздец! Думаю, вот сейчас остановлюсь и высажу её с папашей вместе. И тут она пальцами осторожно так к руке моей прикасается и тихо так говорит: «Спасибо!» И я еду дальше, просто еду и молчу...

ТРУП (*напевает на блатной манер*). «Куда, куда ж вы удалились весны моей златые дни?»

ЖАННА. Блядь! Опять!

8

Ночь. Морг в райцентре. На железном столе лежит Труп Виталия Семеновича. Жанна старается не смотреть на него, в её больших наушниках громко играет музыка.

ТРУП. Анька! Слышь? Может, пожрать чего принесёшь?

ЖАННА. Я ничего не слышу.

ТРУП. Ну, нахер мне твой дневник? Ну, отличница и ладно!

ЖАННА. Всё нормально, это просто реакция на стресс.

ТРУП. Ань, куда мать бутылку дела?

ЖАННА (*снимает наушники*). Тебе чего надо от меня?

ТРУП. С дочерью за жизнь побазарить.

ЖАННА. При жизни надо было за жизнь базарить, ясно? А сейчас поздно, здесь остаёшься!

ТРУП. Не факт!

Входит улыбчивый Патологоанатом.

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Так, состояние лица удовлетворительное. Мешочки, синеву поправим. Будет свеженький и румяный.

ТРУП. Ну, хоть в гробу красавчиком полежу!

ПАТОЛОГОАНАТОМ. С момента смерти часов пятнадцать прошло? Будем бальзамировать.

ТРУП. Лады!

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Итого: бритье, стрижечка, нанесение макияжа, бальзамирование. Всего двенадцать тысяч рублей.

ЖАННА. Сколько?

ТРУП. А ты не охренел ли?

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Цена средняя по рынку. Можете проверить.

ТРУП. Проверим, не сомневайся!

ПАТОЛОГОАНАТОМ. А хоронить надо красиво. Чтоб потом стыдно не было. А то экономят на всём, а потом к нам же претензии.

ЖАННА. Я смогу его здесь прямо щас оставить?

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Ну, конечно, сможете.

ТРУП. Двенадцать тыщ, Анька! С ума сошла?

ЖАННА. Оформляйте.

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Свидетельство о смерти с собой?

ЖАННА *(протягивает бумажку)*. У меня вот справка. Экспертиза ещё нужна. Судмед которая.

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Подождите, это не ко мне, а к Денисенко. А он в отпуске.

ТРУП. Как в отпуске?

ЖАННА. А кто замещает?

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Никто. Он один у нас – город-то маленький. Хороним обычно так, без экспертизы.

ТРУП. Тунеядцы, блядь!

ЖАННА. Ну, может, вы сами напишете? За него?

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Я не эксперт. Не имею права.

ТРУП. Поехали отсюда, Анька!

Жанна кладёт перед Патологоанатомом пяти-тысячную купюру.

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Ну, не знаю, девушка. На теле синяки и повреждения.

ЖАННА. Так это уже после смерти! Понимаете, мы в ДТП попали...

ТРУП. А кто виноват?

ЖАННА. Да я виновата. (Патологоанатому.) Вы напишите только!

Патологоанатом раздумывает, Жанна кладёт ещё две тысячи.

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Отвезите лучше в центральный морг, ну, или в соседнюю область – туда ближе. Километров триста.

ЖАННА. Издеваетесь? Я к вам двести ехала! С этим вот!

ТРУП. Цыц, женщина!

ЖАННА (*Трупу*). Да хватит уже!

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Это вы кому?

ЖАННА. Ему, неважно!

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Слушайте, мне проблемы не нужны. Забирайте его! Я вам сейчас экспертизу, а потом объявится какой-нибудь родственник... дееспособный! Брат, сват, племянник! (*Выходит.*)

ЖАННА. Да нет у него никого! Только я!

ТРУП. И правда. Только ты...

9

Композиция №4. Pink Floyd - The Wall.

ЖАННА. Помню, играем мы во дворе с подружкой. Я в классе седьмом училась. Она на год старше: красивая, нарядная. У неё лосины ещё такие розовые были, мать из райцентра привезла. Все девчонки завидовали. И вот отец с работы возвращается. Трезвый, хмурый. Стоит у подъезда, домой меня зовёт. Гулять хочется, но я иду. Боюсь спорить, чтобы не разозлить. А подруга за мной бежит. И ему такая говорит: «Пусть Аня ещё немножко погуляет!» Тут мне сразу страшно и стыдно стало. Сейчас, думаю, отец грубое что-то скажет как обычно. А она со мной дружить перестанет. Отец хмурится, бормочет что-то себе под нос. А на первом этаже окна открыты – музыка играет иностранная. И подруга вдруг говорит: «А Вы знаете, что это за песня играет? Pink Floyd – “The Wall”, слышали?» И он прямо в лице меняется. Ухмыляется

и говорит: «Точно Pink Floyd. Молодец!» Молодец! Чужой девочке, которую он в первый раз видит! Меня он никогда не хвалил. Ни разу в жизни он не сказал мне: «молодец»! В тот момент мне отчаянно захотелось вызубрить наизусть каждую композицию на его кассетах! Но трогать музыкальный центр было запрещено... А с той девочкой я больше не дружила. Она не понимала, чем меня обидела. Да я и сама толком не понимала.

10

Жанна и Костик в машине. Труп тихо лежит на заднем сиденье.

КОСТИК. Триста километров – три тысячи.

ЖАННА. Ладно.

КОСТИК. И деньги вперёд.

ЖАННА. Хорошо

КОСТИК. Могу в багажник его, если хочешь.

ЖАННА. Не надо.

Жанна устало, достаёт носок с деньгами, отсчитывает и протягивает Костику три тысячи. Кладёт носок обратно.

КОСТИК. Это типа новая мода в Москве такая - носки в трусы заправлять?

ЖАННА. Типа того.

КОСТИК. Зря бабло своё запалила. Я ж вор. Мать, чего, не сказала?

ЖАННА. Сказала.

КОСТИК. Не боишься?

ЖАННА. Ну, ты ж в трусы мне не полезешь?

КОСТИК. Нужна ты мне.

ЖАННА. Ну, поехали тогда.

КОСТИК. Покимарю часок и поедем.

ЖАННА. Не, вези сейчас, а то или этот протухнет, или я с ума сойду.

КОСТИК. Опять Виталий Семёныч барагозит?

ТРУП. Поговори у меня, сопляк!

ЖАННА. Да не, молчит пока. Машину заводи!

КОСТИК. Я так-то вторые сутки за рулём, Ань! За-сну – убьёмся!

ЖАННА. А ты говори чего-нибудь. О себе. Ты же любишь о себе? Вот и Виталию Семёнычу интересно.

ТРУП. Хер там!

ЖАННА. С удовольствием, говорит, послушает.

КОСТЯ. Шибанутая ты, Анька. На всю голову.

ЖАННА. Поехали!

Костик заводит машину, едут.

КОСТИК. Короче, мы с женой в райцентре жили...

ЖАННА. С женой?

КОСТИК. Бывшей. Квартиру снимали, как положено всё. Она работу не могла найти долго, я барменом устроился... Месяц проработал. Зарплата двадцать тыщ, штрафы. Короче, херня какая-то. А у меня друг был. Ну и есть. Он, короче, воровал зеркала с машин.

Ну, и мне говорит: ну чё, давай типа! А я... ну я боюсь, вообще, всего, потому что у меня дедушка мент, ну, ты ж в курсе? И все думали, что я по форме пойду. Блин, ну, а чё делать? Ну, придётся – семью-то надо обеспечивать. И мы с ним, короче, начинаем вот это. Подходишь к машине, снимаешь зеркала, элементы. Клац, клац! Три секунды и ты снял. Не сами вот эти уши, а зеркальные элементы, поняла?

ЖАННА. Угу.

КОСТЯ. Но они как бы стоят нормально! Мы делали, ну, я не знаю, штук, наверное, по двадцать машин. День я сплю, ночь мы работаем... Потом в итоге мы уже начинали завязывать с этим. Потому что мы с Полиной, с женой, начали сильно ругаться. Она говорит: ну, если ты не прекратишь, мы реально расстанемся. В итоге, короче, в один прекрасный момент я выхожу с Полиной с квартиры. И ко мне такие: Константин Петрович? Всё верно. Бах-бах, короче скручивают! Полина адвоката нашла – условный дали, два года.

Жанна задремала, но Костик этого не видит.

А знаешь, как нас взяли в итоге? Запись с видеорегистратора. Мы зеркала просто у начальника ОМОНа местного сняли. Жены его. Ну, мы-то откуда знали, ну, реально! Напиши на капоте: «жена начальника ОМОНа» – к машине близко никто не подойдёт! Он хотел сам лично нас брать. Нас даже по телеку местному показали... Мне похую, в принципе. Перед мамой только стыдно... Ань, ты спишь, что ли?

Костик трогает за плечо спящую Жанну. Она не реагирует. Он отвлекается от дороги и смотрит

на её спокойное красивое лицо. Тут же наезжает на что-то. Резко тормозит. Жанна просыпается от удара.

ЖАННА. Блядь, Костя! Ты заснул, что ли?

КОСТИК. Хуже. Сбил что-то.

ЖАННА. Или кого-то?

Костик и Жанна выходят из машины. Стоят возле капота.

Собака.

КОСТИК. Колесо пробил. Запаску поставлю и поедем.

ЖАННА. Не. Похоронить надо.

КОСТИК. А Виталий Семёныча, значит, не надо?

ЖАННА. Мы быстро. Не на дороге же оставлять?

Костя достаёт сапёрную лопатку из багажника. Пока Жанна идёт в сторону леса, Костя, немного подумав, открывает капот, вынимает провода из аккумулятора и прячет их под водительское кресло.

Композиция №5. Родион Газманов «Люси».

ЖАННА. Я помню, мы всё время с ним мечтали о собаке. Ну, как мечтали? Я хотела собаку, он тоже. Общих тем у нас в принципе не было. Но иногда он подзывал меня к себе и гладил несуществующего пса

средних размеров. Мне нравилось смотреть, как он мечтает. Казалось, что это были единственные минуты, когда он был такой живой, что ли. Всё остальное время он мало улыбался, когда был трезвый. В семье ему, вообще, было как-то очень сложно находиться. Пытался скрыться, спрятаться. В телевизор, в бутылку... Когда выходил из запоя, мама закрывала в спальне дверь. Говорила: тише, тише, папа устал, папа отдыхает, не мешай ему. Или ещё: отнеси папе поесть. Ему будет приятно. Никто никогда не спрашивал, будет ли приятно мне.

ТРУП. Жорик, хороший пёс! Жора, лапу дай! Дай лапу, дебил! Хорошо!

ЖАННА. Он всё-таки купил собаку – овчарку немецкую. Жориком назвал. Сначала сам возился, даже пить бросил на какое-то время. А потом надоело, видимо. Жорик вырос огромным и дурным. Бросался на прохожих, гадил по углам, был неудобным, лишним в доме. Как и я. Я любила его, часто сидела в темноте коридора с ним в обнимку – с таким дурным и несчастным. А потом отец стал использовать Жорика, чтобы выйти из дома. Мать бутылки прятала и на улицу не пускала, чтобы протрезвел. А тот рвался на свободу, пойду, говорит, с собакой гулять! А мать говорит: «Аня с тобой пойдёт!» И вот я иду, на улице снег мокрый, противный. Отец Жорика у кафе привязывает: жди, говорит. Щас вернусь... И я стою на холоде под снегом. Я не плачу, телефонов мобильных не было тогда – не позвонишь никому. В кафе зайти тоже не решаюсь. Просто стою и жду. Я бы, наверное, всю ночь так простояла, если бы он заснул в кафе этом. Он выходит через час, может, через полтора. Или мне ка-

жется, что прошло так много – в детстве время тянется бесконечно. Прихожу домой, ноги мокрые. Болею потом долго. Мама больше не пускает меня гулять с ним...

Вообще, я мало что хорошо помню из детства. Но эту ночь я запомнила в деталях: снег, свет фонаря, Жорик и тоска, которая медленно заполняет меня изнутри и лишает воли.

12

Жанна стоит над свежим холмиком с лопатой в руках. Костик мнётся рядом.

КОСТИК. Холодно. Пойдём уже?

ЖАННА. Давай ещё постоим.

КОСТИК. Может, ещё речь толкнём за упокой?

ЖАННА. Речи – это в фильмах американских, а у нас молча всё. Но ты скажи, если хочешь.

КОСТИК. А чего я?

ЖАННА. Ну, это ведь ты её сбил.

КОСТИК. Может, она давно лежала?

ЖАННА. Вообще-то, непохоже.

КОСТИК. Не знаю, чего говорить. Я ни разу на похоронах не был.

ЖАННА. Повезло.

КОСТИК. В смысле не потому, что не умирал никто. Просто как-то в школе мать не пускала. А потом типа я и сам не ходил.

ЖАННА. Почему?

КОСТИК. Ну, мёртвым же всё равно.

ЖАННА. Уверен?

КОСТИК. Не знаю... В детстве, когда бабушка умерла, мне не говорили долго. Лет пять, может, мне было. Она по отцу – в соседней деревне жила. И вот месяц где-то прошло после похорон. Снится мне комната светлая такая. Ну, обычная типа. И в ней бабушка. Окно в комнате открыто, и она на подоконнике сидит, ногами болтает. А за окном картинка какая-то знакомая – море, пальмы. Я говорю: бабуль, ты аккумулятивней – высоко же! А она говорит: не бойся, Костик, там хорошо. И вниз спрыгнула. Я проснулся, матери рассказал. А она мне говорит – в раю теперь твоя бабуля.

ЖАННА. Море и пальмы, значит? Как в кино?

КОСТИК. Не, не в кино. Я потом только понял, где я видел эту картинку. Реклама шоколадки «Баунти». На автобусной остановке нашей висела. Так что, может, и нет никакого рая.

Оба молчат.

ЖАННА. Я на море только один раз была. В Анапе.

КОСТИК. А я ни разу. Воровал когда, всё откладывал. Хотел в приличное место Полинку отвезти. Типа того, которое на картинке от Баунти. Обломался!

ЖАННА. Она тебя бросила, да?

КОСТИК. Сразу после суда. Ушла к перспективному с квартирой. А он мальчик... одуванчик просто.

Я говорю: Полин, я всё понимаю! Но вот это я вообще не понимаю!

Жанна берёт Костю за руку. Они несколько секунд стоят молча, не двигаясь.

КОСТЯ. Короче... Прости, Бобик! Земля тебе пухом, брат!

13

Композиция №6. Дивна Любоевич «Богородице Дево».

ЖАННА. В детстве я знала только одну молитву – Богородице. В церкви была один раз всего – на крещении. Бабушка лет в десять отвела и покрестила. На листочке написала две молитвы: Отче наш и Дево радуйся, иконки купила. Я поставила на полку только её, Богородицу. Иисуса не стала. Мне казалось, что он же мужчина, он меня не поймёт. И выучила «Дево радуйся» наизусть. Каждый вечер перед сном я читала её три раза и просила за него: чтобы излечился и пить бросил. Каждый вечер, пока школу не закончила.

А зимой, когда темнело, я часто стояла на пустой улице, задрав голову. И, клянусь, слышала, как будто кто-то поёт на небе мою молитву. Нечётко, комкая слова, но поёт. Мама говорила, что это ветер просто. Но я хотела точно знать, что она слышит. И поможет, нужно просто продолжать просить. А когда в Москву уехала, не слышала больше. Ни разу. Шумно очень, город всё-таки.

В машине. Костя пытается завести мотор, не заводится.

КОСТЯ. Аккумулятор сел, сука.

ЖАННА. С чего?

КОСТЯ. Свет в салоне кто-то не выключил.

ТРУП. Анька, опять ты? Бестолочь!

ЖАННА. Нас полчаса всего не было!

КОСТЯ. Тачка старая, ей много не надо.

ТРУП. А нехера хоронить кого попало, пока отец не похороненный!

ЖАННА. И что делать?

КОСТЯ. Ждём попутки прикурить.

ЖАННА. Трасса пустая – три часа ночи.

КОСТЯ. Заночуем, значит.

ЖАННА. Ночью минус, вообще-то.

КОСТЯ. Будем греться! *(Достаёт из бардачка бутылку водки.)*

ТРУП. Водка – зло, Анька!

ЖАННА. А ты не завидуешь.

КОСТЯ. Чего?

ЖАННА. За тебя, говорю, Костик!

Жанна хватается у Костика бутылку и пьёт прямо из горла. Из динамика доносится Хулио Иглесиас. Жанна тычет в кнопку выключения, но мелодия продолжает играть.

КОСТИК. Ань, ты чего? Без аккумулятора не работает!

ЖАННА (*бьёт ладонью по магнитоле*). А ты не слышишь, что ли?

КОСТЯ. Чего?

ЖАННА. Да музыку эту его мудацкую!

КОСТЯ. О, Аньке больше не наливать!

ЖАННА. Да идите вы!

Жанна выходит из машины с бутылкой в руках, хлопает дверью. Пьёт. Костя выходит за ней, отбирает бутылку.

КОСТИК. Эй, потише давай!

Костик снимает с себя куртку и набрасывает Жанне на плечи.

ЖАННА. Знаешь, Костя, зачем я сюда приехала?

КОСТЯ. К отцу.

ЖАННА. Дом продать... Он сам позвонил. Никогда не звонил, а тут телефон достал где-то. Завещание, говорит, оформил. Плохо совсем. Приезжай – похоронишь. Я на два часа опоздала. Он умер уже. И я прям обрадовалась. Что притворяться не надо близкими людьми – за руку держать, говорить что-то. Наконец-то, думаю, отец все проблемы мои разом решит, хоть раз в жизни!

КОСТЯ. Проблемы?

ЖАННА. Я денег должна. Много.

КОСТЯ. Кому?

ЖАННА. Приставы, коллекторы – не знаю! Я в Москве в дорогом бутике работала. Расхерачила там витрины, все костюмы порезала. На складе тоже.

КОСТЯ. Зачем?

ЖАННА. Потому что есть вещи, которые нельзя прощать!

КОСТЯ (*задумчиво выпивает*). А я думаю, жизнь – это бумеранг, Анька! Ты не простил – тебя не простили.

ЖАННА. А ты, значит, всех простил?

КОСТЯ. Всех.

Оба Молчат.

ЖАННА. А помнишь, как ты семилетний на холодном балконе запертый часами сидел?

КОСТЯ. Давно было. Чего вспоминать?

ЖАННА. Он ведь даже не родной отец тебе был!

КОСТИК. Ну, был и сплыл!.. Я на том балконе в половик старый заворачивался. Банки с заготовками на зиму лопал. И огурцы солёные на удочке тебе на нижний этаж спускал.

ЖАННА. А я огурцы снимала и конфеты на леску привязывала.

КОСТИК. «Белочка».

ЖАННА. Мои любимые.

Костик целует Жанну, она прижимается к нему. Костя сбрасывает с Жанны куртку, холодными пальцами трогает её кожу под кофтой. Жанна

забирается на капот. Костя забирается следом за ней. И им совсем не холодно сейчас. Жанна смотрит в небо и ей снова кажется, что как в детстве она слышит голоса.

15

Композиция №7. Колыбельная «Серенький волчок».

ЖАННА. Я в Москве в дорогом бутике работала. Хорошее место – костюмы мужские, публика приличная. Весной меня владелец повысил до старшего менеджера. Я ему отчётность домой возила. А что? Приличный мужик за пятьдесят. Никогда ни намёка, ничего. А тут он говорит: хочешь чаю? я пирог испёк. Я ни разу мужика, который бы что-то своими руками приготовил, не видела. Ладно, говорю. Он напротив садится и сок из стакана пьёт. Повернулся неловко и на себя пролил. Я салфетки ему протягиваю, а он такой: ты ешь, а я щас в стиралку запихну. И выходит из ванной в банном халате. Ничего, говорит, что я подомашнему? Ничего, говорю. Нормально. А он садится, продолжает о работе тереть что-то. И тут я понимаю, что под халатом-то у него ничего нет. Ну, то есть, совсем. Распахнулся халатик, а там член его болтается. Случайно как будто. Ну, я, как воспитанная стараюсь не смотреть туда. Сижу, продолжаю дела в магазине обсуждать. И разговор как-то всё в тупик уходит. Тут я, конечно, не выдерживаю и говорю: «Сергей Семёныч, вы уж как-то слишком по-домашнему!» И киваю ему на причинное место. А он не смутился даже: мы

с тобой, говорит, как nudисты на пляже чай с пирогом пьём, да? Только вот ты в платье, а это неправильно. И начинает трогать себя... Мне так противно стало. А сказать ничего не могу – сижу как парализованная! Он меня раздевает, а я всё думаю: сама виновата, бес-толочь! Домой приехала, пироги его ела... И тоска, какая-то знакомая тоска изнутри заполняет...

Он вызывал к себе раза по три в неделю, премии выписывал. А через пару месяцев меня прямо в бутике перед клиентом стошнило в примерочной. Сергей Семёныч сам в больницу отвёз. Выскребали долго, срок уже большой был. Врачиха улыбочивая такая. Приходите ещё, говорит! Я после этого совсем поехала: клиентам стала хамить, выручку считать не могла... Она мне каждую ночь снилась – девочка лет пяти с серыми глазами. Я сижу перед зеркалом – сморщенная старуха, а она волосы мои седые в косы заплетает. И моя красота и сила у неё теперь.

16

Утро. Обшарпанная остановка на трассе. На лавке завернувшись в куртку Костика, спит Жанна. Рядом Труп. Он осторожно гладит Жанну по волосам.

Жанна ворочается и просыпается. Тревожно осматривается. Бежит на трассу, но ни Костика, ни его машины нигде нет. Она ощупывает себя, но заначки с деньгами тоже нет. Роется в сумочке, вытряхивает её содержимое на лавку.

ТРУП. Нет больше денег. Не поняла ещё?

ЖАННА. Может, он на СТО уехал? Просто будить не хотел!

ТРУП. А деньги спиздил, чтобы другие не обокрали?

Жанна пытается набрать Косте на мобильный. Сбрасывает. Набирает снова.

ЖАННА. Не доступен абонент. Сука!

Труп молчит.

Ну, чего ты молчишь? Давай, поглумись!

Труп молчит.

Взрослая. Приехала проблемы решать. И где я теперь? С Трупом на остановке в Хуево-кукуево!

Труп молчит.

Знаешь, что я сделала первым делом, когда из дома съехала? Паспорт поменяла. Я ничего от тебя оставлять не хотела. Ни имя, ни фамилию. И вот круг, сука, замкнулся! Я такая же неудачница, как ты. Нет, хуже — я в квадрате! Это просто твой генетический код во мне сработал... Бестолочь!

ТРУП. Нет.

ЖАННА. Тварь безголовая!

ТРУП. Нет.

ЖАННА. Сама виновата!

ТРУП. Хватит! Сопли утри и лови машину!

ЖАННА. Чего?

ТРУП. Он на запаске – далеко не уехал.

ЖАННА. В смысле? Мне все дороги по области обыскать?

ТРУП. В полицию дуй давай – у него срок условный! На учёте, значит.

ЖАННА. Если из области свалит, реально посадят.

ТРУП. Тютя твой Костик: не найдёшь, всё равно к мамке прибежит! Тачку лови давай!

ЖАННА. Да кто меня с трупом повезёт?

ТРУП. Я тут подожду. Мёртвые не мёрзнут!

Труп ложится на лавку, сложив руки на груди, как ему и положено. Жанна некоторое время не решается уйти.

Чё стоишь? Иди давай!

Жанна уходит.

17

35

Заправка на трассе. Костик меняет запаску на новое колесо. Рядом с ним останавливается автомобиль с надписью «полиция», из которого выходит Полиционерка, крепкая молодая женщина в форме. Она говорит по телефону.

ПОЛИЦИОНЕРКА. И скажи гандону этому, что прикрывать я его больше не буду! Напарник херов!

Полиционерка сбрасывает вызов. Рассматривает Костика. Костик испуганно замирает.

Сюжеты

КОСТИК. Здрасьте!

ПОЛИЦИОНЕРКА. Отвечаем, не думая: Макконахи или Харельсон?

КОСТИК. Как мужчина в смысле?

ПОЛИЦИОНЕРКА. Не думая!

КОСТИК. Макконахи... наверное...

ПОЛИЦИОНЕРКА. Ответ неверный! Документы ваши!

КОСТИК. Ну, это кому как нравится, вообще-то...

ПОЛИЦИОНЕРКА. Харельсон – мужик, я считаю! А Каменьков говорит, что я извращенка! Ну, не мудака?

КОСТИК. Однозначно.

ПОЛИЦИОНЕРКА. Документы где?

КОСТИК. Слушайте, я тороплюсь просто... Может, мы как-то...

ПОЛИЦИОНЕРКА. Суетишься много. В машину давай.

Костик обречённо достаёт документы из бардачка, оба садятся в полицейскую машину. Костик протягивает Полиционерке документы. На заднем сиденье в машине сидит Жанна, но взволнованный Костик её не замечает.

Так... Регион соседний, а срок у тебя условный, Константин Иванович!

КОСТИК. А как вы так быстро-то?

ПОЛИЦИОНЕРКА. Ориентировка на тебя пришла. За границы области выехал? Деньги у пассажирки украл. А это уже рецидив! Так что сидеть тебе долго и

счастливого, я думаю. Лет пять-семь, может, дадут. Как тебе такое? Будешь знать, как женщин одиноких обворовывать! Руки давай!

Полицонерка надевает на Костика наручники.

ЖАННА. Подождите, я передумала!

КОСТЯ. Анька?

ПОЛИЦИОНЕРКА. Нет уж, дорогая моя, это так не работает.

ЖАННА. Он не воровал – мы поссорились просто!

ПОЛИЦИОНЕРКА. Жалко стало, да? Чё ты его, мудила, жалеешь? Он тебе сегодня цветочки, винцо, сериалы в кровати, а завтра на дежурство не вышел. Знаем таких!

ЖАННА. Я могу заявление забрать?

ПОЛИЦИОНЕРКА. Заявление, можешь. А нарушение установленных ограничений на условном сроке – это однозначно залёт! Так что ты выходи давай. А мужика твоего я забираю.

ЖАННА. Сорок тысяч!

ПОЛИЦИОНЕРКА. Чего?

ЖАННА. Больше нет. Но это налом.

ПОЛИЦИОНЕРКА. Ты дура совсем? Щас и тебе статью пришью!

КОСТИК. Да ладно, шутит она. Ань, выходи давай!

ПОЛИЦИОНЕРКА. погоди! Какой размер у тебя?

ЖАННА. Второй. А что?

ПОЛИЦИОНЕРКА. Да не груди – шубы!

ЖАННА. Подходящий. (Снимает меховую жилетку и кладёт на сиденье. Костику.) Деньги где?

Костя достаёт и протягивает Жанне деньги. Она отдаёт их Полиционерке. Та нехотя снимает наручники с Костиных рук.

ПОЛИЦИОНЕРКА. Бросит он тебя скоро! И не говори потом, что я не предупреждала.

Жанна и Костя выходят из машины. Полиционерка уезжает. Они остаются стоять на холоде без верхней одежды.

КОСТЯ. Ань, я...

ЖАННА. Завали и слушай. Ты мне должен теперь и поэтому сейчас мы заберём отца. И ты повезёшь его бесплатно, куда я скажу. А если ещё раз дёрнешься, на следующем ДПС я ментам скажу, что это ты его убил! Понял?

КОСТЯ. Понял.

38

Жанна садится в машину Костика, демонстративно громко хлопнув дверью. Костя садится за руль. Машина уезжает с заправки.

18

Композиция №8. Эннио Морриконе Mille Echi из к/ф «Спрут».

ЖАННА. Я хорошо помню отца молодым, он носил круглые солнечные очки и длинное чёрное паль-

Сюжет

то. Мать ещё в девяностые привезла из райцентра. Пальто она берегла, чистила и вешала в шкаф в коридоре. Когда никто не видел, я забиралась в шкаф и заворачивалась в это пальто – оно пахло сигаретами и дешёвым одеколоном отца. Каждое утро я смотрела на него через окно. Как он уходил на работу, высокий и красивый, в том самом расстёгнутом пальто как киногерой. Перед поворотом он всегда оборачивался и смотрел в моё окно. Я прижималась лицом к холодному стеклу, махала ему ладошкой. А он просто уходил. Ни разу не помахал в ответ. Как будто не собирался возвращаться.

19

*Морг. Костик и Жанна сидят на кушетке.
Рядом на каталке лежит Труп. Долгое молчание.*

КОСТИК. После этой всей херни с условным сроком ну и сюжетом на телеке, я домой приехал. К матери. И вот пацан со мной дружил хорошо, Антон. Ну, такой хороший пацан. Я возле его дома припарковался, звоню ему, говорю: ну, чё ты, где ты? Он говорит: да меня нету – я по делам уехал. Я говорю: а, ну ладно! Сижу жду. И он как раз из дома выходит. Через стекло посмотрел на меня так и отвернулся. Ёб твою, думаю, ну ты чё? Я те чё-то сделал плохого? Ну, просто ладно, без всяких этих, подойди-скажи, блин, Костян, нам не стоит там. Ну, мы ж все люди...

ТРУП. Бла-бла-бла!

ЖАННА. Это щас к чему?

КОСТИК. Ну, просто все от тебя хотят что-то. Если можно с тебя чего-то поиметь, то ты друг. Если нет ничего, то ты не нужен... А ты за меня вписалась.

ЖАННА. Пожалела.

ТРУП. Дура душой!

КОСТИК. Я отдам...

ЖАННА. Наворуешь?

КОСТИК. Займу у кого-нибудь.

ТРУП. Пиздит как дышит!

ЖАННА. Не надо ничего.

КОСТИК. Гордая типа? А на что отца хоронить будешь?

ТРУП. Хороший вопрос, кстати!

ЖАННА. Не твоё дело!

Из кабинета выходит Санитар.

САНИТАР. Чистяков ваш?

КОСТИК. Наш!

ЖАННА. Мой.

САНИТАР. Справка в пятом кабинете. *(Снимает с тормоза каталку с Трупом.)*

ЖАННА. Умер-то он от чего?

САНИТАР. Да сердце, по-моему. Ничего интересного.

ТРУП. Как жил, так и умер.

Санитар увозит каталку, Жанна и Костик вдвоём.

КОСТЯ. Ну что, в пятый кабинет?

ЖАННА. Знаешь, Костя, у меня в Москве собака была, дворняжка. Кобель такой мелкий, некастрированный. Запрыгнет мне на ногу и наяривает. А я не прогоняю, знаю же, что не может ничего. Жалко его просто. Вот и с мужиками у меня так.

КОСТЯ. Давай хоть до дома доброшу.

ЖАННА. Сама доеду!

Жанна уходит.

20

Композиция №9. Линда «Мало огня».

ЖАННА. Прямо перед отъездом в институт отец повёз меня в обувной магазин в райцентре. Пьяный был, конечно. С продавщицами мерзко флиртовал. Ботинки выбирал долго – наслаждался. Типа вот, посмотрите, для дочери ничего не жалко! А мне провалиться хотелось, исчезнуть. Всё время, пока я застёгивала замочки эти, клёпочки.

Так вот в том магазине играла кассета Линды. Помнишь, такая песня у неё есть «Мало огня». Гнусавая такая. Я потом в институте в караоке с подружками ходила, и пьяная всё время почему-то её заказывала.

КОСТИК. Самое главное в нашей жизни – это время. И кому ты его уделяешь. Всё можно изменить, кроме одного: назад время нельзя вернуть. И когда ты человеку просто звонишь... или звонИшь, как там

правильно? Меня всегда поправляют: звонИшь, да? Или звОнишь? Неважно, смысл остаётся тот же. Ты же тратишь на него своё время. Всегда есть время на человека. Ну, то есть абсолютно всегда! Минута, час, день – неважно! Ты, ну, приоритеты расставляешь, говоришь: да вот у меня не было времени позвонить. Как это у тебя не было времени? У тебя ж было время пойти поесть-поссать, ещё что-нибудь. Как это ты время не можешь найти? Лично моё мнение... Я так себе, вообще, собеседник на самом деле.

21

*Крематорий. Закрытый гроб. На нём сидит
Труп Виталия Семеновича. Холодно. Жан-
на кутается в кофту. Она явно рассержена, не
смотрит в сторону гроба.*

ТРУП. Вообще, я атеист, но крематорий!..

ЖАННА. А где мне деньги было взять?

ТРУП. Гореть тебе, папа, в аду, конечно! Но хочется увидеть своими глазами! Насладиться, так сказать?

ЖАННА. Хотела кредит взять на похороны – так квартира в залоге у тебя. У соседей ходила побиравлась!

ТРУП. Зато уголовника своего отмазала!

ЖАННА. Я в полной жопе, ясно? Ни денег, ни квартиры!

ТРУП. А кто виноват?

В помещение входит Сотрудница крематория. Правда, она скорее похожа на работницу ЗАГСа – яркий макияж, классическая хала на голове. Молча садится за синтезатор и наигрывает классическую траурную мелодию.

СОТРУДНИЦА КРЕМАТОРИЯ. Сегодня мы прощаемся с Чистяковым Виталием Семёновичем!

ТРУП. Ох, блядь!

ЖАННА. А я музыкальное оформление не заказывала.

СОТРУДНИЦА КРЕМАТОРИЯ. Не волнуйтесь. Это включено в базовый тариф.

ЖАННА. Композицию можно сменить хотя бы?

СОТРУДНИЦА КРЕМАТОРИЯ. В принципе можно. Но это за дополнительную плату плюс надо было заранее обговорить.

ТРУП. Мурку давай!

ЖАННА. Может, помолчишь?

СОТРУДНИЦА КРЕМАТОРИЯ. Не сбивайте, женщина, у меня сценарий. Виталий Семёнович ушёл внезапно, но оставил в нашей памяти только самое лучшее!

ЖАННА. Точно! Самое!

СОТРУДНИЦА КРЕМАТОРИЯ *(продолжая играть)*. Обратите внимание на Владимирскую икону Божией Матери в дальнем углу зала. Вы можете приобрести свечи и поставить их за упокой души усопшего. По ценам сориентирую.

ЖАННА. Давайте закругляться уже.

СОТРУДНИЦА КРЕМАТОРИЯ. Пятнадцать минут до следующего покойника.

ЖАННА. Ну, покурите пока.

Сотрудница крематория прекращает играть.

СОТРУДНИЦА КРЕМАТОРИЯ. Можете проститься с усопшим. *(Выходит.)*

ТРУП. Ну, чего? В лобик батьку поцелуешь?

ЖАННА. Гроб закрытый.

ТРУП. Ну, поплачь, что ли, для приличия. А то не по-людски как-то.

ЖАННА. Не хочу

ТРУП. Попляши тогда! На отцовских костях-то, а?

ЖАННА. Музыка кончилась.

ТРУП. Щас всё будет!

Труп спрыгивает с гроба, громко наигрывает на синтезаторе бодрый блатняк «Жиган-лимон». Поёт.

44

Я в детстве подружился с сигаретой, бывало, по карманчикам шмонал.

И папа ремешком лупил за это, но я тайком как прежде воровал.

Меня девчонки рано полюбили и с вечеринок пьяного вели.

Однажды было чуть не посадили, за что жиган-лимоном нарекли.

Труп танцует на крышке гроба. Жанна выдёргивает провод синтезатора из розетки.

ЖАННА. Хватит!

ТРУП. Смотри, Анька! Во сне к тебе буду приходить – совесть замучает!

ЖАННА. Мне сны с детства не снятся. Завтра уеду из жопы этой в Москву. На новую работу устроюсь. Буду стоять улыбаться в дорогом магазине среди красивых людей.

ТРУП. Да кто тебя возьмёт-то теперь? Куда? Семечками на вокзале торговать?

ЖАННА. Зачем я, вообще, к тебе приехала?

ТРУП. Потому что нет у тебя больше никого, Анька.

ЖАННА. Я не хочу тебя больше слышать. Понял?

ТРУП. Понял.

ЖАННА. Хватит!

ТРУП. Хватит...

ЖАННА. Тебя уже нет!

ТРУП. Меня уже нет... Есть только ты...

Жанна быстро выходит из зала.

22

Жанна в квартире отца. Пытается застегнуть свой чемодан: садится на него сверху, дергает молнию – ничего не выходит. Наливает себе водку в рюмку, пьёт. Очевидно, это уже не первая её рюмка сегодня. Щёлкает замок входной двери. Входит Костя.

ЖАННА. Стучать не учили?

КОСТЯ. Я за телеком. Мать попросила.

ЖАННА. Ну, выноси. Чё стоишь?

КОСТЯ. Собралась уже?

ЖАННА. Нет, блядь, решила остаться в вашей жопе! Выйду за тебя замуж, Костик! Детей-нищевродов нарожаем! Нормальный план?

КОСТЯ. Напилась, что ли?

ЖАННА. А тебе-то что?

КОСТЯ. Мать поминки завтра собирает.

ЖАННА. Молодец! Удачи! У меня автобус через час!

КОСТЯ. Никуда ты не поедешь. Проспишься, помянешь.

ЖАННА. А ты кто такой, а? Самый умный? Хочешь квартиру мою отжать? А отжимать нечего! Всё в залоге, блядь! Всё!

КОСТЯ. В залоге, да? Ладно. Ну тогда, может, шмотьё какое найду-заберу? Я не гордый – чё там у Виталия Семёныча осталось?

Костя открывает шкаф, выбрасывает оттуда шмотки. Натягивает на себя всё, что понравилось.

О, ботинки кожаные! Новые почти! У тебя же мужика нет – подарить некому. Я возьму! Чё там ещё? Пальтишко? Моль поела, но в целом покатит! (*Надевает пальто.*)

ЖАННА. Положи на место!

КОСТЯ. А чего не так-то, Аньк? Или как там тебя? Жанна? Блядское имя – не кажется?

ЖАННА. Пошёл вон из моей квартиры!

КОСТЯ. Да с удовольствием!

Костя хватает в коридоре ключи и запирает квартиру снаружи.

ЖАННА. Мудила!

Жанна наливает себе ещё, пьёт. Собирает с пола разбросанные Костиком вещи отца. Замечает в шкафу на полке подставку со старыми кассетами. Вытаскивает одну, вторую, ломает подкассетники, вынимает магнитные ленты, запутывается в них. Внезапно сквозь грязное стекло в окне она видит молодого отца в длинном пальто. Он всё так же идёт по двору до ворот, как в детстве.

Стой...

Жанна стучит в стекло, дёргает старую защёлку оконной рамы, но та не поддаётся. Она бежит к выходу, дёргает ручку входной двери, барабанит кулаками. Шарит по тумбочке – ключей нет. Снова бежит к окну.

Подожди!

Жанна дёргает защёлку ещё и ещё. Окно поддается. В комнату залетает холодный ветер. Жанна громко кричит в открытое окно.

ЖАННА. Папа!!!

Жанна высовывается из окна слишком далеко. И вот-вот упадёт, но видение не исчезает. Неожиданно её обхватывают знакомые руки в потёртом пальто. Жанна прижимается к Костику и видит, как её молодой отец останавливается у поворота. Он смотрит в её окно и долго машет Жанне рукой на прощанье.

КОНЕЦ

Наталья Ключарёва
АННА ПОЁТ

Действующие лица:

Живые:

ПЕТЯ АНТОНОВ – поэт, 1980 г.р.

СТАСЯ – возлюбленная Пети, 1980 г.р.

ЯРОСЛАВ – выпускник истфака, сотрудник «Мемориала», 1974 г.р.

МАЙ КАТУНИН – бывший зек, председатель «Мемориала», 1922 г.р.

ПРОФЕССОР – отец Стаси, алкоголик, 1935 г.р.

ВОЛОДЬКА – деревенский дурачок, 1931 г.р.

РАЕВСКИЙ – 1 бывший прокурор, пенсионер, 1913 г.р.

ГОЛОС ОТЦА ПЕТИ

ГОЛОС ГОСТЕЙ

Мертвые:

ИЯ – тетя Стаси, 1918 г.р.

АННА – прабабка Пети, 1910 г.р.

Действие происходит в 1999 году в областном городе.

Сцена 1

Площадь у памятника Ленину. Стася ходит вокруг памятника, Петя курит и следит за ней глазами. Ия ходит за Стасей. Петя и Стася не видят и не слышат её.

СТАСЯ. Нет, ну зачем я про это, вообще, знать должна? Мне девятнадцать. Я жить хочу.

ИЯ. Жить хочу.

СТАСЯ. Я честно пыталась выкинуть её из головы. Удалить, как ненужный файл. Но потом это стало – как не думать про белого медведя. Только об этом и думаешь. Ей тоже девятнадцать было, этой Ие... Это ж надо имечко такое – Ия. Как будто смотрит и говорит: и я. И я хотела жить. И я.

ИЯ. И я.

СТАСЯ. Сниться мне стала. Почти каждую ночь. И всегда один и тот же сон. Будто ничего поинтереснее придумать не могут! Идёт по набережной. Зима, сугробы. А она в летнем платье и туфельках. Проваливается по колено. А за ней – он. Квадратные плечи, куртка кожаная. Не приближается и не отстаёт. И лица не видно. Не человек будто.

ИЯ. Не человек будто!

СТАСЯ. Я с самого первого сна знала, что он её убил.

ИЯ. Убил. Убил!

СТАСЯ. И что с тех пор они так и ходят друг за другом... Но я-то тут причём? Мне-то какое дело? Это всё вообще сто лет назад было!

ИЯ. Было. Было. Было.

СТАСЯ. Отстаньте от меня! Чего вам надо? Свечку поставить? Да хоть сто! Только вы ж всё равно атеисты. Отпустите!

ИЯ. Отпустите!

СТАСЯ. На платье у неё была брошка. Вроде цветок. Но лепестки острые. Как иглы. Будто орудие пыток.

ИЯ. Пыток. Пыток...

СТАСЯ. Да замолчи ты! Мать с утра пристала: «Ты такая бледная. Не заболела ли». И я ей зачем-то этот сон рассказала. Чтоб отвязалась. А она как про брошку услышала – побелела вся. И ушла в комнату. Молча. Долго там в столе у себя рылась. Я уже ботинки зашнуровывала, она приносит эту фотку... Я вот думаю, если бы не длинные шнурки, может, ничего этого не было бы? Я бы успела уйти. А она бы передумала. Она же всю жизнь молчала.

ИЯ. Всю жизнь молчала.

СТАСЯ. А на фотке та самая девушка. Из моего сна. У неё лицо – не спутаешь. Запоминающееся. Красивое. И брошка та же самая. А на обороте: «Любимым родителям от дочери Ии в день восемнадцатилетия. 1936 год».

ИЯ. Родителям... От дочери... 36-й год...

СТАСЯ. «Это, вообще, кто?», – говорю. «Это моя старшая сестра. Ия?»

ИЯ. День рождения у меня в начале месяца, третьего. Родители брошку подарили. И чулки. Мы скромно очень жили. Потому что из бывших. А пятнадцатого

папу забрали. За то, что с немцем аптекарем в преферанс играл. Оказалось, что это фашистский заговор.

СТАСЯ. Бред какой-то!

ИЯ. Ну, немец же. Немец! Всё логично. Как мы сами не догадались. Хотя у него прадед ещё сюда приехал. При Екатерине. Или прапрадед.

СТАСЯ. В общем, сослали всех этих преферансистов в Казахстан. Потом деда второй раз забрали. И уже с концами. Бабка тогда беременна была. А он даже узнать не успел. Бабка перед смертью велела матери эту самую Ию найти. Она ведь тут оставалась. И отреклась от них. И они надеялись, уцелела.

ИЯ. «Порываю всякую связь с родителями: Виктором Александровичем и Ольгой Васильевной Царенко, проживающими в городе Чимкент Южно-Казахстанской области, Казахской ССР. Подпись: И. В. Царенко».

СТАСЯ. Но это ей не помогло. Забрали в 37-м. «Следствие прекращено за смертью обвиняемой». Это мать в архивах нарыла. Когда сюда приехала следы искать... Вот так. Сидишь, шнуруешь ботинки, а тебе на голову валятся мёртвые родственники. Скелеты из шкафа, блин.

ПЕТЯ: Я ж говорил, обрезать надо. Укоротить. Вечно возишься с ними по полчаса!

СТАСЯ. Одно дело слушать всю эту тоску на уроке истории. Или литературы. А когда у себя дома...

ПЕТЯ. Эй, хорош. Мне в школе «Ивана Денисыча» хватило. Пойдём лучше на набережную. Я тебе стишок написал.

СТАСЯ. Дурак, что ли?!

ПЕТЯ. Тебе посвящен.

СТАСЯ. Я туда вообще никогда не пойду больше!

ПЕТЯ. Почему? Ну, сон. Ну, девушка с брошкой. Мужик в кожанке. Чего тут такого, чтоб на набережную теперь не ходить?

СТАСЯ. Сама не знаю. Ничего такого вроде. Но страшно. Прямо тошнит.

ПЕТЯ. Может, тест купишь?

СТАСЯ. Дурак!

ПЕТЯ. Ты меня за одну минуту два раза дураком назвала.

СТАСЯ. Ага. Можешь писать на визитках: «Пётр Антонов. Дурак».

ПЕТЯ. Дурак – это не профессия.

СТАСЯ. Конечно. Это призвание.

ПЕТЯ. Зато у меня самая красивая девушка в городе. То есть, в мире.

СТАСЯ. Дурак!

53

Сцена 2

Май лежит, привалившись к забору. Рядом лежит Профессор. Здесь же стоит Ярослав с бумагами.

МАЙ (*Ярославу*). Чего ты надо мной нависаешь, как Железный Феликс? Не выношу этот твой прокурорский прищур... С таким взглядом надо не в право-

Сюжеты

защитники... а наоборот. В правоохранительные органы...

Появляются Стася и Петя. Петя на ходу читает стихи.

ЯРОСЛАВ. Подпишите. И закончим это.

МАЙ. Вот и мой следователь, незабвенный товарищ Миронов, точно так же говорил. Слово в слово!

СТАСЯ. Папа...

ПРОФЕССОР. Протестую. Мы незнакомы.

МАЙ. Опять он протестует. Протестант какой-то.

ЯРОСЛАВ (*протягивая бумагу*). Вот тут и тут.

МАЙ. И портфельчик-то у тебя, как у товарища Миронова... И чего ты ко мне присосался?. Давно бы научился каракули мои сам рисовать.

СТАСЯ. Папа, вставай. Нельзя лежать.

ЯРОСЛАВ. Нельзя подделывать подписи на финансовых документах. Я вам сто раз объяснял. Подсудное дело...

МАЙ. А и сходи под суд. Чего очкуешь? Не курорт, однозначно. Зато на своей шкуре опробуешь. А то всё пишет, рассуждает...

ЯРОСЛАВ. Да подписывайте уже! А то придут из Налоговой и опечатают все ваши бесценные базы данных!

СТАСЯ (*пытаясь поднять*). Папа, замёрзнешь!

МАЙ. Мёрзнут только те, кто в лагерях не был... Не в пионерских, барышня....

СТАСЯ. Идём домой.

ПРОФЕССОР. Нет у меня никакого дома! У птиц есть норы... то есть, нет... это у лис... У лис есть крылья... Черт, всё смешалось...

ПЕТЯ. У лис есть крылья? Это гениально! «У лис есть крылья... У птиц есть норы... Улисс... та-та-та... вернулся в город...» *(Отходит в сторону бормоча.)*

ЯРОСЛАВ *(Стася)*. Давайте я помогу. Вы под то плечо, я под это.

МАЙ. Протестую! Не уносите Профессора! Иди сюда, я тебе автограф оставлю! Эй, куда, начальник!

Петя идёт в одну сторону. Ярослав, Стася и Профессор – в другую.

ПРОФЕССОР. Хорошие профессора на дороге не валяются.

СТАСЯ. А ты как раз валяешься, папа!

ПРОФЕССОР. Тамбовский волк тебе папа!.. Асенька, доченька, тебе мать деньги даёт на завтраки в школе...

СТАСЯ. Я уже в универе, пап, на третьем курсе...

ПРОФЕССОР. Не заставляй меня унижаться! И не ври, что нет! Кругом сплошное насилие... и ты туда же...

ЯРОСЛАВ. Анастасия – прекрасное имя.

СТАСЯ. Я его вообще не перевариваю.

ЯРОСЛАВ. Да? И как же вас тогда звать?

СТАСЯ. Никак. И вообще, куда это вы меня звать собрались?

ПРОФЕССОР. Анастасия! С этим не путайся! Он тебя продаст, перепродает, да ещё должна останешься!

СТАСЯ. Папа, уймись. Человек помогает, а ты... Стыдно.

ПРОФЕССОР. Никто не просил! Положите меня на место! Это насилие! Я человек, а не мебель!

Сцена 3

Май лежит один. Появляется Анна, напевает. Её никто не видит и не слышит.

МАЙ. Разбежались все, чёрт. А одному нельзя – такой ад в башке, трезвеешь тут же... Анка? Будто голос твой опять слышу? Здесь ты, здесь, золотая... куда тебе деваться, неуспокоенной... я тебя найду, не бойся... похороню по-человечьи... не по-собачьи... по-собачьи только сношаются... а смерть – дело серьёзное, тут нужно чтоб по-людски...

Май кладёт голову Анне на колени, засыпает. Анна напевает колыбельную без слов. Прибегает Петя.

ПЕТЯ. Где она? Куда она с ним пошла? Я задумался... опомнился, а их нет... (Маю.) Вы не видели? А?.. Чёрт, спит.

Анна поднимает голову и смотрит на Петю.

Кто здесь?! Опять поглючилось... (смотрит прямо на Анну) будто кто-то есть... (Отворачивается.) Куда же она ушла? С каким-то клерком...

Сцена 4

Телефонная будка. Петя сидит на полу, курит и жалобно говорит в трубку.

ПЕТЯ. Почему ты не пришла? Я ждал тебя с цветами... Что значит заболела? Ты просто разлюбила. Ушла с другим... Какого ещё папу не заметил? Римского? А... чёрт, извини. Что значит бесчувственный? Я очень чувствительный, даже слишком... Ты вот мне нарасказывала всяких ужасов про расстрелянных родственников, так мне теперь мерещится всякое... Будто рядом кто-то стоит и глядит... Я увижу тебя завтра?.. В смысле в библиотеку?!... Зачем про них ещё что-то узнавать?.. Нет, ты просто разлюбила... Ушла с клерком... Какой ещё «Мемориал»?.. Ну понятно, общие интересы... Так это он назначил тебе свидание в библиотеке? Нет, не прощайся! Я стишок написал, послушай, тебе посвящён. Бросила.

Сцена 5

Библиотека. Стася идёт с подшивкой старых газет, которая норовит выскользнуть у неё из рук. Ия идёт следом. Ярослав догоняет Стасю, и на лету подхватывает падающую подшивку.

СТАСЯ. Спасибо...

ЯРОСЛАВ. Я помогу. Старые газеты ужасно тяжёлые. 37-й? А эта подшивка особенно. Будто впитала в себя тяжесть того времени.

ИЯ. 37-й. Тяжесть. 37-й.

ЯРОСЛАВ. А вы почему интересуетесь? По учебе?
Или личное?

СТАСЯ. Личное.

ЯРОСЛАВ. Я тоже начинал с личного. Бабушкин брат и его невеста. Красивая пара. Лётчик и парашютистка. Заговор летчиков – не слышали?

СТАСЯ. Нет.

ИЯ. Конечно. Все газеты писали. Посадить самолёт на трибуну с вождём! Это ж надо!

ЯРОСЛАВ. Теперь занимаюсь профессионально. Так что если вдруг... Вы, например, запросы в архив составлять умеете? Могу помочь.

СТАСЯ. С чего бы вдруг?

ЯРОСЛАВ. Скажем так: воспринимаю это как свой гражданский долг.

СТАСЯ. Ясно. Спасибо, не надо.

ИЯ. Не надо! Не надо! Не надо!

СТАСЯ. Спасибо и всё такое. Но нет настроения разговаривать. Совсем.

ЯРОСЛАВ. Понимаю. Меня эта тема тоже в депрессию вгоняет. Читаешь, читаешь все эти протоколы допросов...

ИЯ. Протоколы допросов!

ЯРОСЛАВ. ...будто перекачиваешь через сердце океаны мрака...

СТАСЯ. Х-м. Очень... поэтично.

ЯРОСЛАВ. Извините. Я ни в коем случае не пристаю. Я же видел. У вас молодой человек. Который почему-то ушёл в другую сторону, когда ваш папа...

Не сердитесь. Просто иногда так хочется поговорить с кем-то. Кто не отмахнётся и не скажет: кончай гнать свою чернуху... когда всё это было... да и было ли вообще...

СТАСЯ. У вас ведь есть этот старик... Я так поняла, вы работаете вместе.

ЯРОСЛАВ. Май Саныч? Да, великий человек. Но... Пьёт по три недели. Потом под капельницей отлёживается. Потом приходит в офис, злой как тысяча собак. За неделю делает все накопившиеся дела. Распугивает всех потенциальных спонсоров. И обратно в запой. Ну, не буду больше надоедать. Успехов. Если что – я как истина.

СТАСЯ. В смысле?

ЯРОСЛАВ. Где-то рядом.

Ярослав отходит, садится за дальний стол, неотрывно смотрит на Стасю.

Сцена 6

59

Библиотека, читальный зал. Стася и Ия сидят, склонившись над газетами. За дальним столом Ярослав.

СТАСЯ. В газете «Северный рабочий» за 37-й год очень много противогозгов. Директор завода целый день работает –

ИЯ. в противогозде.

СТАСЯ. Автопробег –

ИЯ. в противогозах.

Сюжет

СТАСЯ. Физкультпарад –

ИЯ. в противогазах...

СТАСЯ. Какая гадость! Я однажды на ОБЖ заглянула в противогаз. Там так воняло. Не представляю, как можно засунуть в это лицо... Или вот, например, фотка: учительница у доски.

ИЯ. В противогазе.

СТАСЯ. И все дети тоже. Сидят, ручки на партах. Прилежные слоники... Смотришь и начинаешь задыхаться. Тут есть одна заметка. Я над ней просидела, наверное, полчаса.

ИЯ (*читает*). «Жёны комсостава из района...»

СТАСЯ. Это ж надо так людей называть! Короче, летом 37-го эти «жёны из района» отправились в город на какой-то съезд. Пешком.

ИЯ. В противогазах.

СТАСЯ. 70 километров. Ночевали под открытым небом. Интересно, на ночь снимали?

ИЯ. Нет.

СТАСЯ. Я так ярко представила себе всё это. Как в кино. Вот колхозник работает в поле. Поднимает голову и видит вдалеке косынки, платьница – «девчата идут». Подходят ближе. А под косынками – хоботы и стеклянные глаза... Босх отдыхает.

Вот мне интересно, что у них в этих головах, засунутых в противогазы, было? Как они себе самим этот бред объясняли?

ИЯ. Боеготовность.

СТАСЯ. Это, понятно, официальная версия. А внутри? Вот что я такое делаю, когда иду в противогазе

семьдесят километров по жаре? Похоже на какую-то страшную сказку. Где женщина даёт зарок не есть, не пить, не дышать, чтобы отвести беду.

ЯРОСЛАВ (*подходит*). Библиотека закрывается. Вы идёте? Нашли, что-нибудь?

СТАСЯ. Совсем маленькое объявление. Среди других. «Ищу няню», «пропала собака», «порываю связь...»

ИЯ. «Порываю всякую связь с родителями: Виктором Александровичем и Ольгой Мироновной Царенко, проживающими в городе Чимкент Южно-Казахстанской области, Казахской ССР. Подпись: И. В. Царенко».

ЯРОСЛАВ. Ты её осуждаешь?

СТАСЯ. Нет.

ЯРОСЛАВ. А я, да.

СТАСЯ. Вы бы так не поступили?

ЯРОСЛАВ. Нет, никогда!

СТАСЯ. Легко осуждать, сидя в безопасности. А когда вокруг люди исчезают...

ИЯ. Исчезают. Исчезают.

СТАСЯ. Никто не знает, как бы повёл себя.

ЯРОСЛАВ. Да, осуждаю. И мечтаю устроить суд и наказать виновных.

СТАСЯ. Суд над мертвецами? Ну, у каждого своя мечта.

ЯРОСЛАВ. Некоторые, особо удачливые, ещё вполне живы.

СТАСЯ. А вы что-нибудь нашли?

ЯРОСЛАВ. Да так, заметка небольшая. Для Май Саныча. Про его Анну.

СТАСЯ. Родственницу?

ЯРОСЛАВ. Нет. Анна – это идея фикс. Май Саныч многих нашёл. Похоронил. Списки составил. Великий человек. Но есть одна женщина. Одна из миллионов. Тоже убитая. И её он особенно ищет. Уже много лет. Ну, личная связь, скажем так. А найти не может.

СТАСЯ. И вы нашли её следы?

ЯРОСЛАВ. Если бы. Нет. Просто о ней. Что она петь любила. Заметка про смотр самодеятельности.

ИЯ (*читает*). «Анна поёт». 17 июня в ДК моторостроителей состоялся... Второй секретарь обкома комсомола Анна Антонова исполнила... Лебедева-Кумача «Сердце, тебе не хочется покоя»...

ГОЛОС АННЫ (*поёт*). «Как много девушек хороших, как много ласковых имен, но лишь одно из них тревожит, потеряв покой и сон...»

Сцена 7

Офис «Мемориала». Тесная комнатуха, заваленная ворохами бумаг. В центре – облезлая парта, на ней телефон, рулоны факсов. Ярослав сидит за компьютером. Рядом – всклокоченный Май с «Беломором» в зубах. На полу у его ног Анна тихонько напевает. Май читает факс, яростно комкает, швыряет в экран компьютера. Ярослав невозмутимо продолжает печатать.

МАЙ. Щучонок картавый, опять у него «бюджет трещит по швам». Да это жопа твоя воровская трещит! Чёрная икра уже не переваривается! «Рассмотрим в следующем квартале». Чего ты там рассмотришь? Ты даже свой причиндал рассмотреть не можешь, брюхо мешает! Картавый выродок!

ЯРОСЛАВ. С Лениным ругаетесь?

МАЙ. Чего?

ЯРОСЛАВ. Ну, обычно это Ленин у вас «картавый выродок».

МАЙ. Ядрёна мать! Ему смешно! А «Книгу памяти» на какие шиши? А аренду? Вышвырнут нахрен из этой конуры! *(Хватает телефон, орёт в трубку.)* Чего у тебя там трещит, вошь одномандатная?! Хочешь, чтобы я у тебя в Думе на раскладушке голодать лёг? Легко! Меня твой дед-вертухай приучил ни черта не жрать... Отключился, потрох!

ЯРОСЛАВ. Это вы с кем сейчас говорили? С Молодцовым из Думы?

МАЙ. С Ильичом! Прямая линия в пекло!

ЯРОСЛАВ. У него, правда, дед в лагере работал? Охранником?

МАЙ. Ну, сначала в ВОХРе, потом до начлага дослужился. Карьеру, гнида, сделал на людских костях.

ЯРОСЛАВ. В каком лагере?

МАЙ. В каком, в каком. В моем. В ИТЛ-12. Плотину строили. Доходяги в котлован падали, их потом сверху бетоном заливали, вот тебе и плотина.

ЯРОСЛАВ *(глаза быстро бегают по экрану компьютера)*. Молодцов Мирон Семёныч – он?

МАЙ. Он, он. Гондон Говёныч.

ЯРОСЛАВ. Май Саныч, у вас «Беломор» закончился.

Май заглядывает в пачку, комкает её, швыряет, идёт к дверям.

Только боярышник не покупайте.

МАЙ. Командир нашёлся. Я с 53-го года никому не подчиняюсь. С тех пор как на волю вышел.

АННА (*поёт*). «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

Май выходит, громко хлопнув дверью. Анна следом. Ярослав аккуратно набирает номер.

ЯРОСЛАВ. Это из «Мемориала» беспокоят... Не сомневаюсь, что на совещании... Просто передайте... У меня тут одна статья: «Внук сталинского палача метит в мэры». Завтра появится в газетах. Много ярких деталей, вот например: «Тела умерших от истощения эзков замуровывали в бетон». Что? Уже освободился? Отлично. Да... Мои условия? Да вы же сами знаете. Книга памяти. Все оставшиеся тома одним платежом. Аренда за год. И не эту подсобку, разумеется, а нормальный офис. Да, можно и кабинет в Думе. Нет, не наглею. И деньги на зарплату сотрудникам и прочие расходы. Я пришлю счёт.

64

Сюжет

Сцена 8

Ярослав и Стася идут мимо памятника Ленину. Ия следом.

ЯРОСЛАВ. Ты спрашиваешь, кого я собрался судить. Прокурора Раевского. Слышала про такого?

СТАСЯ. Нет.

ИЯ. Да, конечно. Декабрист. Легенда.

ЯРОСЛАВ. Ну что ты! Его подпись на половине приговоров. И он чуть ли не единственный уцелел. В 38-м, когда героев 37-го отправили в расход. И после разоблачения культа личности. И дальше. Дослужился до пенсии. Живёт преспокойно. Только бессонницей страдает.

СТАСЯ. А это-то ты откуда знаешь?

ЯРОСЛАВ. Да так. Знаю.

ИЯ. Я ничего не знаю!

СТАСЯ. Слушай, а тебе кошмары не снятся?

ЯРОСЛАВ. Бывает. Это неизбежно при такой работе.

СТАСЯ. А что снится?

ЯРОСЛАВ. Тебе, правда, интересно? Ну, например, площадь, полная людей. Обычно, кстати, именно эта, у памятника. Чёрный луч выхватывает из толпы человека – и тот исчезает. И я пытаюсь понять, кого хватают? Рыжих? Нерусских? Интеллигентов? Тех, у кого в одежде есть красный цвет? И не могу. Никогда не могу угадать, кто следующий.

ИЯ. Кто следующий?

СТАСЯ. А зачем это понимать?

ЯРОСЛАВ. Я хочу понять логику уничтожения...

СТАСЯ. Но зачем?! Чтобы прокачать логическое мышление? Нет же! Чтобы знать, как выжить. Если это повторится.

ИЯ. Это повторится.

СТАСЯ. А ты думаешь, оно повторится?

Из-за памятника выбегает Петя.

ПЕТЯ (*слегка заплетающимся языком Ярославу*).
Опять ты? А ты, вообще, в курсе, что это любовь моей жизни? Я люблю её с двадцать пятого ноября 1997 года.

СТАСЯ. Двадцать третьего.

ПЕТЯ. Что?

СТАСЯ. Ты говорил, с двадцать третьего ноября.

ПЕТЯ. Какая разница! Пусть этот твой клерк ковыряется в цифрах! Опять ты с ним!

СТАСЯ. Просто в библиотеке встретились. А ты уже налился где-то.

ПЕТЯ. Ну и что! Иди ко мне! «Иди на перекрёсток моих больших и неуклюжих рук...»

Петя притягивает Стасю к себе. Ярослав быстро уходит.

66

Сцена 9

Пустырь у железной дороги. Петя сидит перед кострищем. Появляется Профессор. Неуклюже плюхается рядом, ковыряет золу, подносит чёрный палец к глазам.

ПРОФЕССОР. Что жёг?

ПЕТЯ. Стихи.

ПРОФЕССОР. Свои?

Петя кивает.

ПРОФЕССОР. Я его сразу узнал, этот пепел. Пепел страниц...

ПЕТЯ. А вы что сжигали?

ПРОФЕССОР. Никогда! Это варварство! Книги – лучшее, что есть у людей. Моё первое воспоминание. Дворник во дворе... огромный, с черной бородицей, как людоед... сжигает книги моего отца. Папу увели ночью. Книги раскрываются в огне, страницы становятся пеплом, но на них ещё видны слова.

ПЕТЯ. Да! Я тоже их сейчас видел! Эти слова на пепле!

ПРОФЕССОР. Какая может быть жизнь у человека с таким вот первым воспоминанием? Что я могу передать дальше? Только своё увечье. Плодить калек...

ПЕТЯ. Я знаю вашу дочь. Она не такая.

ПРОФЕССОР. Вот говорят, страна дураков. А это не так. Хотя дураков большинство, согласен. Но это неважно. Мы страна жертв.

ПЕТЯ. Ну-у. Не все же сидели.

ПРОФЕССОР. Да. Кто-то и сажал. И они тоже жертвы. Эта палка одинаково бьёт в обе стороны.

ПЕТЯ. Какая палка?

ПРОФЕССОР. Что нужно, чтобы осуществить насилие?

ПЕТЯ. Чего?

ПРОФЕССОР. Первое. Чтобы совершить насилие над человеком, надо перестать считать его человеком.

Второе. Чтобы перестать видеть человека в другом человеке, надо самому перестать быть человеком. Э, да что с тобой говорить! С тем же успехом можно ворунам проповедовать. Прощай, жертва.

ПЕТЯ. Я не жертва!

ПРОФЕССОР. А ты когда-нибудь задаёшься вопросами: почему это со мной случилось? За что? Типичные вопросы жертвы.

ПЕТЯ. Да не задаю я их!

ПРОФЕССОР. Типичное лукавство жертвы.

ПЕТЯ. Но ваша дочь... она же не такая...

ПРОФЕССОР. Типичная жестокость жертвы.

ПЕТЯ. В смысле?

ПРОФЕССОР. Мне мучительно говорить о ней. А ты раз за разом давишь на самое больное. «Ваша дочь, ваша дочь».

ПЕТЯ. Я не знал.

ПРОФЕССОР. Одно то, что она выбрала тебя, а не кого-то нормального. *(Уходит.)*

ПЕТЯ. Тоска. Как жить, когда не пишешь?.. Почему стихи исчезли?.. Почему она меня бросила? Сидит по своим библиотекам...

Появляется Ярослав, останавливается, безразлично рассматривает Петю.

ЯРОСЛАВ. У тебя такой вид, будто ты живешь на улице.

ПЕТЯ. Так и есть! Ушёл из дома. Вылетел из универа. Не помню, когда последний раз ел.

ЯРОСЛАВ. Ясно.

ПЕТЯ. Чего пялишься? Всё равно она меня любит!
А не тебя, благородный дон...

ЯРОСЛАВ. Можешь, переночевать у меня.

ПЕТЯ. Что? Почему?..

ЯРОСЛАВ. Сам говоришь, я благородный.

Ярослав уходит. Петя нерешительно идёт следом.

Сцена 10

Квартира Ярослава. Абсолютно пустая. Голые стены. В углу матрас. Петя, опасливо озираясь, стоит на пороге.

ЯРОСЛАВ (*показывая на матрас*). Твоё спальное место. Устраивает? В ванной чистая одежда и полотенце.

ПЕТЯ. Слушай, но где же барахло?

ЯРОСЛАВ. У меня лимит. И на вещи. И на вопросы. В моём доме каждый имеет право на один идиотский вопрос. Используешь его сейчас или прибережёшь на потом?

Петя пожимает плечами, ложится, закрывает глаза. Слышно, что в квартире сверху кто-то ходит. Туда-сюда, туда-сюда как метроном. Петя садится.

ПЕТЯ (*раздражённо*). Чёрт! Кто там всё ходит?

ЯРОСЛАВ. А это, как ни странно, удачный идиотский вопрос. Я отвечу. Там ходит старый палач. Иннокентий Раевский. По кличке Декабрист. Такой симпатичный старичок. Полгорода на тот свет отправил, а доносы по-прежнему любит писать. На уборщицу. На сантехника. На шумных соседей. Постоянно ходит подписи собирает. Так мы и познакомились.

ПЕТЯ. Какой ещё палач? Он что, головы рубил?

ЯРОСЛАВ. Головы он не рубил. И даже на курок не жал. Он приговоры подписывал. Почти все – расстрельные. И живёт преспокойно. Персональную пенсию получает. Единственное утешение – эти шаги по ночам. Не спится ему. Может, совесть? Или призраки? Должна же быть хоть какая-то справедливость!

ПЕТЯ. Слушай, а ты специально с ним по соседству поселился?

ЯРОСЛАВ. Дурак!

Подъезд. Ярослав стоит у дверей квартиры Раевского с бумагами в руках.

ЯРОСЛАВ (*читает*). «Найденов Ярослав Олегович, 1918 года рождения, высшая мера наказания, подпись «прокурор Раевский». «Комарова Валентина Александровна, 1919 года рождения, высшая мера, Раевский».

Дверь распахивается. На пороге Раевский.

РАЕВСКИЙ. А я ведь помню этих ребят! Твои, что ли? Помню, помню. Лётчик и его невеста, парашютистка. Красивая пара. А какая история красивая получилась! Заговор лётчиков. Девчонка-то уже на второй неделе всё подписала. Беременные, они сговорчивые. Да ты заходи. Чайку попьём, у меня хороший.

Раевский широко распахивает дверь. Ярослав в замешательстве. От растерянности пытается продолжить чтение списка.

ЯРОСЛАВ. «Орлов Иван Степанович, 1908 года рождения, расстрел, Раевский».

РАЕВСКИЙ. Да, Раевский, Раевский, кто ж ещё. Давай либо туда, либо сюда, а то куревом тянет.

Ярослав заходит. Раевский высовывается в подъезд, профессионально оглядывает площадку, хлопывает дверь. Начинает тщательно запира- рать множество замков.

ЯРОСЛАВ. Не надо запирать!

РАЕВСКИЙ. Да ты никак боишься? Такой смелый, и боишься? Меня, старика?

ЯРОСЛАВ. Это вы боитесь! Зачем вам столько замков?! От призраков?

РАЕВСКИЙ. Я материалист. Они ко мне не приходят.

ЯРОСЛАВ. А совесть?! Или для материалиста – это тоже призрак?

РАЕВСКИЙ. Зачем пришёл? Обсуждать этические вопросы? Не интересуюсь. (Всматривается в Ярослава.) Ты ведь за другим. Я тебя насквозь вижу.

Ярослав пятится к дверям.

РАЕВСКИЙ. Боишься, очень боишься... Тебе не совесть моя нужна. Не правосудие. Весь этот туман благородный – я сквозь него тебя настоящего вижу.

ЯРОСЛАВ. Да вы... Да я...

РАЕВСКИЙ. Ты хочешь узнать, как я уцелел. Тайну выжившего. За тем и пришёл.

ЯРОСЛАВ *(невольно)*. И как же?

РАЕВСКИЙ. А с какой стати мне рассказывать? Чем заплатишь?

Ярослав начинает судорожно отпирать замки. Раевский подходит почти вплотную.

Я могу сказать, мне не жалко. Ты ведь как я. Не веришь, что всё это навсегда закончилось. Вот и хочешь соломки подстелить. Я не осуждаю. Это нормально. Хотеть выжить. Ты давай. Определяйся. На чьей ты стороне. А потом приходи. Научу. Я к тебе давно приглядываюсь...

72

Ярослав вырывается из квартиры и скатывается вниз по лестнице.

Тихо, тихо, не убейся. А то будет жаль. Такой перспективный юноша...

Сцена 13

У памятника Ленину. Стася идёт очень медленно. Навстречу бежит Петя. Сталкивается с ней нос к носу.

ПЕТЯ. Привет-привет! Куда в такую рань?

СТАСЯ. В библиотеку.

ПЕТЯ. Да сколько можно, Стась, а? Тоска-то какая! Библиотека да библиотека. Я поэт! Мне жизнь нужна, воздух! А не бумажки пыльные переключивать. Кстати, этот твой Ярослав – полный псих. Сказки про палачей рассказывает. Что ты, вообще, в нём нашла?

СТАСЯ *(бесцветно)*. Придёшь на похороны?

ПЕТЯ. На его? С радостью!

СТАСЯ. Папа умер. Завтра в десять на кладбище...
(Закрывает лицо руками.)

Петя растерянно топчется вокруг Стаси.

ПЕТЯ. Нет... не могу. Нет-нет-нет. Я живой. Я жить хочу. Не могу больше со всем этим... Нет!

Сцена 14

Пустырь у железной дороги. Петя сидит перед потухшим костром. Подходит Профессор, садится рядом. Петя не обращает внимания.

ПРОФЕССОР. Опять стихи жёг, юный варвар?

ПЕТЯ. Не. Просто грелся. А стихов у меня больше нет.

ПРОФЕССОР. Всё сжёг?

ПЕТЯ. И никогда не будет. А что я без них?.. Пойдите, вы же умерли?

ПРОФЕССОР. Ну, умер. Но вообще-то, это бестактность.

ПЕТЯ. Я сошёл с ума?

ПРОФЕССОР. Твоими темпами и до этого недалеко. Но сейчас ты просто спишь. Пьяный, разумеется.

ПЕТЯ. Ага... Так значит... вас можно спросить...

ПРОФЕССОР. «Как там на том свете»? Все об одном и том же, скука смертная. «Совсем не так, как вы представляете». Это единственное, что нам дозволено отвечать. Может, ещё есть вопросы?

ПЕТЯ. Почему стихи не приходят?

ПРОФЕССОР. Элементарно. Потому что ты боишься.

ПЕТЯ. Чего?!

ПРОФЕССОР. Да всего. Сложностей. Боли. Жизни. Смерти.

ПЕТЯ. Неправда!

ПРОФЕССОР. И правды тоже.

ПЕТЯ. Это вы про себя рассказываете! Не про меня!

ПРОФЕССОР. Из таких, как ты, и получаются такие, как я.

ПЕТЯ. Нет! Нет, нет, нет, не хочу!!!

Сцена 15

Петя бежит, спотыкаясь. Навстречу деловым шагом идёт Ярослав, читая на ходу какие-то бумаги. Петя врывается в него. Бумаги разлетаются.

ПЕТЯ. Прости, не заметил... Я малость не в себе... Заснул сейчас, прямо там, на пустыре... И такой сон гадкий. Мертвец учил жизни... Ты живёшь, что ли рядом? Опять тебя тут встречаю.

ЯРОСЛАВ. Ты у меня ночевал даже. Память отшибло?

ПЕТЯ. Ах, точно! Старый палач не спит по ночам. Как он там поживает?

ЯРОСЛАВ. Поживает ещё. Есть ещё вопросы? Я тороплюсь.

ПЕТЯ. В тот раз... ты проявил...

ЯРОСЛАВ. Нет!

ПЕТЯ. Что, нет?

ЯРОСЛАВ. Нет, нельзя. У меня не ночлежка.

ПЕТЯ. Ну это, хотя бы помыться, я скитаюсь... в тот раз...

ЯРОСЛАВ. В тот раз мне нужно было.

ПЕТЯ. Чего нужно? Твоего заслуженного палача мне представить?

ЯРОСЛАВ. На тебя посмотреть. И я насмотрелся.

ПЕТЯ. Стой! Ты не можешь просто взять и уйти!

ЯРОСЛАВ. Могу.

ПЕТЯ. Ваше благородие, подайте копеечку старому солдату...

ЯРОСЛАВ. Ты не старый. Сам свою копеечку заработать можешь.

ПЕТЯ. Но как? Где? Посоветуй! Ты же такой умный, по библиотекам штаны просиживаешь. До-

шло, зачем ты на меня «посмотреть» хотел! Из-за неё, да? Понять, кого это она любит, да?

ЯРОСЛАВ. Тебе денег дать, чтоб заткнулся?

ПЕТЯ. Да!

ЯРОСЛАВ. Не дам! Но могу подкинуть подработку.

ПЕТЯ. Объявления клеить? Рекламным столбом стоять?

ЯРОСЛАВ. Писать.

ПЕТЯ. Писать?! Что?!

ЯРОСЛАВ. Книгу.

ПЕТЯ. Серьёзно?! Какую? О чём? Стихи я все сжёг, правда...

ЯРОСЛАВ. Можно прозой. Книга заказная. К юбилею Автозавода.

ПЕТЯ. А-а-а, понятно...

ЯРОСЛАВ. Так берёшь или дальше попрошайничать пойдёшь?

ПЕТЯ. Чего писать-то?

ЯРОСЛАВ. Ничего сложного. Немного истории, им сто лет. Рабочие династии. Интервью с директором. Я такие книжки за неделю делал. Чтоб на аренду наскрести.

ПЕТЯ. А чего же бросил?

ЯРОСЛАВ. Необходимость отпала.

ПЕТЯ. Почему?

ЯРОСЛАВ. Так тебе нужна подработка?

ПЕТЯ. Нужна, нужна. А деньги?

ЯРОСЛАВ. Когда закончишь.

ПЕТЯ. Слушай, я голодный. Может, аванс...

ЯРОСЛАВ. Голодный поэт. Это нормально. Оплата только по факту. На, держи. Тут материалы.

Суёт Пете папку, уходит.

ПЕТЯ (*открывает папку*). «Автопробег 1936 года». С ума сойти! Как интересно! Это что же, в библиотеку переться? А может, встречу её? Я, конечно, вёл себя, как подонок, на похороны не пришёл, ну и ладно! Хотя бы денег стрельну!

Сцена 16

Библиотека. За столом сидит Стася. Рядом Ия. Входит Петя с подшивками. Тут же откуда-то материализуется Ярослав, подходит к столу Стаси, заслоня от неё Петю. Петя сваливает подшивки на дальний стол.

ЯРОСЛАВ. У твоих тоже прокурор Раевский?

СТАСЯ. Что? А... не... какая-то другая фамилия, обычная...

ЯРОСЛАВ. Не помнишь?! Такие вещи надо знать. Возможно, он ещё жив.

СТАСЯ. И что?

ЯРОСЛАВ. Как что?! Убийца твоих близких! Преступник! Жив и на свободе.

ИЯ. Убийца. Убийца. Убийца.

СТАСЯ. И что? Столько лет прошло.

ЯРОСЛАВ. Это преступление не имеет срока давности!

СТАСЯ. Опять твои любимые палачи!

ИЯ. Палачи! Палачи! Палачи!

СТАСЯ. Если они ещё живы, то уже давно в старческом маразме. Кашку с ложечки едят.

ЯРОСЛАВ. Некоторые ещё вполне в здравом уме. К тому же есть дети, внуки.

СТАСЯ. Они-то тут причём?!

ИЯ. Сын за отца не отвечает.

ЯРОСЛАВ *(по-хозяйски роется в бумагах Стаси)*. И всё-таки посмотри фамилию. Мы же делали копию протокола.

СТАСЯ. Не хочу! Зачем?

ЯРОСЛАВ. Ах, ну да, прокурора не было. Твоя родственница не дожила до прокурора. Но неважно, был следователь. Который её так допрашивал, что она...

СТАСЯ. Прекрати!

ЯРОСЛАВ. Антонов. Вот тут написано: следователь Антонов.

ИЯ. Следователь Антонов.

СТАСЯ. Поздравляю. Полегчало? Как там теперь дела у справедливости?

ЯРОСЛАВ. Та-ак. Напомни-ка, твой поэт, кажется, тоже Антонов?

СТАСЯ. Распространённая фамилия.

ЯРОСЛАВ. Да-да. А ты знакома с его родными?

СТАСЯ. Антоновых миллионы!

ЯРОСЛАВ. Тихо, тихо. Конечно, миллионы. И всё-таки, что ты знаешь о его деде по отцовской линии?

СТАСЯ. Да ничего я не знаю! Он не такой человек, чтобы на свиданиях обсуждать свою родословную.

ЯРОСЛАВ. Разумеется. У поэтов нет родственников. Это слишком прозаично. Как суп на обед.

СТАСЯ. За что ты его так ненавидишь?

ЯРОСЛАВ. А ты как думаешь?

СТАСЯ. Знаешь, Ярослав, мне иногда с тобой рядом... как на допросе.

ИЯ. Нет. На допросе совсем не так.

ЯРОСЛАВ (*тихо*). Зато ты первый раз назвала меня по имени.

СТАСЯ. Что?

ЯРОСЛАВ. Я говорю, ты всё-таки вспомни. Может, по пьяни рассказывал...

ИЯ. Да, я вспомнила! Не надо! Я всё вспомнила!

СТАСЯ. А ведь, правда, рассказывал. Как-то там все друг друга ненавидели, не разговаривали годами. Может, потому что они оба детдомовские. И дед, и бабка...

Ярослав резко хлопает по столу. Стася вздрагивает. Петя смотрит на Стасю и Ярослава долгим тяжёлым взглядом.

ЯРОСЛАВ. Значит, так. Завтра приходишь к нам в офис. Мы теперь в Думе сидим. Пробьём твоего

Антонова по базам. Скорее всего – пустили в расход. А детей, если были, в детдом... Как деда-то звали, знаешь?

СТАСЯ (*вскакивая*). Ты... ты... скользкий и страшный... как крокодил!

Стася убегает. Петя ухмыляется. Ярослав поворачивается к нему.

ЯРОСЛАВ. Чего такой довольный? Книжку дописал?

ПЕТЯ. Не начинал даже.

ЯРОСЛАВ. Продинамишь срок, будешь платить неустойку. Им к юбилею надо, по судам затаскают.

ПЕТЯ. Да мне вся эта муть вообще в голову не лезет. Покрышки какие-то...

ЯРОСЛАВ. Ты это директору объяснять будешь. Он у них крутой. Бандит бывший.

ПЕТЯ. Да я чего?! Я же не говорю, что я гений и всё такое... Я даже сам уже так не думаю... Я просто не понимаю, о чём тут писать? Ну, автопробег...

ЯРОСЛАВ. Ладно, оставляю тебя в сладких творческих муках.

ПЕТЯ. Ну, посоветуй что-нибудь. Ты же такие книжки за неделю делал.

ЯРОСЛАВ. 36-й год? Чего тут, вообще, думать?! Ищешь участников пробега в Книге памяти – и готово! И драматизм, и сюжет.

ПЕТЯ. В какой книге?

ЯРОСЛАВ. Библиотекари в курсе. (*Уходит.*)

Сцена 17

Библиотека. Вечер. У Пети на столе неуютная лампа. На краю лежит стопка одинаковых книг в красных переплётах.

ПЕТЯ (*яростно что-то пишет*). Если этот любитель старых палачей и чужих девушек думает, что я буду это читать, даже открывать не хочу. Тоже мне совет.

Петя перечитывает написанное. И наотмашь перечёркивает. От резкого движения книги падают на пол. Одна из них раскрывается. Петя поднимает её.

(*Читает.*) «Русский, безграмотный, конюх. Батрак, начальник, пастух. Цыган, землекоп, парикмахер. Ткач, надзиратель, студент» звучит как стихи... Ладно. Мирецкий Александр... командор пробега... расстрел... место смерти Селиваново, ну и название... Емельянов Матвей... высшая мера... так, стоп, опять деревня Селиваново. Комаров Архип... расстрел... Селиваново... а дата смерти, ну-ка... у всех пятого октября... какая «солидарность...» Левин Самуил... Селиваново! Автопробег мертвецов какой-то.

Появляется Ярослав.

Слушай, тут такое дело. У всех этих парней с автопробега, место смерти какая-то деревня Селиваново. Это что? Почему там?

Ярослав подходит, листает Петины записи. Петя выжидательно смотрит на него.

ПЕТЯ. Ну? Я совершил научное открытие? Мне дадут премию? Что за деревня такая?

ЯРОСЛАВ. К брошюре про автозавод это не имеет никакого отношения.

Сцена 18

Новый офис «Мемориала». В стиле всех думских кабинетов. Вдоль стены ряд стульев. Ярослав сидит за компьютером. Май лежит на стульях. Рядом с ним сидит Анна.

ЯРОСЛАВ. Непотребно выглядите. Шли бы домой. Что если зайдет кто?

МАЙ. Зануда. Такой чистенький, что хочется взять...

ЯРОСЛАВ. Ой, только не надо этих ваших агрессивных фантазий.

МАЙ ...и вытряхнуть тебе за шиворот пепельницу. Испачкать слеганца. Чтоб на человека стал похож.

ЯРОСЛАВ. Идите домой уже, а? Работать мешаете.

МАЙ. Ты, падла, откуда меня выгоняешь? Да я своими руками. Я тут всё собрал...

ЯРОСЛАВ. Никто ваших заслуг не оспаривает.

МАЙ (*вскакивает*). Ты, ядрёна вошь, не зарывайся! Я тут начальник или кто?!

ЯРОСЛАВ. Вы, вы, уймьтесь.

Дверь открывается, на пороге нерешительно останавливается Стася. Май, присвистнув, снова растягивается на стульях.

МАЙ. Прилечь охота. Жизнь штука трудная. Требуется отдых.

СТАСЯ. Я, пожалуй, в другой раз...

ЯРОСЛАВ. Нет-нет, заходи! Я нашёл для тебя кое-что. Проходи, не обращай внимания. Он всегда так.

МАЙ. Да-да, не обращай внимания. Я всегда тут лежу.

ЯРОСЛАВ (*подводя Стасю к компьютеру*). Вот смотри, следователь Антонов, Иван Иванович. Жена: Антонова, Анна Ильинична, второй секретарь обкома комсомола...

МАЙ (*Стасе*). Анка-комсомолка?! А тебе зачем? Твои, что ли?

СТАСЯ. Нет-нет.

ЯРОСЛАВ. Это родственники её... жениха.

СТАСЯ. Он мне не жених. И они ему не родственники. Просто однофамильцы.

ЯРОСЛАВ. Дальше послушай. Дети...

МАЙ. Это ж моя Анка! Моя! Я про неё тебе всё, что хочешь расскажу! Дети? Да, двое. Василий, 1930 года рождения. И Зоя, 1935-го.

ЯРОСЛАВ. И после ареста родителей...

МАЙ. Отправили их напрямиком в «Первомай».

СТАСЯ. Куда?

МАЙ. Детский дом имени Первого мая. Элитный. Для детей всяких шишек. В том числе сотрудников НКВД.

ЯРОСЛАВ. Вот, ты же говорила, что дед у него детдомовец. Как зовут-то? Василий? Детдом Первого мая? Надо выяснить.

СТАСЯ. Не буду я ничего выяснять! Спасибо, я пойду.

МАЙ (*удерживая Стасю за руку*). Скользкий тип, согласишься? Всё чё-то мутит. Офис этот лядский...

ЯРОСЛАВ. Офис-то вам чем не угодил?

МАЙ. Душно здесь. Дела хочется. Большого, настоящего. Не заседать тут, на этих стульях депутатских. А в поле работать. Кости копать. Анку искать... Понимаешь?

СТАСЯ. Да.

ЯРОСЛАВ. Ну, предположим, есть такое дело.

МАЙ. Да ну! Чего ни хватись, всё у него есть.

ЯРОСЛАВ. Да вы послушайте!

МАЙ. Давай, валяй.

ЯРОСЛАВ. Деревня Селиваново. Ничего вам не говорит?

МАЙ. Ну? Чего там у тебя в этой деревне? Банька с девками? Бабка с самогоном?

ЯРОСЛАВ. Расстрельный полигон. Более трёх сотен человек.

Май резко садится.

МАЙ. Факты.

ЯРОСЛАВ. Разумеется. Я собирал материалы про автопробег 36-го года. И обнаружил, что все участники расстреляны и похоронены в Селиваново. (Стасе.) Антоновы твои тоже там.

МАЙ. Стоп. Про Анку откуда информация? Её не было нигде. «Место захоронения неизвестно». Откуда?

ЯРОСЛАВ (нехотя). С ряда документов сняли гриф... Пока вы в запое были.

МАЙ. Враньё. Со всем, что в запой пропустил, я уже ознакомился. Это ты на днях нарыл. А где? Можешь не отвечать, сам знаю. Там, куда меня не пустили. В архивах одной известной конторы. И чем за это заплатил? Также можешь не рассказывать, знаю.

ЯРОСЛАВ. Везде вам эта контора...

МАЙ. Неважно. Едем в Селиваново. Прямо сейчас.

ЯРОСЛАВ. Куда? Опять вечер с утром перепутали? Стемнело уже. Да и транспорт туда не ходит. Надо машину заказывать.

МАЙ. Так заказывай!

ЯРОСЛАВ. Позже позвоню.

МАЙ. Нет, сейчас!

ЯРОСЛАВ. Сами звоните, раз у вас горит.

СТАСЯ. Я пойду.

МАЙ. Стой. С нами завтра поедешь? Давай, а? Ты удачу приносишь!

СТАСЯ. Поеду.

МАЙ. Вот это я понимаю. Наш человек. Не то что...

ЯРОСЛАВ (*Стасе*). Пойдём, я тебя провожу немного.

Ярослав и Стася уходят.

АННА (*поёт*). «Сколько б жить на земле ни осталось комсомольцам тридцатых годов...»

МАЙ. Как заломало-то сразу. Но нет. Нельзя сейчас. А то спугну. Надо осторожно. Аккуратненько... Нет, не могу! Взорвусь так. Ладно. Одну. Строго одну. Без свинства. Для психического здоровья.

АННА (*поёт*). «Никогда не допустим, чтоб старость подошла к нам хоть на пять шагов...»

Сцена 19

Памятник Ленину. Подходят Стася и Ярослав. Следом Ия.

ЯРОСЛАВ. Преступление не должно остаться без наказания. Об этом нельзя молчать. Вот твоя родственница погибла во время следствия. Знаешь, какие методы использовали на допросах...

ИЯ. Знаешь? Знаешь? Знаешь?

СТАСЯ. Не надо.

ЯРОСЛАВ. Я тебе только один пример дам...

СТАСЯ (*затыкает уши*). Нет!

ЯРОСЛАВ. Все затыкают уши. Если я ничего не знаю, значит, ничего и не было...

ИЯ. Я ничего не знаю! Ничего не знаю! Ничего!

СТАСЯ. Пришли. Моя остановка. Дальше провожать не надо.

ЯРОСЛАВ. До завтра. Я позвоню. Давай мы заедем за тобой, чтобы тебе не трястись в этих ужасных автобусах.

СТАСЯ. Всю жизнь тряслась. Не развалюсь. Я к вам в офис приеду.

ЯРОСЛАВ. Как хочешь... *(Молча смотрит на Стасю.)*

СТАСЯ *(нервно)*. Что?

Ярослав быстро уходит, но завернув за памятник, останавливается, наблюдает за Стасей. Стася, ожидая автобуса, прыгает по классикам, нарисованным на асфальте.

ЯРОСЛАВ. Всё время хочется смотреть на неё. Пока смотришь, кажется, будто в мире всё правильно. Нет беззакония и насилия. Нет и не было пыток, предательства. А потом отворачиваешься, и всё мировое дерьмо обрушивается на тебя с удвоенной силой. И спасение только одно – снова на неё посмотреть.

СТАСЯ *(в ритме прыжков)*. Вася. Антонов. Один. Из миллионов. Вася. Антонов. Один. Из миллионов.

ИЯ. Следователь Антонов. Следователь Антонов. Не надо, пожалуйста.

Появляется Петя. Стася его не видит. Петя встает в конце клеток, там, где написано «Рай». Стася врывается в него. Он подхватывает её и прижимает к себе.

ПЕТЯ. Я Пётр, страж райских врат. Имеешь ли пропуск в рай, грешная душа?

СТАСЯ. Нет.

ПЕТЯ. Ну, зачем же так серьезно? Я ведь просто пошутил. Понимаешь? Ты раньше была такой лёгкой. Как пух одуванчика...

СТАСЯ. Пока, Петь. Вон мой автобус.

ПЕТЯ. Подожди, дело есть. Я быстро. Короче у меня к тебе «романтическое» предложение. Пойдём на похороны? Ты ведь меня тоже приглашала.

СТАСЯ. Только ты не пришёл.

ПЕТЯ. Ну да. Я просто не выношу всё это. Пожалуйста, сходи со мной, а? Я один помру с тоски. Приползёт куча старичья. Начнут вспоминать свой дебилный детдом. Как у деда Василия на поминках.

СТАСЯ. У кого?!

ИЯ. Следователь Антонов. Антонов. Антонов.

ПЕТЯ. У деда Василия. Я тогда чуть занавеской не удавился с тоски. Спаси меня, Стась, а? Они там, когда клюкнут, тоже любят про расстрелы поговорить. «Как забрали папу, а потом забрали маму, и разбили при обыске любимую фарфоровую кошечку...»

СТАСЯ. А кто умер?

ПЕТЯ. Бабка.

СТАСЯ. Деда Василия жена?

ПЕТЯ. Ну да, а...

СТАСЯ. Это ты про них говорил, что они с трёх лет знакомы, в одном детдоме выросли?

ПЕТЯ. Я говорил? Ну да, что-то в этом духе... А почему ты спрашиваешь?

СТАСЯ. Я приду.

ПЕТЯ. О, спасибо! Тогда до завтра. Слушай, кстати, тут со мной на днях случилась история. Читал я эти ваши «Книги памяти». Прикинь, до чего докатился! Нашёл шабашку. Чтоб с голода не помереть. Тоска страшная. Книжка про автозавод. И вот там какой-то тухлый автопробег 36-го года. Ну, я и решил пробить участников по этим вашим спискам жертв.

Стася начинает слушать очень внимательно, Ярослав за памятником тоже.

И, прикинь, все эти парни расстреляны у какой-то деревни Селиваново. Странно, правда?

Ярослав быстро выходит из-за памятника и подходит к Пете и Стасе.

ЯРОСЛАВ (*Пете*). О, привет, как удачно, что я тебя встретил. Мы завтра собираемся в экспедицию в это твоё Селиваново. Похоже, там, действительно, что-то серьёзное. Если хочешь, присоединяйся.

СТАСЯ. Постой! А почему ты сейчас в офисе говорил...

ЯРОСЛАВ. Да, я понимаю, как это выглядит. Просто Май Саныч параноик. Все незнакомые люди у него агенты и шпионы. Если бы я сказал, что кто-то обнаружил такую информацию, он бы ещё полгода возбуждал, что это «гэбэшная подстава». Сама слышала, как он меня сейчас в стукачи записывал, хотя мы с ним миллион лет знакомы. (*Пете.*) Так ты поедешь?

ПЕТЯ. Не сказать, что это моё любимое занятие. К тому же, завтра мы идём на похороны.

ЯРОСЛАВ. Чьи?

СТАСЯ. Неважно.

ПЕТЯ. Бабки моей.

ЯРОСЛАВ. По отцу?

ПЕТЯ. Ну да. А какое...

ЯРОСЛАВ. Где? Когда?

ПЕТЯ. В двенадцать, кажется. На Осташинском.

ЯРОСЛАВ. Ясно. Тогда в Селиваново послезавтра. Идёт?

ПЕТЯ. Да не хочу я никуда. Мне ещё эту книжку долбанную писать.

ЯРОСЛАВ (*Стасе*). Ты идёшь на похороны? Отлично. Там можно всё выяснить.

ПЕТЯ. Что выяснить?

СТАСЯ (*пристально глядя на Ярослава*). Ни-че-го.

ЯРОСЛАВ (*пристально глядя на Стасю*). Тогда в Селиваново послезавтра.

ПЕТЯ. Так вы вместе в эту деревню намылились? Ну, уж нет. Тогда и я с вами! Слышите?! И не надейтесь от меня отвязаться!

ИЯ. «Порываю всякую связь...» Всякую связь. Связь.

Сцена 20

Ночь. Квартира Ярослава. Стук в дверь.

ЯРОСЛАВ. Кто там?

Тишина. Стук повторяется.

Кто?! Это... ты?

Снова стук. Пауза. Стук. Ярослав распахивает дверь. На пороге Раевский.

РАЕВСКИЙ. Конечно, я. А ты кого ждал? Её? Вот про неё-то я с тобой и пришёл потолковать.

Раевский оттесняет Ярослава, входит в квартиру, оглядывается.

Но для начала сходи ко мне и принеси стул. Лови, на верхний закрыто.

Раевский кидает Ярославу ключи, Ярослав их роняет.

Эх ты. Вот что значит – без норм ГТО. Иди, иди. Я стоять не буду. Возраст не тот.

ЯРОСЛАВ. Уходите. Нам не о чем разговаривать.

РАЕВСКИЙ (*достаёт из портфеля листок бумаги*). А вот это разве не повод для разговора?

ЯРОСЛАВ. Что это?

РАЕВСКИЙ. Ну, подойди, посмотри поближе. Я не кусаюсь... Но-но! Только в моих руках.

ЯРОСЛАВ (*убито*). Не может быть... я только сегодня подал... И оно уже у вас.

РАЕВСКИЙ. А ты на что рассчитывал?

ЯРОСЛАВ. Это незаконно! Это подло!

РАЕВСКИЙ. За стулом иди уже.

Ярослав выбегает из квартиры.

(Брезгливо оглядываясь.) На мебель не заработал, правдоискатель. Нет, я его переоценил, конечно. Столько щенячьего идеализма. Ещё расти и расти. Ну, ничего...

Ярослав прибегает со стулом, ставит его перед Раевским. Тот, не торопясь, устраивается. Ярослав стоит посреди комнаты.

ЯРОСЛАВ. Я в Верховный суд подам! Или вам и оттуда в тот же день заявление принесут?

РАЕВСКИЙ. Никуда ты не пойдешь, мой мальчик. Потому что это заведомо плохая идея. Ты хочешь произвести впечатление на девушку...

ЯРОСЛАВ. Я хочу справедливости.

РАЕВСКИЙ. Ту самую, для которой ты про Антоновых у меня выводывал. Очевидно, не впечатлило. И ты решил зайти с другой стороны. Подать на меня в суд. Логика ясна. Но воображения не хватило. У таких, как ты, всегда с воображением проблемы.

ЯРОСЛАВ. Я не понимаю, при чём...

РАЕВСКИЙ. Молчать! Просто представь, как это будет выглядеть со стороны. Молодой, полный сил, травит немощного старика. Я ведь могу быть очень, очень жалким... Не только ей, всем нормальным людям станет тошно. Молодой и сильный мучает слабого и старого.

ЯРОСЛАВ. Хватит, замолчите!

РАЕВСКИЙ (*медленно рвёт заявление*). Я сам решаю, когда мне молчать, мой мальчик. Я мог бы взять с тебя плату. За то, что спас от роковой ошибки. Но не буду. Ты способный. Думаю, мы с тобой ещё не раз встретимся.

ЯРОСЛАВ. Нет!

РАЕВСКИЙ. Это нормально. Многие поначалу отказываются. А у меня ведь для тебя подарок.

ЯРОСЛАВ. Что?

Раевский достаёт бутылку.

Я не пью.

РАЕВСКИЙ. Так это ж не для тебя, мой мальчик. Откупоришь, немного выльешь, будто пил и не допил. И оставишь в вашем так называемом офисе на видном месте. Я туда ещё снотворного подмешал. Ясна идея?

ЯРОСЛАВ. Не понимаю, о чём вы.

РАЕВСКИЙ. Всё ты понимаешь. Этот алкаш тебе только мешает. Мне, конечно, не нравится то, чем ты занимаешься. Но и здесь можно делать карьеру, имя. Ты сам поедешь и откопаешь эти ваши расстрельные ямы. Зря, конечно. Но не суть. Это будет твоё открытие. Твоя слава. Твои статьи и интервью. Можно и диссертацию... А то, заметь, ты всё делаешь, а он присваивает. Весь город знает Мая Катунина. И никто не знает Ярослава Найдёнова. Где справедливость?

ЯРОСЛАВ. Ни за что! Он мой учитель! Я никогда...

РАЕВСКИЙ. Дай себе время подумать.

ЯРОСЛАВ. Тут не о чем думать! Уходите! И бутылку свою заберите!

РАЕВСКИЙ. Стул занесёшь на днях. *(Уходит.)*

ЯРОСЛАВ. Так. А откуда он узнал про Селиваново?

Сцена 21

Зал поминальных трапез. Длинный стол, покрытый клеенкой, пластиковые стулья, пластиковые стаканчики, бутылки. Гостей не видно, но слышно. Стася и Петя сидят во главе стола, словно возглавляя это призрачное застолье.

ПЕТЯ. Я думал, вдвоём легче будет. На кладбище ещё ничего было. Только с отцом посрались. Прямо над могилой.

ГОЛОС ОТЦА. Да что сын? Его всё равно что нет, этого сына.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. Не говори так, Иван!

ГОЛОС ОТЦА. Да я вообще лучше молчать буду! Отец всю жизнь молчал. И правильно делал.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. Помянем Капитолину! Царствие небесное!

ГОЛОС ОТЦА. Нет никакого Царствия! Ничего нет. Червяки только.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. Не говори так, Иван!

ПЕТЯ. Я думал, вдвоём легче будет. Лучше бы я один надрался.

СТАСЯ. Как только сели за стол, я услышала.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. Выпьем за наш любимый детдом имени Первого мая. Наш второй дом. Путёвка в жизнь. Одна семья.

СТАСЯ. После этого можно было и уходить. Но я подумала, а вдруг там было два Васи Антонова? В этом детдоме. Их ведь миллионы, этих Васей, этих Антоновых.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. А помните, как Васька-оборотень всё в лес убегал? Директор обещался на цепь посадить...

ГОЛОС ОТЦА. Ни отца у меня нет, ни матери. И не было никогда. И сына нет. Никого. Один я.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. Не говори так, Иван! Вот у нас, действительно, никого не было. Только мы. Мы потом и переженились все между собой, детдомовские... Васька на Капке... Оська на Тоньке... Колька на Ольке...

Стася поднимает голову и видит стоящего в дверях Ярослава. Петя уронил голову на стол. Стася идёт к Ярославу. Петя поднимает голову и мутными глазами смотрит ей вслед.

ЯРОСЛАВ. Расскажешь ему?

СТАСЯ. Нет.

ЯРОСЛАВ. Конечно, зачем тревожить бедного поэта...

СТАСЯ. Даже не думай. Не смей!

ЯРОСЛАВ. Ты не можешь мне запретить.

ПЕТЯ. Что-то такое между ними... что-то большое, а я маленький... Я просто не могу туда, где они...

ЯРОСЛАВ. Я могу сказать. А могу и не сказать. Например, если ты...

СТАСЯ. Ненавижу!

ЯРОСЛАВ. Я пошутил. Неудачно. Завтра придёшь?

СТАСЯ. Да. *(Уходит.)*

Петя уснул. Ярослав брезгливо отворачивается от него и уходит.

ГОЛОС ОТЦА. Никого нет. Ничего нет. Нет и не было. Ничего. Никогда.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ. Не говори так, Иван!

ГОЛОС ОТЦА. Да, лучше я всегда молчать буду...

Сцена 22

Поле у деревни Селиваново. Появляются Ярослав, Стася. Сзади, озираясь, плетётся Петя. Идут молча.

ПЕТЯ. Почему так тихо? Почему птиц не слышно? Там сейчас орёл летел, так даже он развернулся и полетел обратно.

ЯРОСЛАВ. Пустельга.

ПЕТЯ. Чего?

ЯРОСЛАВ. Это была пустельга.

ПЕТЯ. Ну, блин. Это в корне меняет дело.

ЯРОСЛАВ *(Пете)*. Напоминаю. Вопросы буду задавать я.

ПЕТЯ. Я уже выучил. Мастер допросов у нас ты. Зачем я, вообще, сюда попёрся?! Нет, вы, правда, ничего не чувствуете?! (*Спотыкается, падает.*) Меня кто-то за ноги схватил!

СТАСЯ (*оборачиваясь*). Это трава.

ЯРОСЛАВ (*не оборачиваясь*). Прекрати истерить. Или отправляйся домой. (*Тихо Стасе.*) Хорошо, что ты поехала.

СТАСЯ. Почему всё-таки мы не дождались Мая Александровича?

ЯРОСЛАВ. Я же объяснил. Он запил. А это надолго. Месяц будет колесить по городу с расстёгнутой ширинкой. Потом под капельницей отлёживаться. Уже снег выпадет. Копать нельзя будет.

СТАСЯ. Понимаю. Но всё равно нехорошо как-то, неправильно. Без него ничего не выйдет.

ЯРОСЛАВ. С ним, без него – какая разница. Дело надо делать.

ПЕТЯ (*кричит*). Вы тоже это слышали? Кто-то кричит! Вон из тех берёз. А там никого! Да стойте же!

Со стороны деревни появляется деревенский дурачок Володька в белоснежном пуховике с чужого плеча. Увидев незнакомых, Володька останавливается и стягивает пуховик.

ВОЛОДЬКА. Люди добрые! Купите скафандер! Греет как печка! Крестом богом клянусь, не спёр! В церкви дали. Или на пузырь махнёмся?

ЯРОСЛАВ. Не нужно. Надень обратно.

ВОЛОДЬКА (*послушно одевается*). Ну, тогда за просто так налейте. А?

ЯРОСЛАВ. За просто так ничего не делается.

ВОЛОДЬКА. А чего вам? Сплясать, что ли? Володька могёт.

ЯРОСЛАВ. Дело есть. Расскажешь что-нибудь ценное, получишь. (*Вынимает из портфеля бутылку.*)

ВОЛОДЬКА. Начальник, дай глоточек задатку. В голове темно.

ЯРОСЛАВ. Никаких задатков. Сначала дело. Ты местный?

ВОЛОДЬКА. Тутошний, тутошний... начальник, крестом богом...

ЯРОСЛАВ. С рождения тут живёшь?

ВОЛОДЬКА. Глоточек, а? Один-единый... мотор запустить...

ПЕТЯ (*Ярославу*). Да чего ты издеваешься?! Смотреть тошно. Дай человеку выпить, потом допрашивай!

ЯРОСЛАВ (*сквозь зубы*). Не лезь.

ПЕТЯ (*доставая из кармана бутылку*). Иди сюда, брат.

Володька дрожащей рукой вцепляется в бутылку. Пьёт.

Эй, стой! Это на всех было!

ВОЛОДЬКА (*выкидывает пустую бутылку*). Эх, я-то думал, спирт. А это какой-то сиропчик городской. Только губу разъело.

ПЕТЯ. Всё высосал и ещё недоволен.

ВОЛОДЬКА. Ну, чего вам надо? Дом купить? У нас полно. Почти вся деревня пустая.

ПЕТЯ. Нет, дом не надо. Мы узнать... Мы ищем место, где тут у вас... людей похоронили... ну, после этих... расстрелов...

Володька молча разворачивается и начинает резво хромать прочь. Неожиданно появляется расхристанный Май.

МАЙ (с весёлой злостью). Упустили языка, дилетанты? Ничего. Сейчас сам с ним потолкую.

ЯРОСЛАВ. Как вы...

МАЙ. Каком кверху! Проспался и попутку поймал. А ты думал, бутылку мне подсунешь и отвяжешься?

ЯРОСЛАВ. Ничего я не подсовывал.

МАЙ. А поило кто в офис приволок? Прокурор Равевский?

ЯРОСЛАВ. Да это я там пил...

МАЙ. Врёшь, шукин сын! Ты не пьёшь!

ЯРОСЛАВ. А тут захотелось.

МАЙ. С чего бы вдруг?

ЯРОСЛАВ. Да мало ли с чего. От несчастной любви. К примеру.

Май хохочет. Петя смотрит на него с ужасом.

МАЙ (указывая на Петю). А это недодо зачем притащили? У него вон глаза сейчас выпрыгнут. И по земле покатаются. Как колобки.

ЯРОСЛАВ (*тихо*). А это потомок.

ПЕТЯ. Чего?

Стася встаёт между ними. Смотрит на Ярослава в упор.

ЯРОСЛАВ. Ничего.

МАЙ. Ладно. Некогда в ваши треугольники вникать. Пойду с человеком потолкую. Всем сидеть спокойно. Не вякать.

Сцена 23

Проржавевшая автобусная остановка. Пустые бутылки и битое стекло. Внутри остановки сидят Володька и Май, выпивают. Стася, Петя и Ярослав стоят поодаль.

МАЙ. Сгиньте, говорю! Не отвешивайте!

ВОЛОДЬКА. Не, ничего не помню. Батя тогда так отходил оглоблями, до весны на печи помирал. Зато от школы освободили на веки вечные.

МАЙ. Они тебе снятся. Люди эти. Нельзя было их видеть. А ты увидел.

ВОЛОДЬКА. Да я нечаянно. Утром мамка нас с братом по грибы выгнала. А грузовик энтот едет прям по полю. А в нём... Не, ничё не помню, отстань, дядя.

МАЙ. Кузов открытый или брезент?

ВОЛОДЬКА. Не. Всех видать было. На коленках стояли. А по краям – дяденьки с винтовками. Я сразу

смекнул: шпиёнов везут. Нам в школе про них толковали. И вот среди этих шпиёнов тётенька была. С двумя косами. Нас с Ванькой увидела, вскочила, да как завоет: «Дети мои, детоньки, прощайте!» А голосище такой – над всем полем летит. А дяденьки её прикладами, прикладами... Пока не затихла...

МАЙ. Когда мы её похороним, она тебя отпустит.

ВОЛОДЬКА. Там, через поле, в сторону города. Перелесок берёзовый, ель кривая... Она живая там, живая! Батя, отрыть надо! Она из-под земли стонет! Зовёт: «Дети мои, детоньки».

Володька падает под лавку и затихает. Появляется Анна.

АННА (*поёт*). «Бай да побай, ты живи не умирай... Если матушку покинешь, голова твоя погибнет...»

МАЙ. Сомлел, горемыка. Ладно. (*Ярославу.*) Дуй за лопатами. Да родственничка своего прихвати. Чего зря мается?

ПЕТЯ. Сдурели? Никуда я не пойду! Никакие лопаты... С меня хватит. Тут деревья кричат! (*Стасе.*) Поедем отсюда, а? Чего ты тут забыла?

Стася мотает головой.

Конечно! Мертвецы тебе важнее! (*Убегает.*)

МАЙ (*хохочет*). Эк вашего хлюпика разобрало!

ЯРОСЛАВ. Ладно. Я за лопатами. (*Уходит.*)

МАЙ. Любишь ты его? Шута этого?

СТАСЯ. Он не шут. Он поэт.

МАЙ. Одно другому не мешает. Шут, поэт, трус. Всё, что нужно женскому сердцу. Ну, ещё начинающий алкаш. Чтоб спастись.

Стася пожимает плечами.

А я вот думаю, это моя Анка была, в грузовике том. Анка-комсомолка. Голосистая, с косами. Я её давно ищу. Похоронить хочу по-людски... Нигде о ней ничего не было – расстрел и точка. Столько их через меня прошло. Этих баб замученных, этих судеб. А она почему-то зацепила. Намертво. Только глаза её увидел на карточке тюремной, в фас и профиль... Как рыболовный крючок в сердце... Я в шестнадцать лет в ад попал, зелёный совсем, любви не знал, а после уж не до любви было. Одна ненависть уцелела, как самый прочный материал... а тут она. Смотрит и смотрит, будто ждёт чего, и не просто ждёт, а именно от меня. Понимаешь?

Стася кивает. Приходит Ярослав с лопатами.

102

(Поднимаясь.) Ну, пойдём, двуликий Янус. Пойдём, покопаем. Только сразу предупреждаю. Если я её найду, Анку мою, вы оба сгините. Ясно? Я один с ней быть хочу.

Сцена 24

Май один. В руках у него череп с остатками двух светлых кос. Май курит и разговаривает с черепом. Слов не слышно. Сзади Мая сидит Анна, намертво прильнув к его спине.

Вечер. Стася и Петя сидят рядом, опираясь друг на друга от усталости.

СТАСЯ. Когда я увидела, как из земли вылезают человеческие кости... я хотела убежать, а Май Саныч взял кость в руки, погладил так нежно и говорит: берцовая, женская... и я вдруг почему-то успокоилась. А он мне: это ж люди, нечего нос воротить... *(Пауза.)* Потом мы туфли отрыли, лодочки... и он как с ума сошел. Швырнул в меня эти туфли. Не твой, кричит, размерчик? Может, примеришь?.. Я не поняла, с чего он озверел так... А потом косы эти увидела... И поняла, что мы Анну нашли.

ПЕТЯ. Да, так и вижу как этот клерк напишет: «Расстрельный полигон в деревне Селиваново». «По остаткам светлых кос и модельным туфелькам была опознана второй секретарь обкома комсомола Анна Антонова»... Так и напишет, не по-человечески.

СТАСЯ. Знаешь, кажется, я от всех своих страхов излечилась, подержав в руках человеческие кости. Будто дошла до самого дна этого кошмара. И всё, дальше идти некуда. Бояться нечего.

Анна тихонько напевает свою колыбельную.

ПЕТЯ *(прислушавшись)*. Будто поёт кто-то? Эй! Кто здесь? *(Пауза.)* Это, наверное, Анна поёт. А я слышу. «Поехал» всё-таки. Как Профессор и предсказывал. *(Пауза.)* Как ужасно всё... Я выживу только, если буду писать... У меня в голове... Они уже давно там возникли, эти стихи... Я записал. *(Достаёт скомканный лист бумаги.)* Это для Анны, о ней... *(Пауза.)* Не обидишься, если я немножко посплю. *(Затихает.)*

СТАСЯ (*кладёт голову Пети себе на колени*). Конечно, за него страшно. Вдруг Ярослав ему всё расскажет? Или даже я сама, разозлюсь на что-нибудь и ляпну. Как с этим жить! Хотя он тут не при чём, конечно...

Анна подходит и забирает из рук Пети скомканный лист бумаги.

АННА (*читает или поёт*).

сильные белые руки у женщины анны
сильный стремительный голос похожий на реку
анна поёт и бельё на коленях полощет
анна поёт и плетёт свои крепкие косы
будто бы вяжет в снопы золотые колосья

солнечным утром по голому русскому полю
анну везут убивать на колени поставив
видит на поле она двух голодных мальчишек
дети мои причитает безумная анна
тянет к ним руки большие бессильные руки

жизнь отрывают от анны а анну от жизни
намертво с жизнью сцепилась огромная анна
вот уже яму поспешной землёй забросали
вот уже стихло и эхо в лесу осквернённом
а под землёй бесконечная анна рыдает

сохнет над анной земля каменея от боли
молча сидят на ветвях онемевшие птицы

молча стоят не решаясь качнуться деревья
молча над ними лежит обездвиженный ветер
а под землёй продолжается женщина анна

руки её оплетают холодные корни
руки её обнимают голодное поле
руки её поднимают пустынное небо
голос её поднимается выше и выше
анна поёт

КОНЕЦ

Мария Малухина ПОЛЯРНАЯ БОЛЕЗНЬ

Действующие лица:

ТАТЬЯНА, 45 лет.

ВАЛЯ, 33 года.

ЛЮБАША, 19 лет.

МУЖИК 1.

МУЖИК 2.

ЧЕЛОВЕК В ШАПКЕ «АБИБАС».

ВОДИЛА.

СИВ'МИН ЕРВ, ПЭ'ЕРВ, ЯХА'ЕРВ, ЯВ'ЕРВ,
ТУ'ЕРВ, ПЭДАРА'ЕРВ – дүхи.

Сцена 1

Междугородний автобус. В задней части автобуса нет кресел, все пространство до потолка заставлено объёмными тюками и доверху набитыми товаром клетчатými сумками. На передних сидениях расположились группками люди. Некоторые сидения разложены, кто-то сидит, кто-то полулежит. В одной из таких группок три женщины – Татьяна, Валя и Любаша. Они заняли один ряд автобуса и переговариваются между собой. Все очень тепло одеты, по два свитера, шерстяные рейтузы с начесом, шарфы, рукавицы, шапки. Хотя салон и отапливается, в нём всё равно холодно. За окном север. За окном бесконечная белая зима. За окном 1996 год.

ВАЛЯ. Ой, девочки, да кончайте уже резину тянуть. Давайте уже на ты, наконец. А то «вы» – «шмы». Как будто у английской королевы обедаем, а не третий день жопы на северá трясём.

ТАТЬЯНА (*морщится*). Вообще, Валя, «резину тянуть» – это неправильный фразеологизм. «Резину тянуть» – это больше затягивать какое-то дело, бюрократически, например. А мы не резину тянем, мы что-то другое делаем.

ВАЛЯ. Что, например?

ТАТЬЯНА. Не знаю. Так сразу не соображу.

ЛЮБАША. Я когда слово «фразеологизм» слышу, мне вас не то, что на «ты», мне вас по отчеству называть хочется.

ТАТЬЯНА. Почему вдруг?

ЛЮБАША. Вы же учительница. Как-то на «ты» неприлично.

ТАТЬЯНА. Бывшая.

ВАЛЯ. Бывших не бывает.

ЛЮБАША. Татьяна, а у вас прозвище было? Ну, среди учеников? У хороших училок обычно прозвища необидные. Или вообще их нет.

ТАТЬЯНА. Не было.

ВАЛЯ. Да щас она нам скажет, даже если было. Ох, чистая ты душа, Любаша. Надо было сначала вопрос задать, а потом уже про хороших училок говорить.

ТАТЬЯНА. Нет, правда не было. У меня фамилия Смирнова, из неё прозвища не сделаешь.

ЛЮБАША. Вообще, при желании можно из чего угодно прозвище сделать. Была у нас Ирина Олеговна с нормальной фамилией, биологичка. Так её за глаза никак кроме Ирина олеГовна никто не называл.

ТАТЬЯНА. Изобретательно.

ВАЛЯ. Телимся мы, вот. Телимся! Бабка моя, помню, говорила: «Кончай телиться, давай делиться». *(Достаёт металлическую фляжечку с крошечными рюмочками, разливает.)*

ТАТЬЯНА. Ой, нет, Валя, что вы, мне не надо, спасибо.

ВАЛЯ. Поверь мне, опытной, тебе надо. По чуть-чуть. А то была у нас, когда в Польшу в том году ездили, одна такая интеллигентная, тоже ей всё не надо было, держалась-держалась, ни капли, ни сигаретки, а как на обратном пути в поезде у неё сумку подрезали и все деньги увели, так она последнее, в трусах

заныканное, на водку потратила, купила на каком-то полустанке у бабки самогонку, ну, бутыль, и выдула её в одно лицо в туалете. И всё!

ЛЮБАША. Что всё?

ВАЛЯ (*делает страшные глаза*). Всё – всё.

ЛЮБАША. Прямо умерла?

Валя серьёзно кивает, поднимает рюмочку, пьёт не чокаясь.

ТАТЬЯНА. Глупости какие. Валя, не пугайте девочку. Никто у вас там не умер.

ВАЛЯ. Ладно, ладно, не умерла, но весь туалет изгвазила только так. Её с поезда ссадить хотели, но мы все заступились, дали денежку проводницам, те оставили её на месте отсыпаться. Она не буйная была, только плакала тихонечко. Ну, как плакала, выла больше. Она так-то дура совсем, продала, чтобы первую партию купить, то ли квартиру, то ли машину. И всё. В одну секунду увели. Знаешь, как в поездах? Надо ухо остро держать, ни вздохнуть, ни мигнуть, а то порежут так, что заметишь только, когда поздно будет. Жалко тётку. Может, лучше б и умерла.

ЛЮБАША. Ужас.

ВАЛЯ. Я потому и говорю всегда, как хочешь вернуться, в долг бери, у родных проси, на коленях стой, но жильё продавать нельзя. Не стоит оно того.

Все немного молчат. Валя придвигает к Татьяне и Любаше рюмочки. Те их берут. Любаша быстро, Татьяна нехотя, явно потому, что отказаться неудобно.

Любаш, тебе сколько лет-то? Восемнадцать есть?

ЛЮБАША (*обиженно*). Двадцать. Почти.

ВАЛЯ. Почти не считается. Девятнадцать, значит.

ТАТЬЯНА. Как тебя мама-то одну пустила?

ЛЮБАША (*резко*). Я у неё не спрашивала.

ТАТЬЯНА. Моему старшему восемнадцать. Маленькие детки – маленькие бедки, а большие детки...

ВАЛЯ (*поднимает тост*). Ну что, девочки, за наше безнадежное дело!

ЛЮБАША. Почему сразу безнадежное? Я вот как-то в себя верю...

ВАЛЯ. Да кто ж не верит? Только вот сколько ни езжу, всегда все за «безнадежное дело» пьют. Это вроде как когда на «ни пуха ни пера» в ответ к чёрту слать надо. Чтобы не сглазить, короче.

Все чокаются, выпивают.

ЛЮБАША. Валя, а вы... ты давно ездешь?

ВАЛЯ. Да пару лет как. То Польша, то Венгрия. Но на север впервые. Мне подружка одна говорила, она в том году ездила, купила в Москве за десять рублей, а в крайних точках, там, где деревни дикие с чукчами, так она там за пятьдесят продавала. В пять раз больше! Это ж это... как его. Золотая страна, Эльдorado какое-то...

ТАТЬЯНА. Клондайк прямо-таки.

ВАЛЯ. Ну, я и решила...

ТАТЬЯНА. Это подруга так далеко на восток захала?

ВАЛЯ. Почему на восток? Тем же маршрутом, что и мы сейчас.

ТАТЬЯНА. Так не чукчи тогда, ненцы.

ВАЛЯ. Ой, да хоть немцы, лишь бы по пятьдесят рублей брали.

Все молчат.

ЛЮБАША. А я вот в первый раз, вообще.

ВАЛЯ. А сама откуда?

ЛЮБАША (*нехотя*). Из Воронежа.

ВАЛЯ. Да уж, Москва – Воронеж, хрен догонишь. А догонишь, хрен возьмёшь.

Татьяна морщится.

А что везёшь?

ЛЮБАША. Лифчики вроде.

ВАЛЯ. Как это вроде? Сама что ли не знаешь, чем торговать собралась?

ЛЮБАША. Да я вместо подружки в последний момент поехала. Она заболела, а мне... Ну... мне срочно уехать надо было. Она мне сказала, что бельё. А я вот сейчас сижу, думаю, бельё – это лифчики с трусами или постельное?

ВАЛЯ. Ну ты, девка, даёшь!

ТАТЬЯНА. А почему не посмотрела?

ЛЮБАША. Да там всё плотно так запаковано, я решила не распаковывать, пока продавать не начнем. А то, может, помнётся ещё.

ВАЛЯ. Ой, я не могу, помнётся! Если подружка твоя хорошо запаковала, там так всё сжато... Как

этим... гидравлическим прессом. Оно там уже как коровой пожёванное! Мы как распакуемся на первой стоянке, я тебе покажу, как распрямить. Не всё, конечно, только то, что на витрину пойдёт. Главное, чтоб лифчики не заломались. Хотя, может, у тебя там мягкие, без косточек. А если постельное, то и вообще не о чем волноваться. Отгладят потом сами.

ТАТЬЯНА. К нам в прошлом году белорусы постельное бельё привозили, я купила на всю семью, очень приличное качество. И швы ровные.

Все молчат.

Валя, а я вот спросить хотела, может, вы знаете...

Валя нарочито вздыхает.

(принципиально не переходит на «ты») почему мы в больших городах не останавливаемся?

ВАЛЯ. Так а зачем? Там таких, как мы, хоть жопой ж...

112

Татьяна морщится.

(поправляется.) Много, короче. Свои же местные в Москву за товаром мотаются и на рынках сбывают. Зачем им мы? А вот в городках поменьше да подальше... До них не доехать, из них не выехать. Серьёзно. Летом, вообще, никак, дорог нет, грязи по колено. Только по рекам, если до них плыть. А зимой вот «зимники», соответственно. Дикие места, короче. В магазине два халата на весь город, выбирай, синий или серый. Как при Союзе. До них девяностые ещё не докатились. Мы, короче, как вестники нового времени.

ТАТЬЯНА. В авангарде, значит.

ВАЛЯ. В нём!

ТАТЬЯНА. Понятно. Спасибо, Валя.

МУЖИК 1. Девчонки, давайте к нам!

ВАЛЯ (*громко*). Не, мы спать! Завтра с утра разгружаемся, надо отдохнуть хорошенько. В другой раз! (*Тихо.*) Вот мужики всегда до первой же стоянки набухают, и начинается потом.

ТАТЬЯНА. Что же вы их так сразу, Валя... Мужичинам и отдохнуть надо.

ВАЛЯ. Сразу-не сразу, а все одинаковые. Исключений пока не видела. Хорошо их только трое всего на весь автобус. Если водилу считать...

ЛЮБАША. Да, хорошо.

МУЖИК 2. Ну, на нет и суда нет. А то присоединяйтесь, если передумаете!

ВАЛЯ. Ох, хоть поспим немного.

ТАТЬЯНА. Я очень плохо сплю тут. За три дня... ну, часов пятнадцать максимум.

ВАЛЯ. Так с непривычки, конечно.

ТАТЬЯНА. И сон такой неглубокий. Всё время просыпаюсь.

ВАЛЯ. Ещё, может, рюмочку?

Татьяна вздыхает, отворачивается, накрывается с головой пуховиком. Валя пожмает плечами и выпивает рюмочку сама.

Спокойной ночи, девочки.

Летит могучий орёл Сив'мин Ерв, хозяин ветров, размах его крыльев шире дороги, летит он над черной ночью, над белым снегом, над железной лодкой на колёсах, летит могучий орёл Сив'мин Ерв и поёт свою песню.

СИВ'МИН ЕРВ.

Ночь спустилась

На землю.

Зайчата, лисята,

Все заснули.

Даже горностаи,

Белые куропатки,

И тебе, моя маленькая,

Пора заснуть.

Телята-оленьята,

И птицы летящие,

Все заснули.

Спи, моя маленькая.

Сцена 2

Вечер. Валя, Любаша и Татьяна возвращаются в автобус после первого дня торговли. Они затаскивают обратно тяжёлые тюки с

товаром. Особенно тяжело Татьяне – она ударяется сумкой о двери автобуса, в сумке что-то звенит.

ТАТЬЯНА. Ч-чёрт.

ВАЛЯ. Разбила?

ТАТЬЯНА (*заглядывает внутрь*). Нет, вроде бы.

ВАЛЯ. Подожди. Давай вдвоём.

ТАТЬЯНА. Нет, не надо. Я сама. Спасибо.

Валя пытается взяться за сумку, но Татьяна не даёт.

ВАЛЯ (*мужикам, громко*). Помогли бы, а?

ТАТЬЯНА (*тихо*). Валя, не надо. Я сама.

МУЖИК 1. Это что ж, каждый раз теперь помогать?

МУЖИК 2. Так нечего посуду тащить. Трусами лучше торгуй.

Татьяна наконец затаскивает сумку в автобус. Валя следом затаскивает свою.

ВАЛЯ. Поторгуешь тут трусами, да, Любаш? Ой, ну это анекдот, конечно. Кому расскажешь, не поверят. (*Татьяне.*) Пока ты бокалы свои пристраивала, Любаша наша местным феям бельё иксэсочку втюхать пыталась.

ЛЮБАША. Просто так получилось...

ВАЛЯ. Открывает она свой тюк, а там кружева кружевные, но эмка самый большой размер. Непонятно на кого.

ЛЮБАША. Ну, Настя, подруга моя, на себя, наверное, ориентировалась.

ВАЛЯ. Настя, подруга твоя, небось не ест ничего. Или ест и тошнит. Я читала, модели так делают. Навернут макарон с сыром, а потом сразу в туалет бегут.

ЛЮБАША. Ничего она не тошнит!

ВАЛЯ (*показывает мизинец*). Вот на таких рассчитано! Я на себя прикинула, так мне два лифчика узлом вместе связать надо, чтобы вся моя красота влезла. А я на фоне местных дам ещё Дюймовочка, можно сказать.

ТАТЬЯНА. И что, все маломерки? Люба, как же так... И что же теперь?

ВАЛЯ. Что б вы без меня делали! «Что же теперь, что же теперь!» Артисткой разговорного жанра теперь работать.

ЛЮБАША. Ой, вы бы её видели. Я растерялась совсем, а Валя как подскочит ко мне, как начнёт...

ВАЛЯ (*разыгрывает произошедшее*). «Да ну, что вы, европейские размеры, итальянской фабрики пошив. Качество! Так вы что, каждый день такое бельё собрались носить? Оно же для особых случаев. Когда вот у вас с мужем последний раз особый случай был?» А там такие бабы загнанные, у них того особого случая ни разу не было. Ни с мужем, ни с кем ещё. Они о таком особом случае только в дамских романах, по три рубля пачка, читали. А глаз-то у них быстро разгорается – воображалка работать начинает. Когда в такой тьме, в такой холодине невозможной девять месяцев в году живёшь, воображалка очень хорошо должна ра-

ботать. А иначе хоть в петлю лезь. Вот представьте, говорю, а там уже тёток пять подтянулись, все стоят, слушают. Вот представьте, говорю, огоньки свеч, лестки красных роз на постели, и вы... Как я там?

ЛЮБАША. Желанная-обожанная...

ВАЛЯ. Желанная-обожанная лежите. И заходит «он». А там уже неважно, что «он» этот страшный как чёрт и пьяный примерно так же. Ничего уже не важно, и неважнее всего размер у лифчика. И то, влезет она в него в итоге или нет. Она же себе в голове уже всё придумала во всех деталях. А лифчик это так. Напоминание. Положит в шкаф на полку, достанет раз в месяц, вздохнет, опять мультик у себя в голове запустит.

ТАТЬЯНА. Объект культа какой-то. Как у папуасов.

ВАЛЯ. Вот так вот. Маркетинг называется.

ТАТЬЯНА. Мне было бы стыдно.

ВАЛЯ. Чего это?

ТАТЬЯНА. Я вот никого не обманываю. Бокалы за хрусталь не выдаю. Стекло – стекло и есть. Просто сделано симпатично, современно. Не то, что горки советские.

ВАЛЯ. Так я, что ль, обманываю? Я когда свои костюмчики мальчуковые толкаю, никогда за качество не вру. Вот это Польша, а вот это Китай. Выбирайте сами на свой страх и риск. Так ведь трикотаж всякий, маечки – это же проза жизни. А Любаша мечту продаёт. Тут и приврать можно.

ТАТЬЯНА. Дожили. Какое время, такие и мечты теперь.

ВАЛЯ. Отличное время. Главное, не жаловаться. Жизнь-то всё слышит. Будешь ныть просто так, она тебе и даст.

ТАТЬЯНА. Что даст?

ВАЛЯ. Если ноешь, должно быть – о чём. Жизнь порожняков не любит. Вот и даст... По заслугам, так сказать.

ТАТЬЯНА. Ну, вот и философия доморощенная по-доспела.

ЛЮБАША. Зря вы, Татьяна. Валя мне, правда, очень помогла. Я бы иначе совсем бы ничего, наверное... А так пятнадцать комплектов, ну и трусы по мелочи.

ТАТЬЯНА. Ну, может, я чего-то не понимаю...

ВАЛЯ. Любаш, деньги дай.

ЛЮБАША. Как это – дай?

ВАЛЯ. Ой, ой, испугалась тут же, глаза по пять копеек. Что, думаешь, я с тебя процент за помощь сдеру? Не бойсь, казак, атаманом будешь.

ТАТЬЯНА. Терпи.

ВАЛЯ. А?

ТАТЬЯНА. «Терпи, казак...» Гоголь.

ВАЛЯ. Ну, может, и так. (*Любаше.*) Что сегодня заработала, купюры, в руки мне дай.

Любаша нехотя протягивает Вале деньги. Та сооружает из купюр довольно куцый веер.

Баул свой наклони сюда. Ой, ну не смотри на меня как баран на новые... Наклоняй, давай.

Любаша наклоняет тюк, Валя водит веером по тюку.

ВАЛЯ. Это на удачу. Первой выручкой всегда по-возить надо. Привлекает покупателя на магическом уровне.

Татьяна тяжело вздыхает.

(Татьяне.) А ты что, тоже со своей посудой первый раз?

ТАТЬЯНА. Не первый.

ВАЛЯ. Не суеверная, значит. Ну и глупо. Верить – не веришь, а пошуршал деньгами, и как-то сразу увереннее себя чувствуешь.

Возвращает Любаше купюры, та быстро прячет их в поясную сумку.

(Татьяне.) А куда раньше ездила?

ТАТЬЯНА. Да неважно. Куда-куда. Тоже мне, места боевой славы.

ВАЛЯ. А бокалы-то покупают?

ТАТЬЯНА. Вполне.

ВАЛЯ. А чего кислая такая? Ничего, Танюха. Вот послушаешь меня, начнёшь маркетинг применять, авось и пободрее пойдёт.

ТАТЬЯНА (отворачивается, накрывается с головой пуховиком, тихо). Без чужих советов обойдусь.

Смотрит с обрыва пищуха Пэ'Ерв, хозяин гор, громко пищит он, ведь с гор ему видно больше, смотрит с обрыва и видит о мире правду, смотрит с обрыва пищуха Пэ'Ерв и поёт свою песню.

ПЭ'ЕРВ.
И в лютый мороз
На лёд обской
Сеть свою поставлю
Самостоятельно.

Аркан свой возьму,
Оленя заарканю,
Нарту запрягу,
За дровами поеду.

А когда я в чум вернусь,
Печь затоплю.
Чтоб накормить вас,
Еды приготовлю.

Тонкий свой нож
С острым лезвием,
Всегда готовый к работе
Возьму и сошью ягушку.*

Сцена 3

День. Автобус едет по бескрайней тундре. Татьяна пытается размяться, делает какие-то

* Ягушка – часть традиционного костюма ненцев, женская верхняя зимняя одежда.

движения руками. Любаша пилочкой вычищает грязь из-под ногтей. Валя смотрит в окно.

ВАЛЯ. Всё-таки тяжело это.

ЛЮБАША. Что?

ВАЛЯ. А вот это, мелькание вот это. За окном. Белое и белое, белое и белое. В Польше мы когда были, нам водила рассказывал, что где-то, во Франции, что ли, такие огромные стога сена вдоль дорог ставят. На катушки похожи, круглые такие, чтобы водитель не уснул по дороге. От монотонности.

ЛЮБАША. Тут снеговиков ставить надо тогда.

ВАЛЯ. Ага. Господи, хорошо у нас водила опытный, вот дай ему бог здоровья. Мне кажется, это с ума сойти можно. Я всегда думаю, вот нам тяжело, а ему-то ещё хуже, получается.

ТАТЬЯНА. Мне кажется, думать, что тяжело, в принципе бесполезно. Развращает. «Душа обязана трудиться».

ВАЛЯ. Так а мы не трудимся, что ли? Я же не на диване, в розовых тапках лежа, на тяжелую жизнь жалуюсь. Все в одной лодке.

ТАТЬЯНА. Вот и незачем. Мы, по крайней мере, путешествуем. Многие и этого лишены.

ВАЛЯ. Ой, конечно, путешествуем. Трясёмся мы, а не путешествуем.

ТАТЬЯНА. Ну, вы же были за границей. Сами говорите – Польша. А я вот дальше Прибалтики не выезжала. Грех жаловаться, Валя.

ВАЛЯ. Да разве я ту Польшу видела? Приезжаешь, в гостишку заселился, поспал немного. Потом

сразу на рынок – ищешь, что купить, кому продать, у кого что почём. Весь рынок оббегаешь пока чуть в ценах разбираться начнёшь. Голова как калькулятор – тыц, тыц, тыц... Местность знаешь на десять метров вокруг рынка – где подешевше поесть, где валюту поменять, чтобы не ограбили. Под вечер без ног в свой номер заваливаешься, душ и спать. И всё. *(Показывает большой палец.)* От такая культурная программа!

ТАТЬЯНА. Ну, не знаю, было бы желание. Я вот, если всё хорошо в этот раз будет, всю семью летом на отдых выведу. В Грецию, например. Парфенон, Акрополь...

ВАЛЯ *(перебивает)*. Шубы...

ЛЮБАША. А хорошие там шубы, да?

ВАЛЯ. Шубы шикарные, только с вывозом беда. В Греции в аэропорту за каждое кило груза двадцать долларов платить надо. Не разбежишься. Правда, вроде можно на автобусе до Турции доехать, там два доллара всего, а оттуда уже обратно домой.

ЛЮБАША. И что, раскупают потом?

ВАЛЯ. А ты как думаешь? Вопрос в том, чтобы привезти. Дальше – торгуй не хочу. Хотя и тут умельцы случаются. Я когда на рынке торговала, случай был. Продавала тётка дубленку из козла. Ну, и зазывает, конечно, кричит: «Козёл, козёл». Ну, а как часто бывает, мозг за телом не поспевает, кричит она, значит «Козёл, козёл», а сама на мужика какого-то уставилась. А мужик ей: «Я не понял...» А она себе продолжает, прямо на него глядя: «Козёл, козёл...»

ТАТЬЯНА (*перебивает*). «Голубой козел! Еле отбили всем рынком...» Валь, вы уж если байки с бородой рассказываете, не выдавайте за своё-то.

ВАЛЯ. Нет, ну надо, а? Любаша в первый раз, ей какая разница, моя история или выдуманная? Надо вот испортить обязательно.

ТАТЬЯНА. А врать не стоит потому что.

ВАЛЯ (*под нос*). Училка – училка и есть. (*Громче.*) А мне кажется, надо выше метить.

ЛЮБАША. Это как?

ВАЛЯ. Ну вот, Акрополь. То есть, значит, отдохнуть разок летом. А надо шире брать. Один раз съездил на северá – машину купил. Другой раз помучился – квартиру купил. Так надо бизнес вести. Смело. С напором. С масштабом! Я вот потому сюда и попёрлась. Польша хорошо, конечно, быстро, чик-чик, туда-сюда, один раз метнулся, месяца четыре потом живёшь, горя не знаешь. Но маржа-то не та совсем. Не та маржа, Любаша. А тогда зачем это всё? Зачем по мелочи здоровье тратить? Можно и так дома сидеть, ворон считать.

ТАТЬЯНА. Это в мой адрес шпилька, да? Что у меня масштаба не хватает? У меня семья большая, Валя. У меня муж, трое детей. Семья это главное. Это ценность. Это духовные устои, можно сказать. Вот у вас, Валя, какие духовные устои?

ВАЛЯ. Ой, ну, я так тоже могу спросить...

ТАТЬЯНА. Так спросите.

ВАЛЯ. А вот и спрошу...

ТАТЬЯНА. И спроси!

ВАЛЯ (*вдруг резко меняет тон, смеётся*). О, на «ты» перешла! Свершилось чудо...

ТАТЬЯНА (*нехотя*). Спроси-те...

ВАЛЯ. Э, не-не-не, поздняк метаться и пить боржоми. Мы теперь на ты.

ТАТЬЯНА (*сухо*). Да, пожалуйста.

ВАЛЯ. Чего ты злая-то такая? На, конфетку возьми. «Мишки в сосновом лесу».

Валя протягивает Татьяне конфетку. Та с подозрением на неё смотрит, но всё-таки берёт.

ТАТЬЯНА. «Утро в сосновом бору» только. Так картина называется. (*Ест конфету.*) Спасибо.

ВАЛЯ. Нам до следующего соснового бора пиликать и пиликать.

ЛЮБАША. Необъятное всё какое. Аж страшно.

ТАТЬЯНА. «Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

ВАЛЯ. А?

ТАТЬЯНА. Гоголь.

ВАЛЯ. Опять?

Татьяна молчит.

А-а...

Ныряет на дно ловкая выдра Яха 'Ерв, хозяин реки, звенят капли воды как весёлый колокольчик, ныряет на дно и ловит рыбу для своих де-

ток, большая семья – большие заботы, ныряет на дно ловкая выдра Яха'Ерв и поёт свою песню:

ЯХА'ЕРВ.

Колокольчик танцует,

Колокольчик звенит.

Папа купил колокольчик.

Папа привёз.

Колокольчик танцует,

Колокольчик звенит.

К малице* пришит колокольчик.

Мама пришила.

Колокольчик танцует,

Колокольчик звенит.

Я радуюсь.

На улице гуляю.

Сцена 4

125

Утро. Чистое небо, яркое солнце, снег. Повсюду снег. И больше ничего вокруг. Посреди дороги остановился автобус – технический перерыв на чай и туалет.

В автобус заходит Валя, прежде, чем опуститься на сиденье, она поддерживает вверх шерстяные рейтузы.

* Малица – длинная верхняя одежда из оленьих шкур у народов Крайнего Севера.

ВАЛЯ. Ух, хорошо!

ТАТЬЯНА. Не холодно? Доброе утро.

ВАЛЯ. Доброе! Холодно, конечно. Минус сорок минимум.

ТАТЬЯНА. До города, что ли, подождать.

ВАЛЯ. Пока доедем, пока разложимся... Я бы не рисковала.

ТАТЬЯНА. Холодно. Да и неудобно как-то. Ни кустиков, ничего. А тут мужчины всё-таки.

ВАЛЯ. Эти-то? Ой, нашла мужчин. Да и чего они там не видели?

В автобус заходит Любаша.

(Любаше.) А ты куда пропала? Я тебя потеряла. Думала, покурим вместе.

ЛЮБАША. Я на другую сторону автобуса пошла.

ВАЛЯ. Думаешь, там меньше видно? Эх, молодежь. Непривычные вы к жизни в коллективе. Мы когда в том году в Калининграде на границе стояли... Нас литовцы пускать не хотели, устроили нудянку с таможей на пять часов. А там автобусов десять на границе своей очереди ждало. Вот и образовались пейзажи, так сказать. Мимо машины ехали, сигналили – вдоль дороги сплошные голые жо...

Татьяна морщится.

Да не кривись ты, боже ж мой! Невозможно!

ТАТЬЯНА. А никак нельзя без вот этого вот...

ВАЛЯ. Сплошные голые задницы. Половинки. Пятые точки, я не знаю. Так нормально тебе? Лучше?

ТАТЬЯНА. Лучше, спасибо большое. За уважение к русскому языку.

ВАЛЯ (*закатывает глаза*). Так вот, сплошные голые задницы и чайные пакетики использованные.

ТАТЬЯНА. «Тяжелый русский дух, нечем дышать и нельзя лететь».

ВАЛЯ (*с подозрением*). Гоголь?

ТАТЬЯНА. Блок (*видит Валины недоуменно поднятые брови*) Александр.

ВАЛЯ. Сергеевич?

ТАТЬЯНА. Почти.

ВАЛЯ. Да, не летаешь особо, конечно.

ТАТЬЯНА. Ладно, я все-таки пойду. Раз уж стоим. (*Поднимается с места, выходит из автобуса.*)

ВАЛЯ (*Любаше*). А ты чего тихая такая? Не выспалась?

ЛЮБАША. Живот болит.

ВАЛЯ. У меня но-шпа была где-то, погоди.

ЛЮБАША. Нет, не надо но-шпу. Сам пройдет.

ВАЛЯ. Ну, как знаешь. Свисти, если понадобится.

ЛЮБАША (*выдавливая из себя улыбку*). Никогда не умела свистеть.

Валя вставляет пальцы в рот, издаёт залихватский свист.

МУЖИК 1. А потише можно?! Восемь утра, блин!

ЛЮБАША (*тихо*). Я вот так же пальцы в рот сую, а всё равно ничего не получается.

ВАЛЯ. Так ты их держишь неправильно, наверное. Вот смотри...

Валя складывает пальцы, показывает Любаше как надо. Любаша пытается тихо свистеть, но ничего не получается – она просто выдувает изо рта воздух.

Не, не, не так...

Валя опять складывает пальцы, суёт их в рот, начинает свистеть, но вдруг осекается. В салон очень медленно заходит очень бледная Татьяна.

ЛЮБАША. А что...

Любаша замирает. Она видит, что за Татьяной в салон залезает Человек в шапке «Абибас». В руках у него обрез. Дуло обреза направлено в спину Татьяне.

ЧЕЛОВЕК В ШАПКЕ «АБИБАС». Разворачиваемся и едем назад.

МУЖИК 2. Э, уважаемый...

ЧЕЛОВЕК В ШАПКЕ «АБИБАС». Я непонятно выражаюсь? Разворачиваемся и едем назад.

Человек в шапке «Абибас» резко переводит дуло обреза на пол, стреляет. Все кричат.

Поняли, уважаемые?

Человек в шапке «Абибас» толкает Татьяну, но Валя с Любашей её подхватывают.

Человек в шапке «Абибас» выходит из автобуса.

МУЖИК 1 (*Водиле*). Серёга, рули, рули, рули!

Автобус заводится, начинает медленно разворачиваться на заледенелой дороге. Раздаются выстрелы.

МУЖИК 1. По колёсам стреляет, гад!

Автобус, наконец, разворачивается и начинает двигаться в обратном направлении.

ВОДИЛА (*из кабины*). Сделаем крюк! Часа четыре к дороге. Все целы?

Раздаются нестройные «да».

Пуля-то куда попала?

ВАЛЯ. Пол пробило. Мы сейчас заткнём!

Валя лезет в свои тюки, достаёт оттуда детскую маечку, затыкает ею дырку в полу.

ЛЮБАША. Татьяна, Татьяна, вы как? Вам плохо, да? Вам плохо?

ТАТЬЯНА. Нормально мне. Нормально всё. Не мельтеши только. Пожалуйста.

ВАЛЯ (*садится рядом с Татьяной*). Ты такая молодец, Тань. Ни пикнула, ни словечка этому уроду. Такая молодец. Ой, я бы как резаная вопила бы, если бы на меня вот так вот ружьё навели.

ТАТЬЯНА. Не в первый раз.

ВАЛЯ. Это что, в прошлый раз, когда ты ездила, тоже такое было? Кошмар какой.

ТАТЬЯНА (*устало*). После. Когда домой приехала. У меня муж военный. Ну, бывший. Военный пенсионер с тридцати пяти лет. Хотя как ты там сказала? Бывших не бывает? Я когда в первый раз за товаром поехала, детей с ним оставила – старшему восемнадцать, а младшим десять и шесть. Девочки. А обратно приезжаю, захожу в квартиру, сразу о бутылки спотыкаюсь. Пустые. Батарея целая в коридоре. Дети в ванной сидят, на щеколду заперлись. А он, значит... Он из дома всё вынес. Дома пусто, страшно, он стоит посреди комнаты и пистолетом табельным размахивает. На меня наставил, еле отговорилась. Это потом я поняла, что он не заряжен был. А минуты три думала, что всё, сейчас выстрелит. И знаете, что, девочки, самое интересное? А самое интересное, что я в эти три минуты не о детях думала, а о том, что пять импортных кухонных комбайнов, которые я на своем горбу приперла, ни за что пропадут. Такая вот деформация.

Все молчат.

130

ВАЛЯ. Выгнала, да?

ТАТЬЯНА. На этот раз бабушек выписала. Обеих. И маму и свекровь. Чтобы с детьми и с мужем пожили, пока я тут. При них совестно всё-таки должно быть. Я надеюсь.

ВАЛЯ. А что с собой не возьмёшь тогда? Помог бы посуду твою таскать... Хоть какая польза.

ТАТЬЯНА. Нет, ну, что значит, хоть какая. Мужчины... всё-таки так устроены, что они, конечно, должны зарабатывать деньги, но не торговлей. Другим чем-

то. На предприятии, на строительстве каком-то, ещё где-то...

ВАЛЯ. Западло ему, значит.

ТАТЬЯНА. Нет, ну что значит западло? Женщины всё-таки как-то по-другому это всё воспринимают, мы умеем подстраиваться, более гибкие, что ли.

ВАЛЯ. Ну, да. Куда уж гибче-то. Один козёл на пути встал, а мы и рады крюк в четыре часа делать.

ЛЮБАША (*тихо*). Ненавижу.

ТАТЬЯНА. А что, в драку лезть надо было? Под пули? Чтобы маечкой сейчас мою голову затыкать пришлось?

ВАЛЯ. Сзади тоже небось военные пенсионеры сидят. (*Громко.*) Как мышки, да, мальчики?

ТАТЬЯНА. Ну тихо, Валя. Не надо. Зачем. Все живы, здоровы, ну и хорошо.

ВАЛЯ. А я знаете, девки, я в следующий раз в Турцию метнусь. Вот ей богу, метнусь, так надоело это всё. Эта возня мышиная. И не из-за торговли, а просто по зову сердца. Нормального такого честного мужика хочется.

ЛЮБАША (*прыскает*). Это в Турции-то?

ВАЛЯ. А что? Сильные, красивые, загорелые. Сидим мы с ним на пляже, море такое шшшшух, шшшшух... и чайки поют...

ТАТЬЯНА. Чайки кричат. Громко и противно.

ВАЛЯ. Слушай, я вот за свои тридцать три на море не была ни разу. На тёплом, в смысле. Где чайки водятся. Поэтому поют они, кричат, да хоть на голову

гадят – мне без разницы. А турок, значит, повернулся ко мне и говорит: Наташа-ханум, ты теперь моя...

ЛЮБАША. А почему Наташа вдруг?

ВАЛЯ. А мне подружки говорили, им все русские – Наташи. Что я Валя он потом, ближе к детям выучит.

ТАТЬЯНА. Долгоиграющие у вас, Валя, планы.

ВАЛЯ. Ну, ёлки, опять на «вы»!

ТАТЬЯНА (*улыбается*). Сколько детей-то будет?

ВАЛЯ. Трое. Все кудрявенькие, кареглазые. Не то, что я – чудь белоглазая. Не накрашусь, так ни ресниц, ни бровей не видно. Надо исправлять породу.

ТАТЬЯНА. Трое много. Не прокормить.

ВАЛЯ. А лучше четверо. И жить у моря. Шшшух, шшшух, шшшух...

*Татьяна и Любаша отворачиваются к окну.
Валя потягивается и закрывает глаза. Слышен шум прибора.*

Плывёт серебристый омуль Яв'Ерв, хозяин моря, плывёт он в холодных водах, где нету чаек, плывёт он так близко к солнцу, что весь сияет, плывёт серебристый омуль Яв'Ерв и поёт свою песню.

ЯВ'ЕРВ.

Я Тёкла Вэнга,

Говорю всем.

Ты моя жена из рода Яров,

Говорю всем.

Ты не бойся!
Говорю тебе.
Сердце как у медведя,
Говорю тебе.
Я Тёкла Вэнга –
Старший сын великана!
Хулиганы русские
Со мной не справляются.
На склоне четырёх холмов
Мои пёстрые олени пасутся.
У них хозяин есть
Это я – Тёкла Вэнга.

Сцена 5

Вечер. Автобус едет по бескрайним снежным равнинам. Женщины накипятили кипятильником воды, сварили сосисок, заварили чай. Едят.

ТАТЬЯНА. Осторожно, осторожно.

ВАЛЯ. Горячая еда – это всё, конечно. Никуда без неё. Как не человек на этой сухомятке.

ТАТЬЯНА. Ну, сосиски, положим, тоже бог знает из чего сделаны. Мне рассказывали, в них туалетную бумагу теперь кладут...

ВАЛЯ. Зато горячие.

ТАТЬЯНА. Зато горячие.

ВАЛЯ. Супу бы сейчас.

ТАТЬЯНА. Ой, не травите душу, Валя. Полцарства за суп.

ЛЮБАША. А я суп не люблю. И дома не ем.

ТАТЬЯНА. Суп начинаешь годам к тридцати по-настоящему ценить. А тебя, небось, до сих пор супом мама пичкает.

ЛЮБАША. Никто меня не пичкает. А суп ни готовить, ни есть не люблю. Ну, только если гадкий из пакетика. Знаете, грибной суп такой в пакетах продаётся, его молоком разводить надо. Все говорят, гадость, химия. Только его и люблю.

ВАЛЯ. А тебе бы сейчас как раз супчика бы хорошо. Ну, ты хоть чай пей, жидкости побольше.

ЛЮБАША. Почему это?

ВАЛЯ. Не прошёл живот? У тебя же болел вроде. Ты всё бледная какая-то.

ЛЮБАША. А... нет, это не такой живот. Неважно. Всё в порядке. Само пройдёт.

ВАЛЯ. Ну, тогда можно и сладенького поесть. Печеньку схрумкай, сразу попустит. *(Похлопывает себя по бокам.)* Я, как видишь, только сладеньким и спасаюсь.

ЛЮБАША. Не, спасибо, не хочется.

ВАЛЯ. Ничего-то тебе не хочется.

ЛЮБАША *(всё-таки берёт печеньё, с набитым ртом)*. Денег хофефся.

ВАЛЯ *(передразнивает)*. Всем денег хофефся! А ты, кстати, думала когда-нибудь, вот выгорит у тебя

весь этот бизнес-фигизнес, или, не знаю, в лотерею вдруг выиграешь – ну, бывает же. На что потратишь?

ЛЮБАША. Уеду. Подальше от Воронежа. И колготок куплю.

ВАЛЯ. Почему вдруг колготок?

ЛЮБАША. Тридцать пачек сразу. Чтобы не штопать каждые два дня. Они у меня всё время на больших пальцах рвутся.

ВАЛЯ. Так не видно же!

ЛЮБАША. Так дырки меньше, чем пальцы. Давят. Неприятно.

ВАЛЯ. Эстетка какая, я не могу!

ЛЮБАША. Так ты сама спросила...

ТАТЬЯНА. А как твоё бельё-то? Покупают?

ЛЮБАША. Да покупают кое-как. Кого удаётся убедить по Валиному методу, те и покупают. Ну, и девчонки молодые, на которых налезает. Но хочется больше, конечно.

ВАЛЯ. Ладно, купила ты себе, допустим, колготки. И уехала. А дальше что?

ЛЮБАША. Сколько денег? Много или совсем много?

ВАЛЯ. А сколько можешь вообразить. Что мы, и в голове у себя копеечку считать будем? Воображай на полную катушку.

ЛЮБАША. Тогда квартиру куплю. В Москве или в Питере. Только бы подальше от... Чтобы никогда больше, чтобы ни ногой... Двух... нет, трехкомнатную. Чтобы маму с собой взять. А если что-то останется, тогда в институт опять пойду.

ТАТЬЯНА. А ты училась?

ЛЮБАША. В Педе. На ин-язе. Академ взяла, когда мама... *(Осекается.)* Академ взяла и на рынок пошла. У меня ещё полгода, чтобы восстановиться, но чего-то я думаю, что вряд ли...

ТАТЬЯНА. Чем дольше перерыв, тем сложнее обратно в учебу – голова отвыкает. Я так боюсь за старшего... Сейчас не поступит, так его в армию заберут, разболтается там, и всё. А он и сам учиться не хочет. Говорит, на рынок пойдёт.

ВАЛЯ. Хорошо, хоть не бандитом. Профессия мечты у пацанов.

ТАТЬЯНА. Ой, не хочу даже об этом.

ВАЛЯ. Ничего. Не пропадёт. Я тоже пять лет на рынке отсидела. Там-то я бока себе и отъела. Торгуешь вроде фруктами, овощами, но двенадцать часов смену на огурцах-то не высидишь. Тут сосиска в тесте, там беляш – и вот результат. А была, между прочим стройная, не толще Любаше в её возрасте. *(Любаше.)* Так что тренируй силу воли, грызи морковь. Ты чем торговала-то?

ЛЮБАША *(неразбочиво, себе под нос)*. Аудио.

ВАЛЯ. Чем?

ЛЮБАША *(нехотя)*. Аппаратура. Кассеты аудио.

ВАЛЯ. А я так музыку люблю. Ой, кайф какой. И чего ж тебя на севера-то понесло?

ЛЮБАША *(нехотя)*. Так. *(Резко меняет тему.)* А чаю ещё можно?

ТАТЬЯНА. Вон из кастрюльки воды горячей зачерпни. Не обожгись только, осторожно.

ВАЛЯ. А я больше всего Буланову люблю. Много её у вас брали?

ЛЮБАША (*отвернувшись к окну пьёт чай*). Много. Почти как Пугачёву.

ВАЛЯ. Ой, такая она... (*Поёт, фальшивит.*) «Не плачь, ещё одна осталась ночь у нас с тобой...»

ТАТЬЯНА. Лучше бы Пугачёву.

ВАЛЯ (*тихо поёт*). «Ещё один раз прошепчу тебе: «Ты мой». Ещё один последний раз твои глаза в мои посмотрят, и слеза вдруг упадёт на руку мне, а завтра я одна останусь без тебя, но ты не плачь»... Такая она, прям!

Бежит рыжий лис Ту'Ерв, хозяин огня, бежит по мерзлой тундре, бежит он так быстро, что снег тает под лапами, смотри не обожгись, бежит рыжий лис Ту'Ерв и поёт свою песню.

ТУ'ЕРВ.

Я бедненький

Их оленей стерегу.

На меня посмотрите – я похож

На богатого.

Сквозь зимнюю пургу

Свою бедность даже

Во хмелю не чувствую.

Оленей много

Сам стерегу.

Богачи живут только

Моим трудом.

Из-за холмов
На нартах приезжают,
Среди оленей меня увидят,
Ко мне заворачивают.
Меня спрашивают:
Куда откаслаешь?*

А я им отвечаю:
На берег студеного моря.

Сцена 6

Ночь. Автобус на стоянке у рынка. Все спят. Раздаются громкие мужские всхрипы. Любаша не спит. Она смотрит в окно на горящий фонарь. Идёт снег. Любаша шевелит губами, загибает пальцы, что-то считает.

ЛЮБАША (*шёпотом*). Если первый день тринадцатого был, значит восемнадцатого пятый плюс четырнадцать... А может и не тринадцатого, а может и пятнадцатого, тогда сдвигается всё. Но так нет гарантии, что четырнадцать же, что прямо посередине цикла, может оно там на два дня раньше, на два дня позже. Блин. Блин, кто ж его знает... Никто не знает. Так. Спокойно. Дышим. Ещё раз считаем. Если всё-таки пятнадцатого первый день...

ТАТЬЯНА (*шёпотом*). Ты чего не спишь?

ЛЮБАША (*дёргается*). А?

* Каслание – кочевье оленьего стада.
Словарь В. И. Даля: Каслать – кочевать, перекочёвывать.

ТАТЬЯНА. Не спишь чего?

ЛЮБАША. Мне... это. Фонарь в глаза светит.

ТАТЬЯНА. Так задёрни шторку.

ЛЮБАША. Она заела, порвать боюсь.

ТАТЬЯНА. А-а.

ЛЮБАША. Я утром её отцепить попробую.

ТАТЬЯНА. Любаш, а с родными-то связь есть?
С мамой?

ЛЮБАША *(неразборчиво себе под нос)*. Ага.

ТАТЬЯНА. Маме звонишь? Видела, там таксофон
у рынка стоит?

ЛЮБАША *(взрывается)*. Да чё вы пристали ко
мне? Звоню или не звоню, вам какая разница?

МУЖИК 2. Потихе никак? Спят люди.

ЛЮБАША *(тихо, но яростно)*. Моё личное дело!

ТАТЬЯНА. Да я разве спорю?

ЛЮБАША. Вот и не спорьте.

ТАТЬЯНА. Мама-то, небось, волнуется, как ты тут
одна...

ЛЮБАША. А вы, вы звонили домой? Вы звонили
домой, Татьяна, когда ваш муж драгоценный забухал?
Он же тоже волновался, наверное, как вы там одна.
Так волновался, что аж из дома всё вынес. Звонили,
а? Звонили?

ТАТЬЯНА. Ты тон всё-таки соблюдай, девочка.
Я просто смотрю на тебя, ты же на год всего моего
старшего старше...

ЛЮБАША. Да задолбали вы со своим старшим!
Чего вы о дочках своих не волнуетесь? Плевать на

них, да? Только о парне переживаете, да? Мой старший то, мой старший сё! Может он потому на рынок и хочет, чтобы от вас подальше!

Татьяна отворачивается, накрывается одеялом. Любаша корябает пальцем заиндевевшее окно автобуса.

ЛЮБАША. Татьян... вы не спите? Татьяна... это... простите, пожалуйста. Я не хотела.

Татьяна поворачивается лицом к Любаше.

Правда. Я просто это... Я просто... *(Её прорывает, она начинает говорить быстро-быстро, задыхаясь, хватая воздух, как будто у неё паническая атака.)* Просто так бесит. Вы со своим старшим... А я... А меня... И всё, вообще, к чертям! И что я теперь? И суп.... А я суп очень люблю, между прочим! И не только гадкий грибной, но гадкий грибной особенно. А маме такой нельзя в больницу... Я поэтому не покупаю, чтоб денег не тратить.

ТАТЬЯНА *(пододвигается к Любаше, гладит её по руке)*. А что там?

ЛЮБАША. Кишечник. Там... там нехорошо совсем. Совсем.

МУЖИК 2. Да заткнитесь вы, наконец! Днём болтать будете!

ТАТЬЯНА. А папа?

ЛЮБАША. Только я.

ТАТЬЯНА. Так, может, и легче.

ЛЮБАША. Только я, всё я, одна я ...

Татьяна обнимает Любашу, укачивает её. Любаша громко прерывисто дышит, не может успокоиться.

ТАТЬЯНА. А я знаешь какой супчик хороший знаю? Меня коллега, завуч, когда-то научила. У неё муж в больницах часто лежал, печень у него, она ему всё время супчики носила. А он капризный такой был, это хочу, это не хочу, это надоело. А этот супчик всегда с удовольствием ел. С гречкой супчик. Ну, не надо, маленькая, не надо... Вообще из подножного корма соорудить можно – раз, два, и готово. Берёшь, значит, небольшую морковку, две картошки, луковку и полстакана гречки, моя хорошая, тихо, тихо... Когда моей младшенькой грустно, она говорит, что у неё внутри болит. Вот ты говоришь, я не переживаю. А я когда такое слышу, я сама внутри умираю каждый раз. Только ей не показываю. А вслух говорю, я подую, и больше не болит. И дую вот так (*дует Любаше на лоб*) ...И больше не болит... Промываешь, значит, гречку, заливаешь её холодной водой...

Метёт хвостом бурый соболь Пэ дара ' Ерв, хозяин леса, метёт хвостом, поднимает снег до самого неба, в своем лесу он невидимка, никто его не найдёт, не обидит, замечает следы Пэ дара ' Ерв и поёт свою песню.

ПЭДАРА' ЕРВ.
Моя длинноногая,
Хорошая дочка,
Моя длинноногая,
Спи моя дочка.

Моя длинноногая,
Маленькая моя, спи.
Моя длинноногая,
Ночь долгая, спи.

Моя длинноногая,
Дочь моя подрастёт.
Моя длинноногая
Мне поможет.

Моя длинноногая,
Хорошая дочка,
Моя длинноногая,
Спи, моя дочка.

Сцена 7

142

День. Раскладка товара на рынке. Валя развешивает детские вещи по своему стенду. Рядом расположились Любаша с лифчиками и Татьяна с посудой.

ТАТЬЯНА. Самый поганый угол нам, конечно, выделили. Со входа вообще нас не углядеть.

ВАЛЯ. Ну, так понятно, чтобы местным конкуренцию не делали.

ЛЮБАША. Полная сывдарма, короче.

ТАТЬЯНА. До Сывдармы нам ещё ехать и ехать.

Сюжет

ЛЮБАША. Это я образно.

ТАТЬЯНА. Ну, а что. Хороший посёлок. Наверное.

ВАЛЯ. Такой же, как все остальные. Холод и жуть. И вдоль дорог мёртвые с косами стоят.

ТАТЬЯНА. Ну, уж.

ВАЛЯ. Я тут, между прочим, это... на разведку с утраца сходила.

ЛЮБАША. Куда?

ВАЛЯ. Куда-куда. В магаз местный. По моему профилю. Детской одеждой торгуют. Ну, то есть, торгуют-то они всем подряд – и взрослой, и детской, и чёрт-те чем, но детской одежды нормальный такой отдел.

ТАТЬЯНА. И что? Как цены?

ВАЛЯ. Улёт цены. Мы в пять раз наценку ставим, тут у них в семь.

ЛЮБАША. Неужели берут?

ВАЛЯ. А выбора нет. Или так или голыми ходить.

ЛЮБАША. Может, тоже тогда цены задрать?

ВАЛЯ. Не. Неумно. Если стоит одинаково, они к своим пойдут. Зачем им непонятно откуда Валя, когда свои-привычные под боком? Надо по нашей обычной толкать. Я там это... провела немного рекламную акцию. Перед дверью их пошивалась, покупательницам про наш рядок на рынке понашептала. Ещё и скидочку пообещала. Три вещи берёте, четвертую в полцены.

ЛЮБАША. А...

ВАЛЯ. Бэ! Четвёртую в ту же цену, конечно. Просто вынуть со дна тюка – мол, есть у меня тут от-

ложенное, чистый хлопок стопроцентный, близко к коже, дышит, себе думала оставить, но если вы точно берёте...

ТАТЬЯНА. А ценник?

ВАЛЯ. Ой, я умоляю, какой ценник! Какой ценник? Вещь особая, отложенная. Что в голову придёт, то за пятьдесят процентов скидку и выдаёшь. Ну как маленькие, ну.

ТАТЬЯНА. Ой, Валя-Валя...

ВАЛЯ. А что? «Челнок», вообще, знаете, откуда пошло?

ТАТЬЯНА. Ну, лодка.

ЛЮБАША. Ой, а я не задумывалась. Я почему-то с сушкой ассоциирую. Ну, как сушка-челночок.

ВАЛЯ. Ну, вы даёте! Образованные! А челночный бег откуда тогда? Сушка, тоже мне. Ткацкий станок видели когда-нибудь? Там такая фигнушка бегаёт. Каретка. Туда-сюда вертится. Вот и мы так. Вертимся. Электричество вырабатываем.

ЛЮБАША (*задумчиво*). Как акулы.

ВАЛЯ. Почему акулы?

ЛЮБАША. Акула если остановится, умрёт. У неё внутри пузырь какой-то, что ли. Ей всё время двигаться надо.

ВАЛЯ. Вот! Или как акулы. Зубы только наострить, и вперёд. Море по колено, горы по плечо.

ТАТЬЯНА. Ой, не знаю.

ВАЛЯ. Ничего, девки, я чувствую, пойдёт. Попрёт! Отобьёмся, в плюс выйдем, навар густой наварим. Заживём, короче! Я прямо чувствую, вот в воздухе оно

висит, только за жар-хвост ухватить, и вот оно! Будет всё! Настроение у меня сегодня такое – у-у-х!

ЛЮБАША. А продавщицы?

ВАЛЯ. Это эти-то? Тетки-то из магазина? Сидят всю жизнь в своем Зажо... (*Автоматически поправляется.*) В посёлке своём завалящем, мира не видели, ничего не видели. Нет, одна вышла там, спросила, чего я тут ошиваюсь. Ну, так а я не ответила. Чего! Свободная страна, где хочу, там торчу. Ещё я отвечать всяким должна! Ничего я не должна. И я вот, кстати, сомневаюсь, что у баб тут зарплата в семь раз больше. Вот сомневаюсь я. А детей одевать надо.

ТАТЬЯНА (*вздыхает*). Надо. Это себе, может, лишнего не купишь, а вот ребёнку сапоги зимние как не купить?

ВАЛЯ. Вот! А никак. Лучший товар – детское. Всегда берут. Еда, туалетная бумага, дети. Три кита мировой торговли. Все едят, срут, ну, и да. Всегда было, всегда будет. Не прогадаешь, короче. Не то что, Любаша, лифчики твои мелкосисечные. Хотя и их при желании...

ЛЮБАША. Да поняли мы, поняли. Гений торговли.

ВАЛЯ. Учись, пока жива! У тебя эмок много осталось?

ЛЮБАША. Штук семь. Остальные эс.

ВАЛЯ. Ты эти эмки вперёд положи, чтобы они сразу в глаза бросались. Тань, а ты, ну, как-то пободрее, что ли, бокалы свои расставь. Может, тряпочкой протри получше, я не знаю. Чтобы тоже вот так раз, в глаз блеснул, и рука к кошельку тянется.

ТАТЬЯНА. Валь, я сама как-нибудь, а?

ВАЛЯ. Сама, сама... Что-то не вижу я пока Акрополя на пятерых у тебя в кошелёчке-то.

ТАТЬЯНА. Чужие деньги считать, вообще-то, неприли...

ЛЮБАША (*перебивает*). Валь...

ВАЛЯ. Чего, Любаш? Вперед, говорю, положи и разверни кружевами наружу по красивше.

ЛЮБАША. Валь, ой....

Все духи (хором).

Подошли тётки,
Говорят, говорят,
Когда подошли тётки
Кто-то закричал:
«Идут!»,
Кто-то «Берегись» закричал.
Подошли тётки,
Прямо к Вале,
К Валиному стенду.
Столпились тётки,
Кольцом окружили.
– Ты, сука!
Говорят, говорят.
– Ты, сука!
Наживаешься на детках.
На наших детках наживаешься,
Тварь.

На расстояние щучьего прыжка
Зимнее солнце опустилось.
Валя говорит, говорит:
– Откровенно хочу вам сказать,
У меня никакого желания
Нет никакого желания
С вами тут обсуждать.
Идите отсюда,
Овцы драные.
Ей уже другие,
С других стендов кричат:
– Валя, беги!
Беги давай!
Слишком опасно, Валя!
А она стоит,
Руки уперла в живот,
– Вы мне тут кто? –
Говорит,
– Чё вы мне, а? –
Говорит,
Глупая, глупая Валя.
Одна канистра керосина
Быстро горит,
Говорят, говорят.
Очень быстро сгорают
Детские вещи.

Мы сами с Москвы возим,
Говорят, говорят,
Мы сами с Москвы
Нашим деткам.
Чтоб духу твоего тут больше,
Чтоб духу твоего,
Беги быстрее,
Беги, пока не убили,
Сука.

Сцена 8

Ночь. Дорога. Автобус. За окном Северное сияние.

ЛЮБАША. Валя, Валь, посмотри, Валь! Там Северное сияние! Небо всё зелёное! Всё ведь пропустишь!

148

ТАТЬЯНА. Любаш... *(Качает головой.)*

ЛЮБАША. Так когда ещё?

ТАТЬЯНА *(шёпотом)*. Не трогай... *(громче)* Валя, может чаю тебе налить? Печенья, может, положить?

Валя не отвечает. Она свернулась комочком, уткнулась, ушла в себя.

МУЖИК 1. Мозгов ей положите! Чуть нас всех из-за неё не спалили к ебене матери.

МУЖИК 2. Ещё и деньги на «крыше» потеряли. С утра только пацанам местным занесли, и чего?

Вместо трёх дней на рынке хер моржовый. Дуры, не могу.

ЛЮБАША. Господи, как красиво. Как красиво-то, а?

ТАТЬЯНА. Может, ради этого вообще всё?

ЛЮБАША. А?

ТАТЬЯНА. Не ради денег же. Может, когда умирать будем, к нам это придёт. Как последняя картинка. «Открылась бездна, звёзд полна. Звездам числа нет, бездне дна». Ну, не комбайны же кухонные, в конце-то концов.

ЛЮБАША. Может, желание загадать? Можно?

ТАТЬЯНА. Ты у меня, что ли, спрашиваешь?

ЛЮБАША. Должно же быть какое-то правило. Какое-то особое место или обстоятельство. Падающая звезда, например. А тут ничего же не падает. Просто... звенит в небе.

ТАТЬЯНА. Загадывай.

ЛЮБАША. Думаете, сбудется?

ТАТЬЯНА. Мы, Люба, заслужили, чтобы сбылось.

Любаша как ребёнок крепко зажмуривается и шевелит губами, про себя загадывая желание.

(Тихо.) Про маму?

Любаша вздрагивает.

ЛЮБАША. Нет. Другое. Но вы не спрашивайте. Если рассказать, не сбудется.

Все духи (хором).

Мать-земля Я-небя,
Послушай-ка нас:
Просит помочь ей
Русская девушка.

Лоно земли Я-небя,
Так мы тебе скажем –
Смотрит на небесную шкуру
И просит от всего сердца.

Родившая мир Я-небя,
Поспорили духи,
Решить просьбу
Можно двумя путями.
Владелица книги судеб Я-небя,
Ты хранишь души
В дупле великого дерева,
Ты всё знаешь.

Бабушка, создавшая землю,
Реши-ка лучше за нас,
Хозяйка Среднего Мира,
Ты знаешь лучше.

Автобус резко останавливается. Всех рывком бросает вперёд, женщины хватаются за сиденья.

МУЖИК 1. Приехали.

ТАТЬЯНА. Что там случилось-то? Любаш, посмотри.

ЛЮБАША (*смотрит в окно*). Нет, не видно ничего.

Из кабины выскакивает Водила, открывает двери автобуса, выбегает.

МУЖИК 2. Дверь-то закрой! Холодина.

ВОДИЛА (*снаружи*). Мужики, обожгите!

МУЖИК 1. Минус пият за окном. Дверь закрой!

ВОДИЛА. Сюда идите!

Мужики поднимаются, закутываются, выходят.

ТАТЬЯНА. Случилось, наверное, что-то. Любаш...

ЛЮБАША. Да нет, не видно.

Мужики и Водила возвращаются в салон.

ВОДИЛА. Всё. Кирдыкнулся двигатель.

ЛЮБАША. Это как?

ВОДИЛА. Как-как. Каком кверху. Соляру мне летнюю налили, скоты. Божились, что зимняя, я ещё переспросил, точно? В глаза, говорю, смотри, точно? Суки.

ТАТЬЯНА. И что теперь?

ВОДИЛА. Сейчас ещё раз завестись попробуем, но чёта конкретно вряд ли. Водка есть у кого?

МУЖИК 1. Нормальна! Ща накатим по такому случаю.

ВОДИЛА. Совсем с глузду съехали? Накатят они. Растирки готовьте. Минус пятьдесят пять, а мы без двигателя. Растираться скоро надо будет.

МУЖИК 2. Ох, ё-ё-ё...

Водила снова выходит из автобуса. Мужики плетутся за ним.

ЛЮБАША. Пойдём?

ТАТЬЯНА. Наружу?

ЛЮБАША. Ну, а что?

Татьяна кивает на Валу. Валя неожиданно поднимается, натягивает пуховик и первая выходит из автобуса. Татьяна и Любаша переглядываются.

ТАТЬЯНА. Ну, хоть встала. (Любаше.) Ты лучше замотайся шарфом, прям до глаз.

Все выходят из автобуса. Полярное сияние. Бесконечная зимняя равнина. Ни души вокруг. Мужики столпились около открытого капота.

ВОДИЛА. Не, ни хера.

ЛЮБАША. А что теперь?

ВОДИЛА. Только «летучку» ждать. Чтоб мимо нас проехала.

ЛЮБАША. А что?..

ВОДИЛА. Машины рабочих развозят. Тут кроме «летучек» всё равно никто не ездит.

ЛЮБАША. Так, может, позвонить?

ВОДИЛА. У меня что, мерседес с телефоном встроенным? Позвонить. Ну, ты головой-то думай, прежде чем вопросы задавать.

ЛЮБАША. А если не приедет?

Все молчат.

ТАТЬЯНА (*тихо*). Как последняя картинка... Вот же, накаркала, дура старая.

Раздается громкий, отчаянный крик. Это Валя. Валя кричит во всю глотку, из последних сил, до хрипоты, страшно. Валя кричит, разворачивается и быстро бежит от автобуса в бескрайнее белое поле.

ВОДИЛА. Мужики....

ТАТЬЯНА. Валя! Валя! Ты куда?

ЛЮБАША. Валя!!!

Татьяна срывается с места, бежит за Валею. Любаша не отстаёт.

153

ВОДИЛА. Мужики, держите! Держите её! Мерячка у бабы!

МУЖИК 1. Чё?

ВОДИЛА. Мерячка!

Мужики мнутя.

(*Тараторит.*) Болезнь полярная. Крышу у баб сносит. У мужиков реже. Я один раз такое видел. Совсем

Сюжет

резьбу на северáх срывает. Полярная звезда их зовёт, они за ней уходят и всё, поминай как звали.

МУЖИК 1. Не, нельзя сюда бабам.

МУЖИК 2. Однозначно.

ВОДИЛА. Так чё стоите-то, а?

Мужики молча переминаются с ноги на ногу.

Чё, не пойдёте? Я-то автобус оставить не могу.

МУЖИК 1. А вдруг «летучка»?

МУЖИК 2. Тоже верно.

ВОДИЛА (*в сторону Татьяны и Любаши*). А эти?

МУЖИК 1. Да сами обратно прибегут. Куда денутся-то?

МУЖИК 2. Внутрь пошли, мужики. Чё мы тут жопы морозим? Там хоть накатим по чуть-чуть, всё одно теплее.

Мужики вместе с Водилой залезают в автобус.

154

Сцена 9

Белая пустыня. Автобус остался где-то вдали. Татьяна и Любаша наконец догоняют Валью, кидаются на неё, валят её на снег. Валя рыдает, что-то невнятно вопит.

ТАТЬЯНА. Валя, Валуша...

ЛЮБАША. Валя, что?

ВАЛЯ. Я... я... (*Кашляет, задыхается, хватается ртом воздух.*) Я квартиру продала. И на все деньги,

на все деньги... детской одежды... Всё сгорело. Дура, дура, дура-а-а-а... (*Закашливается.*)

ТАТЬЯНА. Ой, господи.

ЛЮБАША. Так ты же, ты ж сама говорила... В долг бери, на коленях стой, только не продавай...

ТАТЬЯНА. Ой, да мало ли, что люди говорят. Правду, что ли сразу о себе вываливать? Кому она интересна-то, наша правда? Ох, Валенька.

Валя вдруг садится на снегу, проводит рукой по губам, вытирает слюни. И говорит будничным голосом, как будто внутри тумблер какой-то переключился.

ВАЛЯ. Идти некуда. Совершенно некуда идти.

ТАТЬЯНА. Может, у родственников как-то перекаптоваться поначалу? Должны же как-то войти в положение.

ВАЛЯ. А может и не надо никуда идти. Может, мы тут и насовсем...

ТАТЬЯНА. Нет, ну, должен же кто-то приехать...

ВАЛЯ. Никто нам тут не должен. Это мы сами сюда припёрлись. Никто нас не звал. А мы всё равно пришли. А может и к лучшему, что мы так. Что мы тут.

ТАТЬЯНА. Валя...

ЛЮБАША. А это я виновата.

ТАТЬЯНА. Ой, да боже мой, Любаша. Ну, ты-то что несёшь?

ЛЮБАША. Это я виновата, что мы тут. Это я попросила.

ТАТЬЯНА. Жулики виноваты, которые нам солярку летнюю залили.

ЛЮБАША. Это я попросила. Я желание загадала: «Пусть оно закончится. Пусть всё закончится. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста».

ВАЛЯ (*вдруг взрывается*). Тебе-то чего не добавили? Лифчики свои продаёшь маломерные! Деньги нормально идут! Ты-то на что жалуешься? Молодая, красивая, счастливая. Закончилось у неё, блядь! Ненавижу!

ТАТЬЯНА. Валя, ну, ты что...

ЛЮБАША. А это «Винни-пух» называется. Они так шутили, что Винни-пух. Пошёл в гости к кролику и застрял. Они, наверное, не первый раз. Они, наверное, слушают, кто что говорит на рынке. Я не знаю. Меня хозяин ларька попросил к нему домой деньги занести. Когда рынок закроется. Выручку занести за кассеты. У него ребёнок болел с температурой. Он обычно сам деньги в конце дня забирал. А тут такое. А там десять минут от рынка всего. Я согласилась. Они за мной шли, наверное. Я не видела. На улице никого. Никто не шёл почему-то по улице. Ну, а что. Зима, вечер. Они сзади на меня. В гаражи потащили. А там «Винни-пух». Задрали куртку сзади. Наверх задрали так, что руки над головой и вниз не опустить никак. Пришёл в г-гости к кролику. И застрял. Деньги забрали. Все деньги. Ну и... Ну и ещё. И ещё... И я сюда поехала. Вместо подружки поехала сразу. Мне же деньги вернуть надо хозяину. Я верну, и сразу уеду, я там не могу больше. Я не могу на рынок. А у меня... Всё не придут никак. Десять дней задержка. И живот ещё так странно... И я, я попросила просто. Я попро-

сила, чтобы всё закончилось. Чтобы я закончилась. Я не могу... чтобы от этого вдруг... чтобы ребёнок... так же нельзя... Я просто сейчас из автобуса смотрела на зеленое небо, и в небе звенело так громко. И внутри меня всё звенело, эти две недели всё звенело. Как будто мешком по голове ударили. Я в автобусе тряслась, а всё звенело. Я на рынках стояла, а всё звенело. Меня этот звон выгонял. Дух наружу вышибал. Я... как будто рядом с телом висела. Оно не мое больше... Я даже ни разу, ни слезинки. Как будто ничего внутри не осталось. Один звон. И я загадала. Я очень устала. Мне просто хотелось, чтобы стало тихо. *(Поднимает голову, смотрит на Северное сияние.)* Так тихо...

У Любаши на глазах выступают слезы. Они катятся и катятся вниз по щекам.

ЛЮБАША. Только я больше не хочу. Я... не хочу кончаться! Чтобы вы... ты... чтобы мы... *(Начинает реветь в голос.)* Простите, простите меня, пожалуйста... ста...

ВАЛЯ. Любаш...

ЛЮБАША *(всхлипывает)*. Простите меня...

ВАЛЯ. Любаш...

Валя смотрит на Любашу, на Любашины ноги в белых шерстяных рейтузах. На внутренней стороне бедра на белой ткани проступает и ширится красное пятно.

(Улыбается.) Любаш...

Любаша смотрит вниз, начинает смеяться сквозь слёзы.

ВАЛЯ (*плачет и смеётся*). Любаша!

ТАТЬЯНА. Ой, господи, девочки...

За Любашей где-то далеко в белой бездне появляются огни дальнего света. Слышен рёв мотора «летучки».

Ой, господи...

Все духи (хором).

На нартах запряжены
Три наших оленя.
Мамин подарок,
Три ручных оленя.
Кормили их сами
Из рук своих.
В зимнюю ночь
В снежный буран
Дорогу домой сами найдут.

Мария Манич
ИКРА ТРЕСКИ

Действующие лица:

ЕРОФЕЙ, он же Ера – жирноватый сутулый юноша с лёгкой залысиной и первыми морщинами.

МАМА Еры – хрупкий маленький бухгалтер предпенсионного возраста.

РОДЯ – однокашник Еры, самый ухоженный и стильный персонаж.

СОБАКА – Сергей, друг и сосед Роди, гопник гопником, но с высшим музыкальным образованием.

ВЕРНИКА ПЕТРОВНА – горбатая, статная старуха.

КОЛЕНЬКА – сын Вероники Петровны, предпенсионного возраста с синдромом Дауна, потому со своей особенной речью.

ГОЛОСА ДВОИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ – зайти в эту историю им так и не удалось.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА.

ОЛЕГ – айтишник появляется по видеосвязи или подключается по громкой связи.

ЛОДОЧНИК, в последствии Охранник.

ЛЮДИ В ЛОДКЕ.

События происходят в крупном городе России,
весной 2020 года.

Действие I

Сцена 1

Однушка. Позднее утро. Тесная кухня с газовой колонкой, но довольно свежим ремонтом и светлыми стенами. На верёвке сушатся бельё и медицинские маски. На столе лежат ноты, на них большое количество пакетов с гречкой. На стене коллаж из репродукции картины “Апполон в окружении муз” и подпись внизу “Пусть твоя лира соберёт всех муз района”. Открытая форточка, за окном воркуют голуби, редко проезжает машина. Сверху слышно топанье детей и стук катающихся предметов. Шум воды из ванной, попыхивает огонёк в газовой колонке. За маленьким столом сидит Мама с ноутбуком, у неё видеоконференция, одета она сверху нарядно, снизу как попало.

160

МАМА. Да-да, получила я этот код доступа. И вот ввожу его и ввожу... А он мне ошибку выдаёт. Может, я не туда ввожу. Хотя там только одно это самое место для ввода есть, больше некуда там.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Мы сейчас подключаем айтишника. Вот-вот, он уже подключился, ой, отключился, ой, подключился, нет-нет, снова отключился, да что такое, Олег, вы нас слышите?

ОЛЕГ. ..а, ..брое ...тро ...леги

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Олег, вас очень плохо слышно!

Раздаются гудки, жужжание, звуки ослиного иакания, шипение, треньканье, хрюкание.

МАМА. Может быть, я, это, попробую ещё раз сама туда зайти? Ну, или погуглю, мне сын поможет.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Ну, о чём вы говорите, у нас же есть специалист и он за это получает, между прочим, деньги. Пока ещё получает.

ОЛЕГ. Да здесь я, здесь.

Слышны шипение, детский плач, звуки борьбы, громкий детский плач и крик кота.

МАМА. Господи, надеюсь, все живы.

ОЛЕГ. Прошу прощения, мне надо переподключиться.

Тишина. За спиной у Мамы возникает звук поджига колонки, но огонь не зажигается.

ЕРА (кричит из ванной). М-а-а-м!

ОЛЕГ. Да, извиняюсь. Рассказывайте, что там.

Снова слышен звук поджига колонки, но огонь снова не загорается.

ЕРА. М-а-а-м!

МАМА (игнорируя крики, но краем глаза оглядываясь на колонку). Значит так, я зашла туда, ввела логин, ввела пароль...

ОЛЕГ. А в каком режиме вы заходили?

МАМА. В смысле, в каком режиме?

ЕРА. Ну м-а-а-м!

ОЛЕГ. Ну, какой у вас режим там?

За окном слышатся звуки сирены проезжающего кортежа. Голос через громкоговоритель: “Освободить левую полосу!”

МАМА. В смысле “там”? Вы в другой стране, что ли? Один и тот же у всех режим уже двадцать лет, что за вопрос.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Так, политику мы здесь не обсуждаем!

ОЛЕГ. Господи, да вы совсем, что ли? Внизу там в меню справа есть пункт “режим”.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. А что так нервно? Нельзя поспокойнее объяснять?

ОЛЕГ. Я спокоен.

Слышны неистовый крик кота и детский смех. За спиной Мама на кухню заходит Ера. Он голый, мокрый, с намыленной головой. В руке у него полотенчишко типа рушника, которым он прикрывает только самое необходимое. Он подходит к газовой колонке, достаёт из неё батарейки. Дальше ему необходима вторая рука, поэтому он прислоняется к мебели частью те-ла, прикрываемой рушником, чтобы тот не упал, и начинает сильно бить батарейки друг о друга.

ОЛЕГ. У меня тут дети, вообще-то!

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Может, вам камеру отключить?

ОЛЕГ. Мне?

МАМА. Ну, а кому? *(Оборачивается.)* Ера, боже!

ЕРА. Я тебе орал полчаса! Мне в холодной воде мыться или как? *(Вставляет батарейки обратно в колонку, уходит.)*

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Ну, так что у вас с режимом?

МАМА. Да не видела я там никакого режима, там не было, вообще, ничего похожего.

ОЛЕГ. Ну, как не было! Давайте я зайду удалённо, гляну.

МАМА. Это как?

ОЛЕГ. Надо прогу одну поставить, там легко, название в чат скину, как зальёте – пишите, я зайду к вам, гляну чё там.

МАМА. А я смогу?

ОЛЕГ. Вон сын поможет, он у вас талантливый.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Держите меня в курсе.

ОЛЕГ. Как разберёмся, сразу сообщим.

Слышны мурлыканье кота и радостный крик ребёнка: “Я покакал!”

Видеоконференция завершается. На кухню заходит Ера.

ЕРА. Ну, закончился ваш телемост?

МАМА. Ты совсем дурной? Что это было? Мне полгода до пенсии осталось, а ты с голым задом ходишь перед моим руководством.

ЕРА. Я с голым задом вообще по жизни, а не только перед твоим руководством.

МАМА. И, что дальше?

ЕРА. Ничего дальше. Это конец. Я уже умер, я давно умер, а моё тело почему-то ещё живёт.

МАМА. И ещё как живёт. Отлично себе живёт.

ЕРА. Что ты хочешь от меня? Я ем одни макароны уже целый месяц.

МАМА. Так поешь гречку, кто тебе мешает! К чему эти выкрутасы?

Пауза. Ера наливает воду в чашку, пьёт.

Нет, может быть ты худеешь, конечно, так... По крайней мере, зад твой в камеру влез, так что может и на пользу тебе эти макароны. Или ты в религию ударился и у тебя пост, аскеза... Хотя для поста у тебя смирения маловато.

Ера идёт к выходу, обувается.

О, пошёл-пошёл, обиженная артистическая натура ушла прогуляться и напиться вдохновением, не иначе. Причаститься весенним воздухом и принести домой инфекцию. Иди-иди.

Из открытой форточки слышатся сигналы полицейской машины и объявление: "Уважаемые жители Академического района, из-за угрозы

распространения коронавируса убедительно просим вас не покидать свои квартиры. Штраф за нарушение добровольной самоизоляции без уважительной причины четыре тысячи рублей.” Ера прекращает обуваться. Какое-то время они молча стоят. Ера разувается, уходит в комнату, закрывает дверь. Мама идёт за ним, пытается открыть дверь, но Ера подпёр её с той стороны чем-то. Из-за двери раздаются звуки настроиваемой арфы, затем игра. Мама возвращается к ноутбуку, тыкает в него, пытаясь установить нужную программу. Стучит в дверь. Ера игнорирует её, продолжая играть на арфе.

МАМА. Это самое... Мне нужна твоя помощь. Слышишь? Я работать не могу, мне надо какую-то программу установить. Помогите матери, а то оба будем с голым задом сидеть на этом карантине.

Ера молча выходит на кухню, устанавливает программу.

Вот смотри как у тебя ловко получается, а! Может быть, пока дома сидим, ты бы устроился вот так удалённо куда-нибудь. Ну, временно... Есть же подработки всякие в этом интернете.

ЕРА. Да какие подработки? Соцопросы про туалетную бумагу и йогурты?

МАМА. Ну, хотя бы. А что тут позорного. Тем более время такое. У нас дедушка, вообще, балалайки на рынке продавал в перестройку и ничего, не умер. Ну, то есть умер, но не от этого. А ведь тоже был артист оркестра первой категории. Все как-то жили и работа-

ли, никто вот так по полгода не сидел в поисках всяких творческих.

ЕРА. Всё, я установил, пускай заходит твой Олег.

Ера идёт обуваться. За окном повторяется объявление о самоизоляции и штрафах.

МАМА. Самый богатый, что ли?

ЕРА (*берёт пакет мусора*). У меня уважительная причина. (*Уходит.*)

Сцена 2

Послеполуденное время. Кухня со старой мебелью. Газовая колонка. Стены покрашены масляной краской в розовый цвет. Разделочные доски с хохломой, накурено, окно открыто, на ручке фарточки болтается веревка. Стол покрыт клеенкой, на столе сковорода, пустой пакет, батон, бутылка наливки, под столом ещё две, уже пустые. Три стакана. Два наполнены, третий с окурками. За столом сидят Родя и Собака. Собака на табурете, Родя на красивой кованой лавочке.

РОДЯ. Вот ненавижу я сидя бухать. Как старпёры какие-то, как деды. Собрались, блин. Ну, за встречу, чё дальше, за родителей, за детей, ёпта, и за прочих гостей.

СОБАКА. Вот чё ты ноешь, а? Чё ты гундишь? Хошь – встань, пей стоя, как лошадь.

РОДЯ. Э-э-э... Что тебе объяснять, Собака, животное ты моё.

СОБАКА. Почему я всегда животное? Почему, Родя? Как так?

РОДЯ. Потому что карма у тебя собачья. Как звероящер забьёшься в свою нору и бухаешь. А надо на ходу, Собака, понимаешь? На прогулке, созерцая перемены ландшафта по обе стороны от себя, любуясь своим почти уже родным городом, пока его к твоей собачьей бабушке не снесли совсем нахер.

СОБАКА. Он мне не родной, пусть снесут. Я оградку скую на его могиле. И скамеечку. А ты иди, бухай себе на ходу, менты у подъезда с утра пасутся, они обрадуются.

РОДЯ. Я бы с радостью вышел, я гнию тут уже две недели. Две недели безвылазно, Собака, я даже мусор не успеваю выбросить, ты с утра его в зубах утаскиваешь.

СОБАКА. Да, не свезло пацану, две недели на жопе ровно сидит, песни свои сочиняет да на баяне играет.

РОДЯ. На аккордеоне, животное. А ещё в консерватории учился...

СОБАКА. Да один хрен. Я-то целый день на ногах. Реально как собака. Я сегодня двенадцать оградок сварил. Двенадцать, Родя, ты чувствуешь сакральность? Ты чувствуешь Блока?

РОДЯ. Это откуда столько покойников?

СОБАКА. Алё, чувак, вообще-то эпидемия или как её, пандемия.

РОДЯ. Чё прям мрут?

СОБАКА. Нет, ёпт, прикидываются, чтобы шашлыки на свежем воздухе замутить.

Пауза. За окном повторяется объявление о самоизоляции. Звонок в дверь. Родя подыгрывает звонку на аккордеоне. Собака задумчиво подпевает и подсвистывает звонку, развивая его звук в красивую мелодию. Родя открывает дверь. Входит Ера с пакетом мусора.

СОБАКА. Вот ещё один артист пожаловал. Творческий вечер сегодня в нашей конуре.

РОДЯ. Заткнись, Собака. Прояви гостеприимство.

СОБАКА. Да без бэ. Надо проявить – я проявлю. Здорово, Ерофей! Велкам на нашу скромную, но очень уютную лавочку.

ЕРА. Красивая лавочка. Откуда?

РОДЯ. Ха, с кладбища, откуда ж ещё, Собака у нас хозяйственная скотина, всё в дом!

Родя наливает в два стакана. Себе наливает во что-то иное.

ЕРА (Собаке). А ты теперь на кладбище работаешь?

СОБАКА. Ну, а где мне работать? В Яндекс-такси? Или в Яндекс-еде?

РОДЯ. Поэтому Собака работает в Яндекс-гробе. О, а чё у тебя в пакете? (Заглядывает к Ере в пакет.) Это чё за объедки?

ЕРА. А ты думал, я вам икру трески принесу, что ли?

РОДЯ. Не, ну не икру, но б/у чайные пакетики – это ту мач.

ЕРА. Да мусор это!

СОБАКА. Он к нам с мусором пришёл.

ЕРА. Да не для вас мусор, а для ментов.

РОДЯ. Кесарю Кесарево, мусору мусорово.

ЕРА. Вот вы ржёте, а мне с ним ещё обратно идти.

СОБАКА. Да кто ржёт, Ера, дорогой! Родь, разливай, давай выпьем за нелёгкую долю столичных безработных музыкантов, которые живут в своей, заметь, не съёмной квартире с родителями!

ЕРА (*злобно*). А-ха-ха, рот не порви. (*Пьёт.*)

РОДЯ. Мама, наверное, рада, что ты мусор теперь выносишь (*Пьёт.*) Мужик, а? Ну, мужик же! Муж-ы-к!

Родя пытается потрепать Еру по голове, Ера отдёргивается. У Собаки звонит телефон.

СОБАКА. Сорри, семья на конференцию зовёт.

Собака уходит в другую комнату. Далее оттуда слышатся различные фрагменты семейного чата.

РОДЯ. Это у него теперь два раза в неделю семейный ужин онлайн, все подключаются и жрут коллективно, ну, в смысле все, кроме Собаки, жрут, потому что Собаке жрать нечего. Короче кто откуда: из Питера, из Москвы, из Хельсинки. Ну, чтобы маму его развлечь, конечно, ей-то сидеть взаперти дома в своём Староуткинске...

ЕРА. Новоуткинске...

РОДЯ. Да, перепутал, конечно, в Новоуткинске это другое дело сидеть, ты прав, там утки поновее, повеселее, позадорнее.

ЕРА. Я иногда так завидую Собаке. Вот он всегда может вернуться к себе, на малую родину. На праздники или в отпуск.

РОДЯ. Ты тоже можешь вернуться. В соседний подъезд.

ЕРА. Да это не то. Понимаешь.... Да, ты снова ржать будешь, ну и ладно, ржи. Мне не хватает малой родины.

РОДЯ. Всем после первого литра не хватает малой родины.

ЕРА. Да, но у Собаки она есть, у тебя есть, а у меня?

РОДЯ. А ты, Ерофей, друг мой, зажрался. Ты здесь родился, дурында, у тебя здесь малая родина.

ЕРА. Да в том-то и дело, что она не малая вообще ни разу!

РОДЯ (*пьёт*). Д-а-а-а, вот это я понимаю проблема у чувака. Родина у него недостаточно малая, ёпта...

Оба молчат. Из комнаты раздаётся смех Собаки, он поёт с мамой на два голоса какую-то песню.

ЕРА (*наливает, подходит к окну*). Чтобы, как Собака, можно было туда приехать в любой момент, выйти, вдохнуть этот воздух... И ходить там долго по всяким болотам, гаражам захарканным. И чтобы все говорили: “Ера, что ж ты приехал и не зашёл даже”. (*Пауза.*)

А у них пироги всякие, или не пироги, а хычины, эчпочмаки или посикунчики, в общем что-то такое, тамошнее и дико вкусное, жирное. Я иногда даже, прикинь, смотрю в Гугл Мэпс и ищу, где могла бы быть эта малая родина.

РОДЯ. Вот, зато ты сам можешь выбрать себе Родину.

ЕРА. Да вот не скажи. Я нашёл их несколько, а выбрать не могу...

РОДЯ. Ера, дружище, мой тебе совет. Про Родину совет очень важный, как её ощутить всем телом. Короче, Ер, выйди в вечерний час пик из метро Красносельская, вдохни запах бомжатины с трёх вокзалов и шоколадный дух Бабаевский, а? Чуешь? М-м-м... Такого контраста запахов ты больше нигде не найдёшь, только на своей Родине, отвечаю. Затем, слушай-слушай, да меня слушай, не Собаку, у Собаки там своя жизнь, а мы здесь твою Родину выстраиваем из пепла почти, из руин реновационных. Затем, короче, возьми на углу в экомаркете Веджи-бургер с растительным мясом “бейонд мит” за пятьсот рублей, чем тебе не местная плюшка, а? Могу поспорить: ни в Староуткинске, ни в Ново-, ни даже в Перми или Челябинске такой хрени точно нет. И ступай прямо по трёшке, Ера, да к Лефортовскому тоннелю. Заходишь в тоннель поглубже, на километр где-то, не меньше, у тебя же есть шагомер в твоём айфоне, и всё, вот там-то самое сердце твоей Родины: всё дрожит, всё несётся, ревет. Если стрёмно, можешь воткнуть в уши какую-нибудь атмосферную хрень, ша, погоди.

Родя берёт аккордеон, подходит к окну, играет и поёт что-то на базарно-вокзальный лад, но

с академическими каденциями. В комнату возвращается Собака, начинает плясать. Родя заканчивает музицировать. Тишина. Вдали сирена скорой.

РОДЯ. Вот. Слышишь, никто тебе не хлопает с соседних балконов, никто не орёт заткнись, мол, скотина, у меня дети спят, всем пох. Вот это твоя малая родина, меньше не бывает, и нехер искать другую.

СОБАКА (*запыхавшись*). Парни, слышь, мне тут наши могильщики кинули в чат кой-чѐ.

РОДЯ. Звучит огонь.

СОБАКА. Это реально огонь. Помните парк новый, ну, остров Мечты в пойме открыли, короче его же закрыли на карантин сначала, а сейчас за неделю перестроили и туда свозят стариков с этим вирусом типа как в санаторий. Назвали остров Здоровья.

ЕРА. Жесть какая. Ну, а могильщики тут причѐм?

СОБАКА. Ты не в курсе, что ли? Старики мрут чаще остальных от этого.

172

Все молчат и смотрят на Собаку.

Ну, чѐ вы, блин, будто я это придумал. (*Пауза.*) В общем, за деревней Смурфиков сделали колумбарий. Временный, только на время карантина. Там раньше были камеры хранения для посетителей. (*Пауза.*) И крематорий. Передвижной, мобильный.

Пауза.

Не, ну чѐ вы уставились, это чтобы сразу по всему городу не таскать. А кто выздоровеет, тех после ка-

рантина и выпустят оттуда. Им даже повезло считать, у воды, на свежем воздухе, с питанием.

Пауза.

СОБАКА. Да перестаньте уже, Родь, ну ты-то чё! Там волонтеры и врачи за этими бабками ухаживают. А в крематории вообще пока сотрудников нет. И в общем, нужны музыканты для вот этого всего. Там отдельные ворота с трассы для родственников, зал для прощания, а антуражу нет, это же походный вариант. Вот они и ищут.

Тишина, молчание. За окном вдалеке сирена скорой.

РОДЯ. Не, Собак, это – ту мач. Я нет.

ЕРА. Это можно духовым предложить, они по похоронам тусят.

СОБАКА. Не, там в масках надо быть. И нужны одиночные инструменты, которые без ансамбля норм звучат.

РОДЯ. Ну, арфа короче. Вот твоя икра трески, Ера, бери.

ЕРА. Чего? Да идите вы к козе в трещину с такими подработками! Совсем уже. Ибо-бо.

Молчание. У Еры в кармане блякает телефон. Он допивает из своего стакана. Встаёт.

Я пойду, у меня там мать с компом. Одна мудохается. На удалёнке. Спасибо за бухло. Ну, и вообще. Короче я пошёл.

Молчание. Ера обувается, берёт мусор, уходит.

Сцена 3

*Раннее утро. Кухня в квартире Еры. Горит настольная лампа. На столе шесть грязных чашек и банка кофе. Мама в очках и уже домашней одежде скрючившись спит полусидя-полулёжа за столом. Ера сидит с её ноутбуком и смотрит видеоурок на ютьюбе с задорной музыкой на заднем плане: “Всем привет, с вами я, Колян-Лагман, и сегодня я научу вас, как зайти удалённо в личный кабинет, расскажу, что делать, если комп выдаёт ошибку и где найти тот самый “режим”, если его нигде нет. Итак, поехали! Надеюсь, вы не хипстер и у вас нормальная винда а не **** мак. Итак, нажимаем WinR, вбиваем в строку вот этот скрипт, ссылка в описании, и попадаем в корневую папку, куда мы размещаем вот этот файл, его можно скачать по ссылке, но очень важно изменить его имя и продублировать его в ещё две папки, удалив из них следующие файлы...” Ера жмёт на паузу, повторяет у себя на ноуте всё сказанное, Из ноута доносится звук ошибки, Ера жмёт на кнопку, снова звук ошибки и так несколько раз.*

ЕРА (трёт уставшие глаза). Сука...

Звонит будильник весёлой музыкой и приятным голосом говорит: “Good morning! Have a nice day!” Просыпается Мама.

ЕРА. Ничего не вышло.

МАМА (*гладит его по голове*). Боже, какие глазёнки-то красные.

ЕРА. Как ты будешь работать?

МАМА. Ой, да ладно. Ничего страшного. Ну, значит поеду в офис, там всё равно сегодня ещё будет кто-то, может, даже Олег.

ЕРА. Как поедешь?

МАМА. Ну, как-как, как-как, как обычно поеду, в пятницу, как-то все ездили и ничего, никто не умер. Ну, то есть умерли, но не в метро же... И сейчас на-верняка кто-то ездит, не все могут сидеть дома. Как-как... Сяду в метро и поеду. Вон, маску надену.

Мама смотрит на часы, вскакивает, ставит чайник на плиту, бежит в ванную, закрывается, включает воду. Газовая колонка трещит под-жигом, но огонь не загорается. Ера подходит к колонке, вытаскивает батарейки, стучит ими друг о друга, вставляет. Колонка, наконец, работает.

ЕРА (*звонит по телефону*). Собак, привет, не разбудил? Да не ори, откуда я знаю, во сколько у вас там могилы роют. Ну, молодец, чё, извини, я по-быстрому. Короче. Я готов на этот чёртов остров. Да. Есть. Да понимаю я всё. Мне только для арфы нужна газель, что ли, она ж в обычную тачку не влезет. Да какой минивэн, какое такси, ты прикалываешься? У вас же там есть труповозки какие-то, стрельни на пару часов, а?.. Ну, Собак, блин, реально без шансов, мне надо срочно хоть что-то, чтобы мать могла не работать... ну, месяц

хотя бы до конца карантина, она же в группе риска, ты же знаешь. Да. Да. Окэ. Спасибо, Собака, дружище, прямо вот спасибо тебе. Да, пока только спасибо, икра трески позже. *(Смеётся.)* Всё, жду.

Мама выбегает из ванной, она уже одета, обувается, надевает маску. Ера подходит к ней близко, стоит, смотрит на неё.

МАМА. Ты чего, Ер?

Ера молча бредёт в комнату. Мама уходит. Ера собирает вещи и ноты в рюкзак, зачехляет арфу.

Сцена 4

Позднее утро. У подъезда с палисадником стоит чёрная тонированная газель с красной полосой на боку и надписью: Ритуальная служба “Погребок”. Ера и Собака стоят у машины. Собака курит, у него засучены рукава. Ера стоит, засунув руки глубоко в карманы и втянув голову в воротник куртки.

СОБАКА. Капец, блин. Завяжите мне пупок заново. Вот поэтому, Ера, я играю на трубе. Сунул её в рюкзак и хоть в Дублин, хоть в Милан.

ЕРА. Да помню я, ты и поехал в Милан прямо с госов как был в брюках и бабочке со своей трубой.

СОБАКА. А чё, крутой флешмоб был, ну да, не доехал я до Милана, ну, забухал по дороге, бывает, чё. А потом Винница – это тебе не Наро-Фоминск, это,

между прочим, полпути до Милана. Одно хорошо в этом карантине – старухи с лавок у подъезда исчезли, слава тебе хоспади. *(Плюёт в палисадник.)*

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА *(из окна сверху)*. Я те плюну, я те так плюну, что почки свои выплюнешь, вонючка ты могильная! Пошёл отсюда! А ну, кыш! Стоит он курит, смерть нашу караулит, мерзавец! Ты к кому такой приехал? Это кто тебя позвал? Кто там рядом с тобой?

Ера хочет посмотреть наверх, но Собака натягивает капюшон ему на голову.

СОБАКА. Не оборачивайся, эта коза прямо под тобой живёт.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Чего вы приехали? У нас никто не умер в подъезде. Уматывайте! Я милицию вызову сейчас!

СОБАКА. Последний раз я играл на трубе в Виннице. Там фонтан открывали тогда возле шоколадной фабрики... Ну, чё ты ржёшь, это самый красивый в мире фонтан, отвечаю, с видюхами, с музыкой, светом, всё такое. Ну, и у них трубач забухал, а я пока ещё нет. Как это было круто. Там короче какая-то хрень встроена, ну, с компа управляется. Ты дунул слегка и струйка – чпоньк – маленькая короткая, дунул форте – и она метров на пять взлетает. Да! Да! Так и было, никто мне не верит, а оно так и было, мы играли будто на воде, Генделя кстати.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Пенделя тебе под жопу, а не Генделя! Сейчас мы тебе музыку устроим! *(Исчезает в окне.)*

СОБАКА. А потом главный по оркестру кинул нас на бабло. Просто тупо забрал всё и свалил. А нам оставил десять килограмм шоколадных белых яиц с помадковой начинкой. “Коко-чоко”. Ну, с этой фабрики. Так мы и сидели. У фонтана. С яйцами. А потом я зашёл в троллейбус, а кондуктор спрашивает: что у вас за проезд, а я ей отвечаю: у меня только яйца есть, больше ничего. Вот у нас бы сразу сдали ментам, а там мы катались всю ночь и жрали эти яйца, и я играл на трубе прямо в троллейбусе, и так было кайфово... Короче, прыгай давай к своей бандуре!

Собака бросает окурок и открывает задние дверцы газели, достаёт оттуда два венка. Ера садится рядом с арфой, Собака закидывает к нему рюкзаки и поверх всего кладёт венки.

Венки придерживай, чтоб их не распидарасило по всему салону.

К подъезду подходит Мама Еры. Она видит Еру с арфой и венками в газели.

178

МАМА. Ты спятил?

ЕРА. Мам, я... Это не то, что ты подумала.

МАМА. А я ничего даже ещё не подумала, потому что я даже не знаю, что в такой ситуации можно думать. Убери рюкзак с пола, здесь же покойников перевозят.

СОБАКА. Минуточку, их же не на голом полу перевозят, а в гробах, вообще-то.

МАМА. Ера!.. Выйди!.. Я не могу с тобой говорить, когда ты в этих венках, мне плохо.

ЕРА (*выходит*). Ну ладно тебе, это просто транспорт, другого не было, я нашёл работу, Собака просто довезёт меня туда.

МАМА. Какая собака?!

ЕРА. Ну, Серёга.

СОБАКА. Здравсьте.

МАМА. Серёжа, откуда эта машина?

СОБАКА. Да что за паника? Обычная машина, с работы моей. Да, я на кладбище работаю, что такого? Стрёмно? Да? Нет! Стрёмно не работать! Я денег не краду, людей не убиваю, я делаю оградки и между прочим очень красивые. (*Достаёт телефон, показывает фотографии оградок.*) Так что рекомендуюте, если что, я могу визиток оставить.

МАМА (*берёт визитки, потом возвращает, отдёргивает руки*). Не-нет, Серёж, спасибо, визиток не надо, я, если что, через Еру, а вообще, надеюсь, что не пригодится.

СОБАКА. Ну, смотрите сами. Соседка снизу у вас-то... Уже на пороге нашего сервиса. (*Наверх.*) Да, старая?

МАМА (*шёпотом*). Серёжа, ну что ты! Не груби, у неё и так жизнь тяжёлая, у неё сынок того, ку-ку, в общем.

СОБАКА. Она и сама ку-ку.

ЕРА (*Маме*). Ты же на работу уехала. Чего вернулась? В метро не пустили?

МАМА. Пустили.

ЕРА. Прога снова не открылась?

МАМА. Открылась. (Пауза.) Олег приехал обновить систему всем и вдруг задыхаться стал. В общем, его забрали прямо из офиса.

ЕРА. И?

МАМА. Мы подождали, пока его довезут и сделают тест. В общем, перезвонили и сказали, что да.

СОБАКА. Капец. И чё теперь?

МАМА. Всех распустили, сказали две недели не выходить и ни с кем не контактировать.

СОБАКА. А деньги? Как же деньги?

МАМА. Откуда у них деньги? Ладно, и не такое видали. Так что, Ера, сажусь на твою гречку.

ЕРА. Да, гречку я оставил... Мам, ты не волнуйся, я подработку нашёл хорошую, это на время карантина, я перееду, это недалеко, я буду писать тебе и высылать сразу... Что-нибудь... Не спорь только, ладно?

МАМА. Да а как тут спорить (Пауза.) Господи, Серёжа, а ну быстро отошёл от меня! Боже, я твои визитки трогала, а ну дай, стой, нет, не подходи, положи на лавочку. Вот, теперь отойди! (Достаёт антисептик, брызгает на визитки.)

СОБАКА. Не-е-т! Блин, они поплывут же!

МАМА. А ну стоять! Отошёл к своей гробовозке быстро! Жизнь важнее визиток! Только одна размылась, давай я возьму её. Так и быть, как помру – позвоню.

Ера пытается подойти к Маме, она отходит к подъезду.

Да что же вы тугие такие оба. Отойди, Ера. Лезь обратно.

Пауза. Ера залезает в машину.

МАМА. Давай, с богом. Звони, ладно?

Мама заходит в подъезд, выглядывает обратно, пишикает на ручку антисептиком. Машина отъезжает.

Сцена 5

Пасмурный полдень. Ера и Собака с небольшими рюкзаками на берегу реки. Недалеко припаркована машина. Рядом с ними арфа в чехле.

ЕРА. И что дальше? Мы уже час стоим, у меня инструмент от влажности рассохнется.

СОБАКА. У меня мозг уже разохся. От нытья твоего. Сказано, будет лодка, значит будет. Не гунди.

ЕРА. Может, с трассы? Это же не остров, а полуостров.

СОБАКА. Через трассу больных возят, там пост. Если через него войдешь, то уже хер выйдешь, они в базу вносят и всё.

ЕРА. Что “всё”?

СОБАКА. До конца карантина там сидишь, а если выберешься – отловят и вернут обратно.

ЕРА. Фига се...

Появляется небольшой катер, он дымит и коптит как самый помирающий трактор на солянке, на борту у него реклама “Спасатели Малибу”. В лодке ещё человек десять. Все молчат, хмурые, с чемоданами.

ЛОДОЧНИК. На остров?

СОБАКА. Да.

ЛОДОЧНИК. По пятьсот с каждого.

ЕРА. Собак, одолжи?

СОБАКА. Вот не сиделось мне на родных могилах, одни расходы.

Даёт деньги. Ера и Собака берут арфу, затаскивают на борт.

ЛОДОЧНИК. Вы бы ещё баян взяли.

СОБАКА. Да мы предлагали – не захотел.

Катер отчаливает. С берега слышна сирена полиции и голос по громкоговорителю: “Катер, немедленно причалить, вы нарушаете режим самоизоляции. Причальте немедленно.”

ЛОДОЧНИК. Всем смотреть на остров! Никому не оборачиваться, у них камеры, они вас в базу занесут. Не оборачивайтесь!

Катер, прибавляя скорость, раскачивается, Ера вцепляется в арфу, хочет повернуть голову.

СОБАКА (*бьёт его по затылку*). Ты debil? Сказали: не оборачивайся! Надень капюшон, артист первой категории, ёпт.

ЕРА (*глядя на приближающийся остров*). Какие башенки, как сказка прямо... Только стрёмная сказка.

СОБАКА. Так это остров Мечты. Потому и башенки. Был остров Мечты, стал островом Здоровья. А

на самом деле островом Смерти... Я видел мемчик в инете, что этот замок с башенками один в один Лейпцигский крематорий, прикинь! Вот приколом будет, если они так и сделали в замке крематорий.

ЕРА. Ну, зашибись халтуру ты подогнал.

СОБАКА. Да не ссы, там одни стариканы, им всё равно помирать.

Лодка глушит мотор у берега. Тишина. Слышно кряканье уток. Лодочник упорно до кого-то дозванивается.

(Пытается завести разговор с людьми в лодке.) Эй, парень, слышь, ты тоже волонтёрить? Или чё? Ер, он в наушниках, что ли? Женщина, а женщина? Не, ну чё вы все отворачиваетесь, блин! Все же в одной лодке, ёпт.

ЕРА. Да чего ты пристаёшь.

СОБАКА. Не, ну ты нормальный? Нам же надо к кому-нибудь прибиться. Чтобы поселиться, прикорчиться там.

ЕРА. Ты реально собака...

ЛОДОЧНИК *(дозвонился)*. Алло, Кать! Ну, мы приплыли. Куда их? Давай, встречай, заселяй.

Сцена 6

Ночь. Берег острова Здоровья. Собака, засучив рукава, делает плот из огромных, но лёгких пластиковых черепашек-ниндзя. Ера в капюшоне стоит рядом, переминаясь с ноги на ногу.

СОБАКА. Ты бы хоть придержал, чем ламбаду танцевать.

Ера аккуратно придерживает. Собака завязывает последний узел.

Ну всё, садись.

ЕРА. Знаешь, я подумал, я тут останусь. Тем более арфа здесь.

СОБАКА. Ну, начинается. Мы же всё перетёрли, ты чё? Никуда не денется твоя арфа, за ней парни приглядят и после карантина заберём. Камон, не тупи.

ЕРА. Да что мне там делать? Здесь хоть какие-то варианты есть подработать.

СОБАКА. Мы два дня здесь торчали и никто не умер.

ЕРА. Ну и ладно. Столовка есть вон волонтерская, где поспать есть, я даже заниматься могу. Может, и подвернётся что. А там дома без шансов.

СОБАКА. Как хош. Я уламывать не буду. Всё, я уплыл, мне на работу завтра. Если заломает тут торчать, пиши, чё-нить придумаем.

Собака отплывает от берега. Слышны звуки вертолёта.

Фак ю вери мач...

ЕРА. Плыви обратно!

СОБАКА. Спокэ. Они меня не увидят. У меня есть оберег от ментов. *(Достаёт телефон, читает с него, обращаясь в небо.)* “Заклинаю тебя от нечестных задержаний, ногами избиваний, от следящего глаза с

первого наказа. Отними ноги, отними руки, пошли ментам жуткие муки. Селезёнка, печёнка, все кровные и бескровные, жилистые и костяные. Пусть падучая бьёт, если мент меня возьмёт. Если же возьмёт и не вернёт, пусть лютой смертью помрёт. Как задом шапку не снять, так заклятье моё не унять, не отговорить, не отмолить, не перебить.”

ЕРА. Экспекто патронум добавь, ага.

*С берега слышится сирена и по громкоговори-
телю объявляют: “Гражданин на плоту, вы на-
рушили режим добровольной самоизоляции. К
вам выехал отряд охраны на воде. При попытке
скрыться вы будете привлечены за неповинове-
ние сотрудникам полиции.”*

СОБАКА. Блин. Не сработал оберег. Ладно, раз уже спалили меня, то будет вам перформанс. А чё. *(Достаёт трубу из рюкзака.)* Ера, ты дебил? Вали по-
дальше от берега, а то тебя тоже упакуют.

ЕРА. Собака! Я... я... Как же ты один? Собака, блин...

СОБАКА. Да норм, я не один, не ссы, вали я ска-
зал, а ну!

*Ера скрывается в прибрежных кустах. Собака
ложится на своём плоту из черепашек-ниндзя и,
глядя в ночное небо, начинает играть на трубе
“Сентиментальный вальс” Чайковского. Гром-
кий звук трубы разливается далеко по реке. В
домах на набережной в окнах зажигается свет,
на балконы выходят люди, снимают на видео.
Плот медленно уплывает по течению. Слышны*

звуки сирены с полицейского катера и объявление по громкоговорителю: “Просьба не двигаться и не оказывать сопротивления.” Собака играет на трубе размеренно и очень чисто. В какой-то момент игра обрывается.

Действие II

Сцена 1

Поздний вечер. Мама Еры сидит на кухне. Она в домашнем халате. На столе чашка кофе, сканворды, полпакета гречки. Мама вяжет и смотрит новости по телевизору: «За последние сутки коронавирусом заразилось четыре тысячи двести один человек, из них четыре тысячи сто – в очередях на входе в столичное метро. Правительство внедряет инновационное приложение «электронная очередь в метро», которое будет представлять собой онлайн табло. Занять очередь можно будет, не выходя из дома. Стоимость разработки два миллиарда рублей. «Комфорт население для нас превыше всего», – заявили в мэрии. Пятьсот девяносто три человека выздоровели и пятьдесят четыре умерли от коронавируса за последние сутки в больницах города. Уникальная ситуация сложилась на острове Здоровья, где в данный момент добровольно изолировано двести двадцать пациентов с подтверждённым диагнозом и сопутствующими заболеваниями в возрасте старше восьмидесяти лет. Напомним, что эта категория населения

находится в группе самого высокого риска, однако вопреки прогнозам, за последнюю неделю на острове зафиксировано сорок два случая полного выздоровления и ни одной смерти. По словам начальника охраны острова, пациенты обеспечены всем необходимым и даже больше. Так, в течение всей недели в атриуме главного замка, где сейчас расположены палаты с инфицированными, ежедневно после обеда давались живые концерты великолепного арфиста, выпускника консерватории.” На фоне репортажа слышна игра на арфе, та же музыка, что в самом начале играл Ера.

МАМА. Вот засранец. В самое пекло полез. Ну, надо же. Ну, засранец.

По телевизору продолжается репортаж: “Уже вчера возле острова Здоровья выстроилась очередь из автомобилей с желающими попасть на территорию. Бригады скорой помощи сообщают о ежечасных попытках подкупа в целях попасть именно на остров вместо даже самой престижной инфекционной больницы.”

Звонок в дверь. Мама подходит к двери.

Господи Иисусе... Кто там?

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА *(хриплым полупшепотом)*.
Да свои, открывай живее.

Мама открывает. Вероника Петровна заходит, закрывает за собой дверь. Она одета в

ветхую блузку с воротничком под горло, подколотым брошкой, домашнюю, но чистую юбку, тапочки на небольшом каблучке и, конечно, в колготках, хоть и штопанных. В малоподвижных артритных руках у неё сигарета, пепел от которой стряхивается прямо в ладонь. Смотрит она мимо собеседника.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. По лестнице совсем разучилась ходить. Прямо ползаю. А ещё в прошлом году бегала.

МАМА. Ну... бывает.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Конечно бывает, годам к девяноста пройдёт.

Вероника Петровна затягивается, докуривая папиросу, затем тушит её прямо о ладонь, даже не поморщившись. Мама смотрит на неё молча.

Простите за поздний визит, но в подъезде нашем, как говорится, шарят менты.

МАМА. В смысле шарят? Да вы проходите.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Врываются и меряют у всех температуру, представляют. У кого выше тридцати семи, выпроваживают в свой этот, как его, ну, в воронок, в общем.

МАМА. И куда?

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Да кто ж их знает.

Звонок в дверь.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА (*шёпотом*). Я на балкон.
(*Идёт в комнату.*)

МАМА (*тоже шёпотом*). Подождите, наденьте куртку, там холодно.

Снова звонок в дверь. На лестнице слышны голоса:

- Совсем оглохли старухи.

- Может, нет никого?

- Да как нет, телек слышишь?

- Ну погоди, старая сука, щас будет тебе телек. С лестницы слышится скрежет железного щитка. Гаснет свет. В дверь остервенело стучат ногами и кричат: "Откройте, полиция! Откройте или выломаем".

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Закройте меня! Я не могу закрыться снаружи.

Мама бегом закрывает дверь балкона. Вероника Петровна пригибается, чтобы её не было видно. Мама открывает дверь полиции, но внутрь не пускает.

ГОЛОС ПОЛИЦЕЙСКОГО. Здравия желаю, почему так долго открываем.

МАМА. Так это... я стирала, в ванной... вода... и колонка... а я носочки, бельишко... всё шумит. И телевизор ещё... и вода... да. А вы, наверное, намаялись уже, поздно-то как, наверное, уже и спят, и не слышат, как вы... это...

ГОЛОС ПОЛИЦЕЙСКОГО. В квартире одна проживаете?

МАМА. Сейчас да.

ГОЛОС ПОЛИЦЕЙСКОГО. А прописано двое.

МАМА. Так да. Это сын. Но он здесь не живёт... Сейчас не живёт.

ГОЛОС ПОЛИЦЕЙСКОГО. А чего это вы так нервничаете?

МАМА. Да где я нервничаю... Я вообще не нервничаю, чего мне нервничать...

С лестнице в дверь просовывается рука полицейского с фонариком, Луч фонарика внимательно ощупывает весь доступный ему интерьер. Полицейские пытаются зайти.

(тараторя и не пуская их.) Да вот же тапочки его. Он две недели назад уехал, вот так тапочки и стоят здесь. (Берёт тапочки, предъявляет их полицейским и не выпускает их далее из рук.) Если бы вы знали, как я маюсь, и в магазин сходить некому, вы бы посодествовали, ведь бывают же волонтеры, вы же помогаете населению. И гречка у меня кончилась и вообще я в депрессии, но верю, что доблестная милиция поможет мне, на неё одна вся надежда.

ГОЛОС ПОЛИЦЕЙСКОГО. По-ли-ция.

МАМА (с уважением). По-ли-цы-я!

ГОЛОС ПОЛИЦЕЙСКОГО. Лоб предъявите.

МАМА (убирая чёлку). Да-да, конечно, пожалуйста, вы же мне не пулю в лоб, надеюсь... Ха-ха... Это я шучу, наверное, все так шутят, да, а вам уже и не до шуток, вы устали, такой тяжёлый труд у вас, тяжёлый доблестный труд.

В дверь просовывается рука полицейского, измеряет температуру дистанционным градусником.

ГОЛОС ПОЛИЦЕЙСКОГО. Там под вами даун живёт. Он один, что ли, живёт?

МАМА. Да, нет, ой, Господи, уши заложило, давление, наверное, надо срочно измерить...

Сверху раздаются звуки ругани, жестоких побоев и детского плача.

Вот вы бы лучше к этим поднялись, они хоть и не дауны, но хромосомы у них шаткие.

Полицейские уходят наверх. Далее сверху слышны звуки их взаимодействия с жильцами: удары о пол, детский плач усиливается, переходя в истерику и т.д.

Мама в ступоре стоит у двери, прижимая тапочки Еры к груди. С балкона доносится стук, Мама открывает балконную дверь, выпуская Веронику Петровну.

Господи, надо свет в щитке включить.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Не лезь.

МАМА. Но как же...

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Не лезь, я сказала. Сядь. (Кашляет.) У меня температура третий день.

Молчание.

МАМА. Так надо врача.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Какого к чёрту врача. Упекут сразу. А Кольку на кого? Я и так кручусь как уж на сковородке. На кухне сплю, еду ему под дверь кладу. Он воет, рвётся ко мне на кухню. Тьфу-тьфу-тьфу, хоть здоров.

МАМА. А чем лечитесь?

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Благодатью преимущественно. Ну, и чайком ромашковым. *(Кашляет.)* Хоть бы Коленька там спокойно пересидел это нашествие. Он же один не оставался никогда. Ты уж извини, что я так ворвалась.

С лестницы слышно, как полицейские тащат кого-то вниз по лестнице, они пинают его о стены и приговаривают:

- А ну встал, мразь! Ну, пошёл!

- Завтра опеку вызовем на изъятие детей твоих, понял, сука?

- И на дауна этого, ну, с третьего.

- И на дауна с третьего, да! Совсем подъезд отморозенный, пускай опека разбирается.

Вероника Петровна достаёт спички, закуривает. Они с мамой долго молчат. Мама выходит на лестницу, включает рычажок в щитке, возвращается. Вместе со светом включается телевизор: "... И к новостям культуры. Из-за многочисленных протестов музыкант-перформер Сергей Борзой был отпущен сегодня под домашний арест. Напомню, неделю назад Сергей нарушил режим добровольной самоизоляции, сплавляет по реке на самодельном плоту, и играя на трубе. Его задержание вызвало волну нарушений

самоизоляции его творческих сторонников. Во избежание вспышки заражений, всем задержанным были выписаны штрафы.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Прости ради бога, ты же не куришь, а я и не спросила. Как дома у себя сижу. *(Тушит сигарету о ладонь.)* Твой-то где шатается? Ночь уже. Оштрафуют.

МАМА. Мой-то?.. Подождите! Я знаю, где вас вылечат, совершенно точно вылечат и до ста лет вы доживёте ещё. *(Ищет по всей кухне и находит визитку Собаки, набирает номер.)* Алло, Серёжа? Мне очень нужна ваша помощь.

Сцена 2

Утро. Возле дома Еры пустынно и невероятно тихо. У подъезда стоит машина с надписью “Доставашка – доставим вкусняшку” и рядом та же газель “Погребок” с раскрытыми дверцами. В ней стоят два гроба. Родя укладывает Веронику Петровну в один из них. Она одета в тёплое пальто и шерстяной берет, под голову пристроена тряпичная сумка со всеми её пожитками. В соседнем гробу, выглядывая из-под крышки, лежит Собака. Рядом с машиной стоит Коленька, на нём очки с толстенькими стёклами, свежесвыглаженная рубашка, застёгнутая под горлышко на все пуговицы, курточка, которая не сходится на животе, мешковатые брюки на подтяжках и ортопедические грубые

ботиночки. В руках у него полиэтиленовый пакет с вещами, которым он бьёт себя по ноге.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Кто бы мог подумать: чтоб выздороветь в гроб ложусь. Да ещё гробовщик такой фасонистый.

РОДЯ. Я не гробовщик, бабуля.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. А я и не бабуля. Раз ты не гробовщик.

СОБАКА (*Роде*). Цветы положи в ноги, вдруг откроют. (*Веронике Петровне*.) А вы, бабуль, если гроб откроют, не вздумайте кашлять и дышать, ясно? Родь, ну, ты постарайся, чтоб не открывали, окэ? Стрёмно это всё... И с вами ехать стрёмно и одну вас отпускать стрёмно. Тьфу, кабздец. Ладно, не гундю. О, слушь, свяжи ей руки на груди, так стопудово по-хоже будет.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Да вы в своём уме?

РОДЯ. Треш какой. (*Кладёт искусственные цветы в гроб в ноги Веронике Петровне, вынимает шнурок из её ботинка, завязывает ей руки на груди*.) О! Теперь совсем ништяк. Вам не жёстко?

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Так я вроде бы и не навсегда укладываюсь, голубчик. Потерплю.

КОЛЕНЬКА. Мамочка, трррр... ууууу... двадцать шесть... Какая ты красивая, мамочка, в этих цветах.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Даже и не пошутишь, что краше в гроб кладут. Спасибо, Коленька, спасибо, сынок.

РОДЯ (*суёт Собаке в гроб пакетик*). Это тебе на дорожку, звероящер. От Еркиной матери.

СОБАКА (*нюхая пакет*). Это чё?

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Это пирожки. С гречкой.

СОБАКА. С гречкой?! Мама дорогая, забей мой гроб гвоздями. Пирожки, сука, с гречкой! Фак ю вери мач!

РОДЯ. Так, прощайтесь. И я закрою вас уже.

КОЛЕНЬКА. Mamочка, я с тобой хочу. Девятьсот двадцать один... Mamочка, возьми меня, я не хочу один! Тррррр... Девятьсот двенадцать... Мамуля, прошу тебя на коленях, можно мне остаться... Семьдесят шестьдесят девять... Ууууу... Ыыыы... .

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА (*садится в гробу*). Коля, так не пойдёт. Мы с тобой договорились и ты дал мне слово. И сейчас ты со своим пакетом пойдёшь к соседке сверху. И будешь у неё жить, пока я не вернусь. И во всём слушаться только её.

СОБАКА. Стопэ, бабуля! Так она тоже заразная, у неё айтишник на работе откинулся с короной.

Молчание. Коленька бьёт пакетом себе по ноге, раскачивается. Из-за угла тихо-тихо крадётся полицейская машина.

(Родя.) Чё встал, закрывай! Твою мать... (*Быстро самозакрывается в гробу.*)

Родя спокойно и деловито закрывает гроб с Вероникой Петровной, затем дверцы газели.

РОДЯ (*тихо, Коленьке*). Быстро сел вперёд. И молчи, понял! Ради матери своей молчи!

У полицейской машины чуть-чуть приспускается стекло.

ГОЛОС ПОЛИЦЕЙСКОГО. Чей даун?

Коленька садится на переднее сидение, раскачивается, морщится, крутит головой и мычит. Молчание. Дверь полицейской машины открывается.

РОДЯ. Да, мой-мой!

Дверь полицейской машины закрывается, стекло поднимается. Машина уезжает. Коленька улыбается Роде и сидя танцует от радости.

Сцена 3

Пыльный пасмурный день. Охранный пост на въезде на остров. Лодочник теперь охранник. Ера и Коленька выходят из машины. Коля жуёт пирожок с гречкой, поправляет очки, подтягивает штаны. Лодочник внимательно осматривает парней и машину.

РОДЯ (*тихо, Коленьке*). Хватит уже жрать. Это реквизит, чувак.

КОЛЕНЬКА. Тррр... Я всё помню.

ЛОДОЧНИК (*рассматривая машину*). Где-то я эту гробовозку уже видал. Первый раз на остров въезжаете?

КОЛЕНЬКА. Первый

РОДЯ. Вот прям совсем первый, да.

ЛОДОЧНИК. Что везём?

РОДЯ. Гробы.

ЛОДОЧНИК. Так у нас нет покойников.

КОЛЕНЬКА. А мы со своими. *(Лучезарно улыбается Лодочнику.)*

ЛОДОЧНИК. Это как?

РОДЯ. Это социальная программа городская новая. “Жжём как дышим”. Взаимовыручка крематориев. А то одни перегружены, а ваш пустой стоит. У вас же не умирает никто?

ЛОДОЧНИК. Нет.

РОДЯ. А крематорий есть.

ЛОДОЧНИК. Крематорий-то есть. А вы откройте-ка дверцы задние, давайте глянем на ваших покойничков.

РОДЯ. Да не вопрос. *(Незаметно пинает под зад Коленьку.)*

КОЛЕНЬКА. Ааааа... трррррр... триста сорок восемь... *(Подбегает к охраннику, улыбается.)* Служивый, угостись пирожком! *(Суёт ему в лицо надкусанный пирожок.)* Ну, служивый, ты же голоден! Тррррррр... сто сорок пять... Откуси, вкусный пирожок! На. На! Мне не жалко! *(Тычет в лицо охраннику пирожком, тот уворачивается.)* Это с гречкой пирожок! Ну-ка, съешь его, дружок! Ууууу... Ыыыы... Открываем свой роток и кусаем пирожок! Мамочка Еры пекла. На, поешь, служивый! *(Откусывает пирожок не-*

брежно, куски падают ему на грудь, продолжает с набитым ртом совать пирожок Лодочнику в рот.) Откуси. Ну, угостись! Трррр... двести двадцать... Это с гречкой пирожок! Ну-ка, съешь его, дружок!

ЛОДОЧНИК (отталкивает его). Да отстань! (Роде.) Уймите вашего дебила!

Коленька падает на землю и начинает выть и кататься.

РОДЯ (достаёт телефон, начинает снимать на камеру). И вот, друзья, мы видим, что в такое тяжёлое карантинное время охрана знаменитого острова Здоровья не только не охраняет, но и унижает и избивает самых безобидных мира сего. Солнечный мальчик Коля хотел угостить охранника последним пирожком, разделить с ним по-христиански скромную трапезу. И что мы видим? Избиение беззащитных, попрание христианских традиций (Лодочнику.) Что же это, уважаемый? Представьтесь для начала.

Лодочник отворачивается от камеры, Родя машет рукой Коле, призывая громче орать и интенсивнее кататься по земле.

КОЛЕНЬКА. Он меня удааариииил! Тыыыы-ы-ы-ы-ы-ы-ы... Маамочка... Божечкиии... Мой пирожок! Мой самый последний пирожочек! У-у-у... А-а-а-а... триста сорок два... Царица Небеснаяяя!!! Спаси и помилуй! У-у-у... Ыыыыыыы...

Родя лезет с камерой прямо к лицу охранника. Сзади сигналият машины, которые ждут своей очереди. Слышны крики:

- Эй, мужик! Хорош!
- Ты чего малого бьёшь, а? Не стыдно?
- Вали в свою будку, бобик!
- Вот гондон... Последний пирожок...
- Мальчик, иди сюда, я тебя угощу.
- Какой хороший... Обидел тебя мудака этот.
- Ну, не плачь, пацан, иди чё дам.

Коленька живо поднимается, отряхивает брючки и курточку, бежит к машинам, стоящим в очереди. Лодочник плюётся, уходит в будку, открывает шлагбаум, орёт что-то уже у себя в будке, машет руками и показывает всяческие осуждающие знаки всем стоящим в пробке. Коленька возвращается с охапкой разных гостинцев, залезает в машину. Родя сигналист всем, кто стоит за ним и включает громко дерзкую музыку с аккордеоном, что-то типа The tiger lillies. Машина заезжает на остров.

Сцена 4

Предраассветные промозглые сумерки. Мобильный крематорий. Зал прощания. В нём только подставка для гроба с рельсами, идущими к дверце печи. Горит, помигивая, лампочка дневного света. В углу стоит арфа и разложены пожитки Еры: висят носки, валяется одноразовая посуда с остатками еды, какое-то тряпье устроено под спальное место. Один из гробов стоит открытым у стены, в него тоже подложены куртки для мягкости, в нём на спине лежит Вероника Петровна. Она часто дышит и периодически

заходится кашлем. Входит Собака и садится рядом с гробом, прислонившись к стенке.

СОБАКА. Это же Остров, сука, Здравовья. Как? Как здесь нет ни одного врача?! Что за треш?!

ЕРА. Ты же сам говорил, когда мы сюда плыли, что это не остров Здравовья, а остров...

СОБАКА (*перебивает*). Не, ну я прикалывался. Ты чё. Как так-то? Здесь двести больных стариканов! И ни одного, сука, врача! Ни одного!

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Курить. Дай курить.

Собака суёт Веронике Петровне в рот сигарету, поджигает. Она пытается её раскурить, неудочно. Собака вытаскивает сигарету обратно.

СОБАКА. Она уж и раскурить не может, совсем гибляк. (*Раскуривает сигарету, суёт в рот Веронике Петровне.*) На, хоть помусоль. Жесть какая...

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА (*посасывает сигарету, ухмыляется*). Думаешь, сдохну? Во. (*Показывает кукиш.*) У меня якорь тут. Он не отпустит.

У Собаки звонит телефон.

СОБАКА. Да, Родь. Да, рядом. Ща.

Собака включает видеорежим звонка, Коленька оттесняет Родю от камеры.

КОЛЕНЬКА. Mamочka, не умирай! Пожалуйста, я всё что угодно сделаю, мамочка. Меня Родя научил яйце хлеб делать, трррр.... Мама, сто двадцать шесть,

у-у-у, ты знаешь, что такое яйцехлеб? Это когда посередке вырезается дырка в куске хлебушка и яйцо туда разбивается, мамочка, у-у-у, тридцать два, я тебе приготовлю сам яйцехлеб, он вку-у-усный, не умирай, мамуля, я стихи тебе написал. Я не спал сегодня. Послушай! (*Читает.*)

О смерти и наследстве*

Не думай, не надо,

Кому меня в качестве наследства передать.

Тррр... Ыыы пятьдесят пять.

Я Богу молюсь за родную маму,

Пусть мама со мною живёт.

РОДЯ. Сто два и пятьсот.

КОЛЕНЬКА.

Мама моя дорогая, любимая мама моя!

Никаких опекунов мне не надо,

Ты опекай меня.

Дай Бог тебе здоровья, мамочка,

Не тревожься обо мне.

Я никому чужим не нужен,

Лишь только одной тебе.

Вероника Петровна начинает то ли плакать, то ли задыхаться, её трясёт. Коленька начинает качаться, выть, мотать головой и биться ею о

* Здесь и далее стихи Н.А. Долуханяна.

стену. Родя пытается его унять, обнять. Вероника Петровна синееет, Собака бросает телефон на пол, достаёт её из гроба, перекидывает через колено лицом вниз так, что она оказывается на четвереньках и начинает нормально дышать. Ера стоит и смотрит на это, широко раскрыв глаза и вжав голову в плечи.

СОБАКА. Ну, что ты встал, итить-колотить! Играй, дурында! Играй, я сказал!

Ера играет на арфе “Вальс цветов” Чайковского.

Сцена 5

Один из тех тёплых весенних дней, когда одни ходят ещё в пуховиках, а другие уже в майках. Берег острова. Пёстрые тени от деревьев. Карканье ворон. Собака в рубашке с закатанными рукавами и джинсах, приподнятых насколько это возможно, полулежит на траве, вытянув ноги и подставив солнцу лицо. Вероника Петровна сидит рядом, ссутулившись и поджав под себя ноги, она в берете и пальто, застёгнутом на все пуговицы. Оба смотрят на воду и курят по очереди одну сигарету. Недалеко от них лежат те самые гробы, в которых они приехали. Ера, закатав брюки, ходит по щиколотку в воде, периодически разглядывая что-то на дне. Очень близко слышны звуки вертолётов. Глухие удары о землю, всплески воды.

СОБАКА. Чё им неймётся? Э, глянь, они скидывают чё-то. Слышь, Ер, чё это они?

ЕРА. Давай уже, отчаливайте от греха подальше, а. Чего ты разлёгся?

СОБАКА. Не гунди. Не видишь, бабуля курит. Бабуль, а научи меня тушить сигареты о ладонь, а? Как так у тебя выходит, а?

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Это умение даётся вместе с горбом. И с сыном. Воспитаешь такого, не то что о ладонь – о глаз тушить сможешь.

СОБАКА (*Ере*). Эй, ты чё там ловишь? Там рыба, что ли?

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Да зачем ему рыба. Он поди уже и на икру заработал, да, Ерочка?

ЕРА. Ага, на икру. На икру трески.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. А икра трески, потвоему, не икра?

СОБАКА. Икра трески классная. Я б ща заточил пару баночек... А то на одних дошиках уже который день.

ЕРА. Да будет тебе икра трески. Узбагойзя.

СОБАКА. Ты, что ли, выловишь?

ЕРА (*огрызается*). Я, что ли.

Молчание. Свисты скворцов. Слышно, как пролетающие вертолеты опять скидывают что-то на остров.

СОБАКА. Даже валить отсюда влом. А чё, здесь хотя бы пожрать можно на халяву в столовке. Слышь, Ерыч, может, мне тут остаться?

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Нет уж, юноша, извольте меня проводить обратно, меня там сын ждёт.

СОБАКА. Да изволим, без бэ. *(Потягивается, щурится.)* Может, как-нибудь через ворота? А чё? Я до ворот провожу бабулю, а сам тут останусь.

ЕРА. А бабулю-нелегала скрутят у ворот. Отличный план.

С неба в реку падает что-то огромное.

СОБАКА. Ложись, чувак!

Ера падает на берег. Собака ложится вниз лицом, закрыв голову руками. Вероника Петровна сидит, не трогаясь с места, и курит. По реке к ребятам плывёт довольно массивный объект крупными чёрными надписями на арабском языке.

Валим! Ера, берём бабулю и валим, там бомба, чел. *(Пытается взять Веронику Петровну в охапку.)*

204

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА *(отмахиваясь от Собаки)*. Стой, стой, да что ты и вправду как собака вертишься. *(Хлопает его по заднице как следует.)* Не бомба это, дурень. Не бомба. Иди вылавливай живо.

СОБАКА. Вот это?! Вылавливать?! Ну уж нет, бабуль, давай уже паковаться в гробы и отчаливать, ей-богу. Не искушай судьбу. Тебя сын ждёт и всё такое. Давай-давай.

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Воистину дурак. Ера, ну, хоть ты будь умнее, вытащи этот ящик. Там чёрным по белому написано “гуманитарная помощь”.

СОБАКА. Фига се... Бабуль, ты арабский знаешь?

ВЕРОНИКА ПЕТРОВНА. Когда-то учила.

СОБАКА. Слава Аллаху, если это реально помощь.

Ера вытаскивает на берег огромный фанерный короб, прикреплённый к буйкам.

ЕРА. Вот тебе, Собака, и икра трески. *(Открывает ящик, заглядывает внутрь, медленно поднимает голову.)* Собак, это сюр какой-то... *(Достаёт одну за другой банки икры трески.)* Вот. Тебе. И икра. Трески. Собака, это реально икра трески. Арабская, сука, икра трески. *(Пауза.)* И кунжут ещё. Десять пачек.

Ера смотрит на небо, Собака тоже. Вероника Петровна сидит неподвижно, продолжая курить. Вдалеке на острове слышны голоса из раций: "Нашли? – Нет, здесь нету, идём к берегу".

СОБАКА *(стаскивает гробы к воде)*. Всё, бабуль, погнали. Ер, тебе сколько банок оставить?

ЕРА. Да забей, валите уже. Давай, блин, опять замету тебя.

Собака и Ера укладывают Веронику Петровну в гроб, по бокам от неё кладут максимальное количество банок с икрой трески. Закрывают крышкой, сплавляют на воду. Собака набивает свой гроб банками, отталкивается от берега с помощью Еры, у него в руках сапёрная лопатка, которой он гребёт, подталкивая впереди себя второй гроб. С острова слышен шум подходящих людей с рациями.

СОБАКА. Тебе зато кунжут остался. (Пауза.) Ну, (оглянувшись) чё ты снова встал, как вкопанный, ёпта! Камон! Иди давай, прикрывай нас. Зажги. Покажи им перформанс! Ты ж артист оркестра, Ера, первой категории, ёпта! Иди, сука, солируй! Камон! Да как тебе ещё сказать, отморозок, блин!

Ера стоит не двигаясь. Собака хватается плавающий в воде пакет кунжута, размахивается и кидает изо всех сил в Еру, пакет разрывается, Ера весь в кунжуте.

Давай, булочка с кунжутом! Камон! Беги, сука, и не оборачивайся, слышишь?! Не оборачивайся!

Шум совсем близко. Ера бежит навстречу, натывается на что-то, спотыкается, обувается, берёт палку, тут же оставляет её. Бежит навстречу людям и неистово кричит, изображая, что кунжут это насекомые. Собака убирает лопатку, закрывается крышкой в своём гробу. Крики Еры уже далеко. На берегу пусто. Вниз по течению реки плывут два гроба.

206

Сюжет

Сцена 6

Лето. Вечер. Кухня Роды и Собаки. Окна раскрыты настежь, слышен шум машин, слышны голоса подростков, играющих в футбол. На газетах стоят обновлённые в домашних условиях гробы. На столе несколько бутылок пива, башенками банок пятнадцать икры трески. Пара ба-

нок открыты и полупусты. Родя, Собака и Коленька сидят за столом. Они одеты легко, Собака вообще полураздет. Перед ними ноты, текст и стакан, полный окурков.

РОДЯ (Коленьке). Так, чувак, только если мы уже договорились, что так поём, значит так и поём, окей? И ничего мы не меняем и не придумываем находу. Вот эти цифры твои мы в другую песню вставим. Там специально будут припевы цифровые, понял?

КОЛЕНЬКА. Я стихи сочинил! Трррррр, у-а! Сто пять... Я Собаке стихи сочинил. Молчите, буду читать! (Читает.)

Собака, вы меня продуктами снабжаете,
Голодать не заставляете,
Икру трески вы привезли и молоко,
И жить мне стало так легко,
Я вам спасибо говорю,
От всей души благодарю,
Как хорошо, что вы приплыли
И мою маму притащили.

СОБАКА. Я тебе не Собака! Называй по имени, понял? Родь, это ты его научил? Чё за треш. Уже и дураки будут меня Собакой звать.

КОЛЕНЬКА. Я не дурак. Я солнце русской поэзии!

СОБАКА. Пушкин.

КОЛЕНЬКА. Не Пушкин. Солнце русской поэзии дома сорок два. Коля Романов я. Корпус два. Квартира двенадцать.

РОДЯ (Собаке). Понял, чувак? Это тебе не шубу в трусы заправлять.

Сцена 7

Лефортовский тоннель, самая его середина. Грохот проносящихся машин. Яркий свет. Сбоку стоит такси-минивэн на аварийках. Время от времени проезжающие мимо машины сигналият ему. В нескольких шагах на бортике, идущем по краю тоннеля, сидит скрестив ноги, Ера. Возле него стоит бумажный стаканчик с латте из “Кофемании” и пакетик с надписью “Веджи-супер-органик”. Ера достаёт оттуда бургер и ест его медленно, иногда вздрагивая от звуков проезжающих фур.

Алексей Понедельченко

ОТ ОТБОЯ
ДО ПОДЪЕМА

Местами смешная история

Действующие лица:

СТЕКЛОВ – лейтенант.

ОЛЬГА – его жена.

ПЕЛЕВИН – майор.

БОНДАРЧУК – старшина.

АЛИХАНОВ – ефрейтор.

АРСЁНОВ – рядовой.

КУЧИН – рядовой.

БАНДУРА Михаил Иванович – гвардии рядовой.

Пьеса написана в 2020 году на фабрике нарративного театра «Дисциплина» в Новосибирском театре «Старый дом».

Картина 1

Инструктаж

Штаб. Окно. Стол, два стула, кровать, на которой в одежде дремлет Пелевин.

Стук в дверь.

ПЕЛЕВИН. Да!

СТЕКЛОВ (*входит*). Товарищ майор, лейтенант Стеклов на инструктаж прибыл!

ПЕЛЕВИН. Стеклов, я разве разрешал тебе входить?

СТЕКЛОВ. Никак нет.

ПЕЛЕВИН. Выйди и зайди как следует.

Стеклов выходит, Пелевин встаёт с кровати и заправляет её.

Стук в дверь.

Да!

Дверь открывается.

СТЕКЛОВ. Товарищ майор, разрешите войти?

ПЕЛЕВИН. Войдите, товарищ лейтенант.

Стеклов входит.

СТЕКЛОВ. Товарищ майор, лейтенант Стеклов на инструктаж прибыл!

ПЕЛЕВИН. Стеклов, я тебе, кажется, только войти разрешил.

Стеклов выходит и стучится снова.

ПЕЛЕВИН. Крайняя попытка.

Дверь открывается.

СТЕКЛОВ. Разрешите войти, товарищ майор?

ПЕЛЕВИН. Войдите, товарищ лейтенант.

Стеклов входит.

СТЕКЛОВ. Товарищ майор, разрешите обратиться?

ПЕЛЕВИН. Попробуй.

СТЕКЛОВ. Товарищ майор, лейтенант Стеклов на инструктаж по случаю суточного наряда прибыл.

ПЕЛЕВИН. Я счастлив. Представляешь, Стеклов, сегодня утром я побывал у себя дома, на малой родине! Иду себе, значит, на службу, вижу солдатик бежит с пакетом печенья за пазухой. Я поймал его и спрашиваю: “Ты откуда, чудовище?” А он, оказывается, из Омска. И я из Омска. А земляку накостылять как дома побывать. Вот я и побывал. Казалось бы, чего тут такого? Ну, сбежал солдатик за забор, ну, купил там сладостей, ну, сожрал их. Ничего страшного вроде. Но на моей совести есть такой же мальчиш-плохиш. Только дело было не здесь, а в командировке, бегал он не в магазин, а в деревню, и не за печеньками, а за кое-чем посерьезнее. Знаешь, что с ним случилось в этой деревне?

СТЕКЛОВ. Никак нет.

ПЕЛЕВИН. Лучше тебе и не знать. Видел у нас на плацу памятник с фамилиями погибших?

СТЕКЛОВ. Видел, товарищ майор.

ПЕЛЕВИН. Четвёртая сверху фамилия – его. А всё почему? А потому что мало бляхой по заднице получал. А вот кто получал достаточно, те пришли домой живыми и здоровыми. Сейчас звонят, с двадцать третьим февраля поздравляют. Раньше солдаты гибли на поле боя от вражеских пуль, а сегодня гибнут на ровном месте из-за собственной тупости, баб и пряников. *(Открывает ящик стола и достаёт оттуда пакет с печеньем.)* Знаешь, что это?

СТЕКЛОВ. Печенье, товарищ майор.

ПЕЛЕВИН. Это не просто печенье, это – солдатская смерть. Угощайся, кстати. Зря что ли боец по шее получил?

СТЕКЛОВ. Спасибо, товарищ майор.

ПЕЛЕВИН. Другой пример. Видишь, принтер на столе стоит?

СТЕКЛОВ. Никак нет.

ПЕЛЕВИН. И я не вижу. А по описи, кстати, числится. Год назад двое дегенератов самовольно оставили расположение части и прихватили с собой штабной принтер. Беглецов поймали, арестовали, а вот принтера след простыл. Знаешь, почему так произошло? Потому что дежурный офицер, такой же молодой лейтенант, решил ночью вздремнуть. И пока он спал, у него из под носа две обезьяны утащили ценную вещь. Понимаешь, к чему я веду?

СТЕКЛОВ. Так точно, товарищ майор. Во время дежурства никакого сна!

ПЕЛЕВИН. Вам в училище что-нибудь рассказывали о том, что находится в голове у солдата?

СТЕКЛОВ. Никак нет.

ПЕЛЕВИН. Твои предположения?

СТЕКЛОВ. Ну...

ПЕЛЕВИН. Хрен гну. Сколько ты уже служишь в нашем подразделении?

СТЕКЛОВ. Вторую неделю, товарищ майор.

ПЕЛЕВИН. Две недели, а всё какой-то потерянный. Давай, своими словами. Как ты считаешь, что находится в голове солдата российской армии?

СТЕКЛОВ. Товарищ майор, я никогда об этом не задумывался.

ПЕЛЕВИН. Самое время начать. Я за восемнадцать лет службы вывел вот такую теорию. В центре солдатской черепной коробки находится мозг, величиной с грецкий орех. От этого маленького мозга в разные стороны тянется несколько резинок. Когда боец находится в состоянии покоя, в его голове не происходит никаких мыслительных процессов. Но стоит только приложить к солдату грубую физическую силу, как мозг начинает хаотично двигаться на этих самых резиночках. В результате этого броуновского движения боец начинает соображать. Единственное, что не укладывается в мою теорию, это ночное поведение солдата. Стеклов, у тебя есть кот?

СТЕКЛОВ. Кот?

ПЕЛЕВИН. Так точно. Кот.

СТЕКЛОВ. Живой?

ПЕЛЕВИН. Желательно.

СТЕКЛОВ. Никак нет, товарищ майор, кот у меня отсутствует.

ПЕЛЕВИН. И никогда не было?

СТЕКЛОВ. Никак нет.

ПЕЛЕВИН. Собака?

СТЕКЛОВ. Собаки тоже не было, товарищ майор.

ПЕЛЕВИН. Рыбки?

Стук в дверь.

Да!

На пороге стоят Алиханов и Кучин.

АЛИХАНОВ. Разрешите войти, товарищ майор?

ПЕЛЕВИН. Войдите.

Входят Алиханов и Кучин.

АЛИХАНОВ. Товарищ майор, разрешите обратиться?

ПЕЛЕВИН. Обратись.

АЛИХАНОВ. Товарищ майор, разрешите забрать кровать гвардии рядового Бандуры?

ПЕЛЕВИН. Забирайте.

КУЧИН. Товарищ майор, разрешите обратиться к товарищу лейтенанту?

ПЕЛЕВИН. Да.

КУЧИН. Товарищ лейтенант, разрешите пройти к кровати?

СТЕКЛОВ. Конечно, проходите.

Алиханов и Кучин поднимают кровать.

АЛИХАНОВ. Товарищ майор, разрешите идти?

ПЕЛЕВИН. Идите.

Алиханов и Кучин уносят кровать.

На чём мы остановились?

СТЕКЛОВ. Хомяк, товарищ майор.

ПЕЛЕВИН. Что хомяк?

СТЕКЛОВ. У меня лично был только хомяк. Буцефал.

ПЕЛЕВИН. Буцефал? Порода такая?

СТЕКЛОВ. Кличка.

ПЕЛЕВИН. А... Ну, да. А у меня дома живёт кот. Жена притащила откуда-то. Она у меня добрая, животных любит. Днём совершенно нормальное создание. Всегда на виду, ходит по квартире, что-то там себе думает, в окно смотрит. Команды даже понимает простые типа “нельзя”. Но это всё днём. Как ночь, так начинается свистопляска. Скачет как чёрт по квартире. Тыгыдык-тыгыдык! Чем-то шуршит в прихожей. Жрёт герань на кухне. Может обгадиться мимо горшка. Однажды попытался сбежать через приоткрытое окно, застрял и как давай блажить, всех соседей разбудил. И вот так всю ночь. Настоящее стихийное бедствие. Это я всё к чему? Солдат срочной службы мало чем отличается от кота. Днём всё нормально, но как только наступает ночь, вселяется в солдата нечистая сила. Стеклов, тебя в училище учили бороться с нечистой силой?

СТЕКЛОВ. Никак нет.

ПЕЛЕВИН. Чему вас там вообще учили? Ладно, рассказываю. Перво-наперво нам понадобится свя-

щенное писание. *(Достаёт из стола Устав.)* Вот оно! Здесь есть ответы на все вопросы. Книга книг. В ней же написаны твои должностные обязанности. Их нужно знать наизусть и если что-то идёт не так, повторять про себя. Это понятно?

СТЕКЛОВ. Так точно, товарищ майор!

ПЕЛЕВИН. Чего ещё боится нечистая сила? Даю подсказку: этим окропляют помещения, где водятся бесы.

СТЕКЛОВ. Вода?

ПЕЛЕВИН. Именно. Без воды никак. Во всех помещениях нашего маленького, но гордого подразделения должна быть произведена максимально влажная уборка. Если дневальный не моет пол, значит он либо спит, либо жрёт. Последствия и того, и другого мы только что обсудили. Идём дальше. Что делают с домом, в котором происходят паранормальные явления?

СТЕКЛОВ. Этот дом освящают, товарищ майор.

ПЕЛЕВИН. Правильно. Поэтому я настоятельно советую тебе обзавестись фонариком. Очень помогает для освещения не только подозрительных помещений, а вообще чего угодно. Ты, наверное, уже заметил, что в нашем военном городке периодически отключают электричество? Так что фонарик не помешает в любом случае.

СТЕКЛОВ. Есть обзавестись фонариком.

ПЕЛЕВИН. И, наконец, самое главное в борьбе с нечистой силой – наука! А какая наука, товарищ лейтенант, у нас самая главная? На “м” начинается, на “а” кончается.

СТЕКЛОВ. Медицина?

ПЕЛЕВИН. Хороший вариант, но нет. Медицина – это лишь частный случай ветеринарии. А главная наука, товарищ лейтенант, это математика. Ты, Стеклов, считать умеешь?

СТЕКЛОВ. Так точно, умею.

ПЕЛЕВИН. Упор лежа принять. Пять отжиманий.

Стеклов растерянно смотрит на Пелевина и на пол.

Ну, чего смотрим? Пять отжиманий, я приказываю!

СТЕКЛОВ (*встаёт в упор лежа и отжимается пять раз. Поднимается*). Товарищ майор, лейтенант Стеклов пять отжиманий выполнил.

ПЕЛЕВИН. Не верю. Ты же не считал.

СТЕКЛОВ (*снова встаёт в упор лежа и начинает отжиматься*). Один, два, три, четыре, пять! (*Поднимается.*)

ПЕЛЕВИН. Вот вижу, что умеешь! А теперь о том, как всё это использовать на практике. Слушай и запоминай. Самое главное в суточном наряде – без происшествий провести время от отбоя до подъёма. Ночь – это единственное время суток, когда солдаты предоставлены сами себе. Именно ночью происходят девять из десяти происшествий. Когда темнеет, бойцы начинают бегать в самоволки, употреблять спиртные напитки, заниматься неуставными взаимоотношениями. Вот мы с тобой тут разговариваем, а в роте все уже знают, что этой ночью дежурить будет молодой лейтенант. А лейтенант, это кто такой вообще? Проме-

жуточное звено между обезьяной и человеком. Солдаты это хорошо понимают и наверняка уже что-нибудь задумали. А твоя задача предотвратить задуманное. Чтоб ни одна обезьяна не покинула территорию зоопарка. Понятно?

СТЕКЛОВ. Так точно!

ПЕЛЕВИН. Для этого ты, с помощью науки, фонарика, как написано в священном писании, несколько раз за ночь пересчитываешь личный состав и сверяешь свои полученные данные с книгой вечерней проверки. Всё должно сходиться тело в тело. Советую считать по головам, это очень важно, солдаты – хитрые существа. Если солдат накрыт одеялом с головой, то это запросто может быть не солдат, а чучело из бушлата и ватных штанов. Далеко не всегда видимое оказывается реальным, а реальное видимым.

СТЕКЛОВ. Товарищ майор, разрешите вопрос?

ПЕЛЕВИН. Давай.

СТЕКЛОВ. Что делать в случае, если обезьяна всё же смогла покинуть территорию зоопарка?

ПЕЛЕВИН. Это считается происшествием, о котором ты должен немедленно доложить мне посредством телефонной связи. В этом вопросе я бы рекомендовал обойтись без самодеятельности. Ночью тебя навестит кто-нибудь из проверяющих офицеров. Например, я. Так что будь в готовности отвечать за всех и каждого.

СТЕКЛОВ. Товарищ майор, по уставу на следующие сутки после дежурства я имею право на выходной. Могу ли я им воспользоваться?

ПЕЛЕВИН. Да ради бога. Если во время дежурства не случится происшествий, то сдашь свой наряд и в течение суток отдыхай сколько тебе угодно.

СТЕКЛОВ. А если случится?

ПЕЛЕВИН. А если случится, то вместо выходного, во-первых, получишь взыскание, а во-вторых, заступишь в наряд ещё на одни сутки. Ещё вопросы?

СТЕКЛОВ. Вопросов больше не имею, товарищ майор. Разрешите идти?

ПЕЛЕВИН. Иди. Децибелу привет.

СТЕКЛОВ. Кому?

ПЕЛЕВИН. Хомяку твоему.

СТЕКЛОВ. Буцефалу? Он давно умер.

ПЕЛЕВИН. Умер? Чего это вдруг?

СТЕКЛОВ. Я выставил его клетку на окно и забыл. Было лето и Буцефал спёкся на солнышке. Товарищ майор, разрешите идти?

ПЕЛЕВИН. Иди.

Стеклов уходит.

И вот как такому солдат доверять?

Картина 2

В общежитии

Комната в общежитии. Стол, пакет с печеньем, два стула. Чашки, ложки, чайник. Стеклов сидит за столом.

ОЛЬГА. Чай будешь пить?

СТЕКЛОВ. А к чаю есть что-нибудь?

ОЛЬГА. Да. Я сегодня тут неподалёку военторг разведала и заодно печенья купила. *(Достаёт из стола пакет печенья.)* Знаешь, как называется? Ни за что не догадаешься!

СТЕКЛОВ. Солдатская смерть?

ОЛЬГА. Так нечестно, ты знал! У меня что-то мороз по коже от таких названий. А главное, солдаты за этим печеньем только и успевают бегать! Со мной в очереди трое стояло. Худые такие, голодными глазами на витрины смотрят.

СТЕКЛОВ. Это молодняк. В призывной иерархии их называют дүхами.

ОЛЬГА. И берут не по весу, а сколько за пазуху влезет. Если бы я столько печенья ела, я бы в дверной проём уже через месяц не пролезла. А эти ещё и через забор трехметровый скачут как кони.

СТЕКЛОВ. Они не себе это печенье берут. Их дембеля посылают.

ОЛЬГА. Представляю как это выглядит: “Эй, дух, я посылаю тебя за смертью! Принеси мне полную за пауху! Вот тебе две монетки!” Гоголевщина какая-то...

СТЕКЛОВ. Я сейчас на инструктаже был. Мне там майор целую лекцию прочёл о том, как правильно бороться с нечистой силой.

ОЛЬГА. И как же?

СТЕКЛОВ. С помощью священного писания, науки и воды. Главное, говорит, продержаться от заката

до рассвета, вернее, от отбоя до подъёма. Ночью, дескать, в солдата вселяется демон и начинает он творить незнамо чё. Я его слушаю и думаю: “Что бы вы, товарищ майор, в этих делах понимали!”

ОЛЬГА. Сказал выпускник Хогвартса лейтенант Стеклов.

СТЕКЛОВ. Чего-чего выпускник?

ОЛЬГА. Хогвартса. Гарри Поттера не читал? Там про школьника, который магией занимался.

СТЕКЛОВ. Не, это всё мимо меня прошло.

ОЛЬГА. Много потерял.

СТЕКЛОВ. Да ну, это же всё выдумки. Меня в детстве родители каждые каникулы к деду с бабкой в деревню отправляли. Так я там такого насмотрелся, Гарри Поттер твой рядом не валялся.

ОЛЬГА. Воу-воу! Настало время упоительных историй!

СТЕКЛОВ. Короче, вызывали мы с пацанами как-то раз в бане Бабку-матершинницу.

ОЛЬГА. Ха-ха-ха!

СТЕКЛОВ. Да ты дослушай!

ОЛЬГА. Гарри Поттер и Бабка-матершинница! Режиссер Вячеслав Котёночкин! Ой, не могу...

Стеклов замолкает.

И что дальше было?

СТЕКЛОВ. Да, ничего. Я, может быть, впервые в жизни это кому-то рассказываю, а ты ржёшь.

ОЛЬГА. Всё, не буду. Честно-честно.

СТЕКЛОВ. Короче, вызывали мы Бабку-матершинницу. Поставили два зеркала друг напротив друга, свечку зажгли и говорим: “Бабка-матершинница, приходи!”

ОЛЬГА. И что, пришла?

СТЕКЛОВ. В предбаннике таз на пол грохнулся и чей-то голос как давай материться.

ОЛЬГА. Реально?

СТЕКЛОВ. Да. Как мы со страху оттуда дёрнули! Я об таз запнулся, упал, башку об скамейку разбил. Вроде поцарапал только, а кровищи! Домой из бани забегаю, морда красная, ору: “В бане Бабка-матершинница”, и под стол. Дед ружьё схватил и в баню побежал. Я под столом сижу, дрожу, заикаюсь.

ОЛЬГА. Ужас какой. И что это было? Кто матерился? Отчего таз упал?

СТЕКЛОВ. Да чёрт его знает. Дед пришёл, ружьё обратно спрятал, сказал, чтоб дурью не маялись больше. Мне голову зелёной помазали и отправили спать. А я всю ночь заснуть не мог, боялся. Потом вторую ночь не спал, потом третью. А потом кто-то из пацанов сказал, что Бабка уйдёт, если три дня не материться. А я в детстве вообще не матерился. Да и попустило как-то. В общем, на четвертый день поспал кое-как.

ОЛЬГА. Это ты поэтому теперь неделями можешь не спать?

СТЕКЛОВ. Ну, не неделями, конечно. Но три дня без сна легко обхожусь. Потом тупить начинаю.

ОЛЬГА. И всё-таки, кто у вас там в бане матерился? Вам, может, показалось? Таз сам упал, а вы кол-

лективную галлюцинацию словили. И нет тут никакой мистики.

СТЕКЛОВ. Не веришь, значит?

ОЛЬГА. Почему же не верю, верю. Ты же врать не умеешь. Просто мне кажется, что ничего такого особенного тут нет. Детская впечатлительность плюс случай.

СТЕКЛОВ. А через год дед умер.

ОЛЬГА. Совпадение.

СТЕКЛОВ. Это я уже другое рассказываю. Дед умер через год. В той самой бане парился, в голове сосуд лопнул и конец. Скорая пока с райцентра приехала, пока до больницы довели, а дед уже всё. В часовне отпели, похоронили, всё как положено. Дом так опустел сразу. Бабка с утра на кладбище уйдет и сидит там целый день, горюет. В первую весну цветов на могилу насадила всяких. Они вырастут, она их срежет, домой принесёт и говорит, что это ей дед подарил.

ОЛЬГА. Ой, как жалко-то... Бедная женщина.

СТЕКЛОВ. Ну, и вот приехал я на весенние каникулы. Бабка на кладбище ушла, дверь на замок закрыла. А мне делать нечего, сижу, сам с собой в шахматы играю. Смотрю, значит, на доску и что-то задумался. И тут меня по плечу кто-то легонько так потрепал, мол, чего спишь, твой ход. Я глаза поднимаю, а напротив дед сидит.

ОЛЬГА. Тебе приснилось, наверное. У меня папа когда умер, он мне тоже снился. И сны такие реалистичные были.

СТЕКЛОВ. Это не всё ещё. Играем мы, значит, в шахматы, и дед говорит: “Всё там хорошо, тишина,

спокойствие, только вот холодрыга. Скоро Пашка придёт, сосед. Вы там через него передайте покрывалко какое похуже и которое не жалко”. И что ты думаешь? Деда Паша, через два дома жил, через три дня помер. Дрова колол, плохо стало, сел на пенёк и уже не встал.

ОЛЬГА. Вот это да. И что с покрывалом?

СТЕКЛОВ. Я бабке рассказал всё. Она самое красивое покрывало выбрала, с журавликами, его к соседу в гроб и положили.

ОЛЬГА. И что, передал?

СТЕКЛОВ. Не знаю. Наверное, передал. Во всяком случае, дед больше не являлся. Так что вот. А ты говоришь, Гарри Поттер. Гарри Поттер – это для школьников, которые жизни не видели.

ОЛЬГА. Кстати, о жизни. Я вчера со Светкой созванивалась. Их с Максом куда-то на край географии распределили. На этот, как его, остров как труп, только не труп.

224

СТЕКЛОВ. Итуруп?

ОЛЬГА. Во, он самый. Мы с ней поговорили, мне аж плохо стало.

СТЕКЛОВ. Что там?

ОЛЬГА. Они прилетели туда на самолёте, который по пути чуть не развалился и в море не упал. Прилетели, а с аэродрома там ещё пешком надо идти километра три. Их ведут, а вокруг, представляешь, дома без окон, без дверей, только проёмы чернеют. Макс подумал, что это полигон какой-то, где учения проходят и бои в городе отрабатывают. А это, оказывается, воен-

ный городок, там люди живут. Поселили их в какую-то хату...

СТЕКЛОВ. Без окон?

ОЛЬГА. Не, их дом единственный с окнами. И к ним уже в первую ночь кто-то залезть пытался. Оказывается, там надо на дверях писать, что квартира жилая. Иначе местные кладоискатели подумают, что ничья и всё вынесут. Светка в шоке. Нафига я, говорит, туда попёрлась, декабристок вроде бы не было в роду. Ей теперь кошмары снятся, будто она решила оттуда сбежать, а самолёт в воздухе сломался и в море падает. Я её послушала и такая: "Да-а-а, мне ещё повезло. Я, если что, чемоданчик собрала, села в поезд и гудбай, Америка, у-у-у! Где не буду никогда!"

СТЕКЛОВ. В смысле, села в поезд?

Молчание.

Какой ты чемоданчик собирать собралась?

ОЛЬГА. Олег, мне мама звонила...

СТЕКЛОВ. Понятно.

ОЛЬГА. Что тебе понятно? Она меня зовёт домой. Хочет пирог к моему дню рождения испечь. Подарок какой-то приготовила.

СТЕКЛОВ. Пусть сама приезжает, какие проблемы? У нас с тобой теперь свой дом, и он здесь!

ОЛЬГА. Это не дом, это комната в общежитии на окраине города, из которого все валят. Ты весь день на службе, а я тут сижу одна в этом квадрате. Даже сходить некуда.

СТЕКЛОВ. Слушай, мы тут живём только вторую неделю, это во-первых. Во-вторых, мне тоже нелегко сейчас. Я единственный в части вновь прибывший. Надо мной похихикивают все, всерьёз никто не воспринимает. Майор меня сегодня на инструктаже отжиматься заставил, будто я не лейтенант, а не знаю, ефрейтор-срочник какой-то. Разговаривает со мной как с идиотом. А я не идиот, я офицер! Я специалист! У меня в училище больше ста караулов было и ни одного косяка. Полное личное дело благодарностей и ни одного взыскания. И по спецуре сплошные “отлично”, а что в итоге? А в итоге: “Стеклов, ты не так зашёл, выйди и зайди ещё раз!”. Тьфу ты! И вот я прихожу домой и ты мне тут такое заявляешь!

ОЛЬГА. Ну, так давай вместе отсюда уедем. Увольняйся!

СТЕКЛОВ. В смысле, увольняйся? Это тебе не кроссовки на барахолке продавать, захотел – пришёл, а захотел – ушёл. Надо хотя бы первый контракт отслужить.

ОЛЬГА. Моя мама, между прочим, торгуя на барахолке, на нормальную квартиру заработала, а не на казённую комнату в панельке.

СТЕКЛОВ. В двадцать три года? Слушай, я всё понимаю. Мне тоже сейчас не просто, я тоже на нервах и мне тоже здесь далеко не всё нравится. Но при этом я уверен, что это всё временно. Новый город, новые люди, новая обстановка. Всё новое. Сейчас обживёмся, познакомимся тут со всеми. Приличные люди везде есть. А у тебя просто стресс от смены обстановки. Как мне тебе помочь, скажи? Что я должен сделать?

ОЛЬГА. У меня день рождения послезавтра. Когда я представляю, что буду его встречать одна в этой обшлагае, мне плохо становится.

СТЕКЛОВ. Почему одна? А как же я?

ОЛЬГА. Ты на службе будешь.

СТЕКЛОВ. Нет. У меня с сегодня на завтра наряд, а потом мне по уставу выходной положен. Я на инструктаже этот вопрос специально задавал. Майор говорит, всё ок, сдаю наряд и следующие сутки свободен.

ОЛЬГА. Ты в прошлом году тоже обещал, а в итоге я весь вечер тебя прождала. И не дождалась...

СТЕКЛОВ. Слушай, год назад в училище ЧП случилось. Я такого и предположить не мог. В этот раз всё нормально будет. Сегодня заступаю, завтра сдаюсь, послезавтра празднуем твой день рождения. Точка. Я гарантирую это!

Ольга подходит к Олегу и обнимает его.

ОЛЬГА. Извини, пожалуйста. Обними меня покрепче. Я правда как-то неуютно себя здесь чувствую, когда тебя нет. Тут все люди какие-то странные. Вчера окно открыла проветрить, слышу женские голоса. А это три каких-то бабы на одном балконе сидят, курят и обсуждают чей муж какую надбавку получает, что прививки ставить нельзя, теории заговора какие-то. Было душно, а стало ещё душнее. Я слушала и думала, не дай бог мне в такую халду превратиться. И тут мама позвонила.

СТЕКЛОВ. Знает, когда позвонить.

ОЛЬГА. Ты если врать не умеешь, то хотя бы просто молчи иногда.

СТЕКЛОВ. Да, конечно, прости. Твоя мама – хорошая женщина и очень тебя любит. А тут я, нищеврод в погонах. Такой себе зять.

ОЛЬГА. Зато самый лучший муж. Люблю тебя.

СТЕКЛОВ. А я тебя.

ОЛЬГА. Мы, правда, послезавтра будем вместе?

СТЕКЛОВ. Правда.

ОЛЬГА. Маме тогда скажу, что как-нибудь в другой раз приеду. Скучаю по ней тоже. Характер у неё не подарок, конечно. Но она не всегда такой была.

СТЕКЛОВ. У тебя лучшая в мире мама. А ты лучшая в мире дочь и жена. До сих пор не понимаю, за что мне такая досталась?

ОЛЬГА. Хорошо, что мы тогда встретились.

Некоторое время оба молчат.

СТЕКЛОВ. Время уже. Пора на построение топать. Опаздывать нельзя. Завтра в обед постараюсь забежать, а сегодня ночью буду, как говорит тащ майор, бороться с нечистой силой.

ОЛЬГА. Ни пуха.

СТЕКЛОВ. К чёрту!

Картина 3

Вечерняя поверка

Расположение роты. “Тумбочка” дневального, две кровати. Алиханов с повязкой дежурного по роте стоит на “тумбочке” дневального.

АЛИХАНОВ. Рота, строиться на вечернюю поверку!

Арсёнов и Кучин встают в одну шеренгу. Бондарчук раскрывает книгу вечерней поверки и готовится ручкой делать в ней отметки.

БОНДАРЧУК. Равняйся! Смирно! Слушаем список вечерней поверки. Гвардии рядовой Бандура Михаил Иванович.

Тишина.

Не понял. Гвардии рядовой Бандура Михаил Иванович.

Тишина.

Арсёнов, ты ничего нам сказать не хочешь? Гвардии рядовой Бандура Михаил Иванович.

АРСЁНОВ. Умер.

БОНДАРЧУК. В смысле, умер?

АРСЁНОВ. Ну чего ты пристал? Мне до дома неделя осталась.

БОНДАРЧУК. И что? Так, ещё раз. Равняйся, смирно, слушаем список вечерней поверки. Гвардии рядовой Бандура Михаил Иванович.

АРСЁНОВ. Слушай, я уже год эту чушь повторяю. Мне в падлу. Я слишком устал от этого дерьма.

БОНДАРЧУК. Что ты сказал?

АРСЁНОВ. Я говорю, что мне твой Бандура попере́к горла уже стоит. Назначь вон, Кучу, что ли.

БОНДАРЧУК. Не понял. Тебе что, чудовище, воздух свободы задницу защекотал или что? Я ща защекочу! Ну-ка, Куча, поддержи книгу.

Бондарчук отдаёт книгу вечерней поверки Кучину.

АРСЁНОВ. Чего ты начинаешь, а? Тебе самому не надоел ещё этот цирк?

БОНДАРЧУК. Цирк?

Бондарчук хватается Арсёнова за ворот кителя и отталкивает в сторону.

Ты что, тварь, берега попутал? Если для тебя это цирк, тогда я в нём дрессировщик и укротитель тупорылых обезьян вроде тебя. Упор лёжа принять!

АРСЁНОВ. Ты чего?

БОНДАРЧУК. Упор лёжа принять, я сказал!

Бондарчук хватается Арсёнова и бросает на пол. Арсёнов встаёт в упор лёжа.

230

Раз! Два! Раз! Два!

Арсёнов отжимается от пола.

Полтора!

Гаснет и тут же зажигается свет. Арсёнов замирает на полусогнутых руках.

Для оборзевших дембелей и всех остальных хочу напомнить о том, кто такой гвардии рядовой Бандура. В марте сорок пятого года, уже в последние дни войны,

наша рота в составе батальона пехотного полка вступила в бой под Будапештом. Арсёнов, ты знаешь, где находится Будапешт?

Арсёнов молчит, продолжая стоять в упоре лежа.

БОНДАРЧУК. Рядовой Кучин.

КУЧИН. Я!

БОНДАРЧУК. Ты же из Москвы?

КУЧИН. Так точно, товарищ старшина!

БОНДАРЧУК. Где находится Будапешт?

КУЧИН. Товарищ старшина, город Будапешт находится в Венгрии и является её столицей.

БОНДАРЧУК. Всё верно, Кучин, молодец. А теперь повтори это для вон того дембеля. Арсёнов, команда была полтора!

КУЧИН. Город Будапешт находится...

БОНДАРЧУК. Да ты ближе к нему подойди, а то ему за годы службы уши заложило. У нас же тут пули над головами свистят, снаряды рвутся!

Кучин подходит к стоящему в упоре лёжа Арсёнову.

Вот так. Давай, где находится Будапешт?

КУЧИН. Будапешт находится в Венгрии и является её столицей.

БОНДАРЧУК. Схватка с врагом приняла особо ожесточенный характер. Нацисты не хотели отдавать Венгерские нефтяные месторождения. Можно сколько

угодно быть сильным, смелым, ловким, умелым, но твой танк всё равно не поедет без горючего. Именно поэтому немцы бросили на эту операцию все свои силы. В критический момент боя за какую-то безымянную венгерскую деревню, вооруженный лишь двумя противотанковыми гранатами красногвардеец Бандура бросился под самоходную установку противника и уничтожил её ценой собственной жизни. Своим поступком он обеспечил наступление батальона, спас своих боевых товарищей, был посмертно удостоен звания Героя и навечно, слышите меня, навечно зачислен в списки родной части. С тех пор каждый день на вечерней поверке мы вспоминаем имя Михаила Бандуры. Рядовой Кучин...

КУЧИН. Я!

БОНДАРЧУК. ...что должен был сказать рядовой Арсёнов, услышав фамилию Бандуры?

КУЧИН. Герой Советского Союза, смертью храбрых пал в бою с фашизмом, навечно зачислен в списки части.

БОНДАРЧУК. Повтори это ещё раз для нашего дембеля. Только громче.

КУЧИН. Гвардии рядовой Бандура, герой Советского Союза, смертью храбрых пал в бою с фашизмом, навечно зачислен в списки части.

БОНДАРЧУК. Громче! В ухо ори ему, чтоб дошло!

КУЧИН. Герой Советского Союза, смертью храбрых пал в бою с фашизмом, навечно зачислен в списки части.

БОНДАРЧУК. Если кто-то считает, что прослужив тут год или два, он получает какие-то привилегии, что может вести себя как аборт и называть солдатский подвиг дерьмом, то этот кто-то сильно заблуждается. Полтора, Арсёнов! Пока существует российская армия, пока существует наше подразделение, пока я здесь старшина, каждый божий день на вечерней поверке мы будем вспоминать подвиг рядового Бандуры. Для него в нашей роте стоит свободная койка и тумбочка. На него выделяются сигареты, мыло и прочее довольствие. Да, физически парень погиб. Но герой и его подвиг бессмертны. Гвардии рядовой Бандура продолжает служить в нашем подразделении, бегать с нами на зарядку, ездить на учения, ходить в поля и спать в этой койке. Это всем ясно? А с теми, кому на это плевать, кто слишком стар для всего этого, с такими чертами я буду бороться всеми доступными мне способами. Арсёнов!

АРСЁНОВ. Я.

БОНДАРЧУК. Ты, кажется, у нас в ментовку собирался после армии?

Арсёнов молчит.

Отвечай, чудовище!

АРСЁНОВ. Собирался.

БОНДАРЧУК. Как положено отвечай.

АРСЁНОВ. Так точно, товарищ старшина. После службы в вооруженных силах планирую поступить на службу в МВД.

БОНДАРЧУК. Хочешь, я поговорю с майором Пелевиным? Он тебе такую характеристику напишет, с

которой тебя в ментовку даже сортиры мыть не примут. Уж что-что, а характеристики Пелевин писать умеет! Хочешь?

АРСЁНОВ. Нет.

БОНДАРЧУК. Не слышу.

АРСЁНОВ. Никак нет, товарищ старшина!

БОНДАРЧУК. Ты осознал свою ошибку? Или ты по-прежнему стар для всего этого дерьма?

АРСЁНОВ. Осознал.

БОНДАРЧУК. Не слышу!

АРСЁНОВ. Товарищ старшина, рядовой Арсёнов свою ошибку осознал. Отныне и впредь этого больше не повторится!

БОНДАРЧУК. Встать!

Арсёнов встает.

Привести в порядок внешний вид и занять своё место в строю. Кучин, давай мне книгу и становись в строй. Ефрейтор Алиханов, объявить вечернюю поверку.

234

АЛИХАНОВ. Рота, на вечернюю поверку становись!

БОНДАРЧУК. Равняйся. Смирно! Слушаем список вечерней поверки. Гвардии рядовой Бандура Михаил Иванович!

АРСЁНОВ. Герой Советского Союза, смертью храбрых пал в бою с фашизмом, навечно зачислен в списки части.

БОНДАРЧУК. Гвардии рядовой Бандура Михаил Иванович.

Сюжет

АРСЁНОВ. Герой Советского Союза, смертью храбрых пал в бою с фашизмом, навечно зачислен в списки части.

БОНДАРЧУК. Гвардии рядовой Бандура Михаил Иванович.

АРСЁНОВ. Герой! Советского! Союза! Смертью! Храбрых! Пал! В бою! С фашизмом! Навечно! Зачислен! В списки! Части!

Гаснет и зажигается свет.

БОНДАРЧУК. Вот совсем другое дело. Сразу понятно, что солдат Бандура находится с нами в одном строю, как и должно быть. Ставим плюстик. Ефрейтор Алиханов.

АЛИХАНОВ. Я!

БОНДАРЧУК. Рядовой Арсёнов.

АРСЁНОВ. Я!

БОНДАРЧУК. Рядовой Кучин.

КУЧИН. Я!

Бондарчук поворачивается в зал и зачитывает несколько фамилий находящихся в зале зрителей, которые когда-то служили в армии. Услышав свою фамилию, каждый из названных отвечает: "Я!"

БОНДАРЧУК. Вечерняя поверка закончена. Вольно. Кучин!

КУЧИН. Я!

БОНДАРЧУК. Напомни нам всем, зачем всё это делается?

КУЧИН. С давних времён, если солдат не откликнулся на вечерней поверке и никто не мог ответить за него, то такого бойца записывали в погибшие.

БОНДАРЧУК. Или в дезертиры. Красногвардеец Бандура не является ни тем, ни другим, потому что он продолжает служить с нами в одном подразделении и оставаться нашим боевым товарищем.

АЛИХАНОВ. Рота, до отбоя осталось пять минут.

Арсёнов раздевается, расправляет койку и ложится в неё. Бондарчук направляется к выходу.

Товарищ старшина, разрешите уточнить место вашего убытия?

БОНДАРЧУК. Домой пойду. Отдохну от вас. (*Уходит.*)

АЛИХАНОВ. Рота, отбой!

АРСЁНОВ. Спасибо, родной. Мы поспим, а ты стой.

Арсёнов поворачивается к койке Бандуры.

Спокойной ночи, гвардии рядовой Бандура Михаил Иванович, герой Советского... (*Зевает и умолкает.*)

Гаснет свет. Включается дежурное освещение.

Картина 4 Где Бандура?

Расположение роты. Сумрак дежурного освещения. “Тумбочка” дневального, ведро с водой, по-

*ловая тряпка. Алиханов стоит на “тумбочке”.
Кучин моет пол. Арсёнов спит.*

АЛИХАНОВ. Скажи мне, Куча, ты зачем в армию пошёл?

КУЧИН. Дурак потому что.

АЛИХАНОВ. Ну, это само собой. Только это причина, а не цель.

КУЧИН. А ты зачем пошёл?

АЛИХАНОВ. Чтобы в тюрьму попасть.

КУЧИН. В тюрьму?

АЛИХАНОВ. В неё родимую. А чего ты так удивился? У нас в посёлке кроме тюрьмы работать больше нигде. А без армии в тюрьму не берут. Вот отслужу, вернусь домой, бухану хорошенечко и в тюрьму пойду.

КУЧИН. И что, возьмут?

АЛИХАНОВ. Возьмут, куда денутся? Там все свои.

КУЧИН. Ну и дела...

АЛИХАНОВ. Да ничего особенного, у нас вся страна так живёт. А вот ты как в армии оказался? Ну, кроме того, что дурак.

КУЧИН. А разве этого мало?

АЛИХАНОВ. Конечно, мало. Было бы достаточно, недобора бы не было. Да ты не тушуйся, чего ты. Мне просто интересно, зачем люди из Москвы в армию идут? Жил бы я в Москве, стоял бы тут на “тумбочке”? Рассказывай давай. Когда ещё по душам потрындеть можно, если не в наряде?

КУЧИН. Да чего тут рассказывать? Я фильмы любил про войну. Книжки читал про разведчиков. Сериалы там всякие про армию смотрел. Вот и досмотрелся...

АЛИХАНОВ. Эка тебя угораздило. Что у тебя было в голове, если ты на это повёлся? Или в кино прям так и говорили: “Кучин, иди в армию?”

КУЧИН. Ну, не прямо так, конечно.

АЛИХАНОВ. А как?

КУЧИН. Ты что, телевизор не смотришь?

АЛИХАНОВ. Нет. А зачем? Только глаза портить. У нас в посёлке два канала показывают, да и те с рябью. Вот отслужу, в тюрьме денег подниму, поставлю себе спутниковую тарелку, тогда и буду по вечерам на диване лежать, пердеть, телек зырить да тебя вспоминать. Вот время наступит, а! Не жизнь, а сказка!

КУЧИН. А я после армии вообще телевизор выброшу.

АЛИХАНОВ. Зачем выбрасывать? Мне отдай.

КУЧИН. Приезжай и забирай.

АЛИХАНОВ. Серьёзно?

КУЧИН. Конечно. Да и просто приезжай, в гости. Я тебе Москву покажу.

АЛИХАНОВ. Отвечаешь? Слово пацана?

КУЧИН. Обещаю.

АЛИХАНОВ. И мавзолеей покажешь?

КУЧИН. Можно и мавзолеей, если сильно хочется. Но есть более интересные места. Если, правда, приедешь, устрою тебе велозксурсию по достопри-

мечательностям. Возьмём два велика и поедем кататься.

АЛИХАНОВ. Ничего себе, ты олигарх. У нас на улице только у одного пацанёнка велик был, так мы его всей гурьбой катали-катали и укатали. А ты целых два держишь!

КУЧИН. Да ну, у меня вообще велика нет. В прокате возьмём. Дешево и сердито. Для прогулок самый подходящий вариант.

АЛИХАНОВ. Слушай, а в Москве тюрьма есть?

КУЧИН. Конечно. А тебе зачем?

АЛИХАНОВ. Мне интересно, можно ли в Москве в тюрьму попасть?

КУЧИН. Элементарно, как два пальца об асфальт. Но лучше не стоит.

АЛИХАНОВ. Эх... А я уже размечтался, как буду по утрам на велике в тюрьму мимо мавзолея проезжать.

КУЧИН. А, ты всё про своё. Слушай, чего ты так на этой тюрьме зациклился? Наверняка есть какие-то еще варианты?

АЛИХАНОВ. Так и у тебя они тоже были, а ты в армию зачем-то пошел.

КУЧИН. Во-первых, армия у нас не добровольная, а призывная. И меня всё-таки призвали. А во-вторых, что ты будешь делать, если твоя тюрьма закроется?

АЛИХАНОВ. Тюрьма? Закроется? Ха! Тебя не с Москвы, тебя с другой планеты призвали походу.

КУЧИН. Ну, вот представь, что перестали людей в тюрьму сажать. Что тогда делать будешь?

АЛИХАНОВ. Да как их перестанут сажать, если в ментовку такие как Арсёнов служить идут?

КУЧИН. Ну, представь.

АЛИХАНОВ. Если тюрьма закроется, тогда я точно к тебе в Москву прискачу. У меня тётка раньше на железной дороге работала, привезла как-то раз из поездки кулёк конфет. Конфеты съели, а кулёк оказался из газеты “Работа в Москве”. Так этим клочком бумаги у нас вся семья зачитывалась. Столько всякой работы, оказывается, бывает!

КУЧИН. А знаешь почему так? Потому что люди, которые в Москву со всей страны съезжаются, видят в ней перспективы и разнообразные возможности. А тебя в каком городе с тёткиного поезда не высади, ты всё равно тюрьму искать будешь. Не место красит человека, а человек место. Знаешь такую поговорку?

АЛИХАНОВ. Уел. Слушай, раз ты такой умный, приезжай к нам в посёлок, а? Вот тогда я на тебя и погляжу.

КУЧИН. Ну и приеду.

АЛИХАНОВ. Ну и приезжай.

КУЧИН. Приеду, обещаю! Отслужим вот только... Блин. Так домой захотелось.

АЛИХАНОВ. И не говори.

Гаснет и зажигается дежурное освещение.

И свет этот задрал уже моргать.

Алиханов достаёт из кармана кителя фотографию и смотрит на неё с доброй улыбкой.

КУЧИН. Что это там у тебя?

АЛИХАНОВ. Фотка на память.

КУЧИН. Покажи?

АЛИХАНОВ. Гляди.

КУЧИН. Вау!

АЛИХАНОВ. Ага.

КУЧИН. Глаза какие!

АЛИХАНОВ. Да, глазищи прям ого-го!

КУЧИН. Как звать?

АЛИХАНОВ. Вася.

КУЧИН. Красивый. Усы такие смешные.

АЛИХАНОВ. Ага. Утром, бывает, спишь, а он тихонько придёт и как начнёт усами по лицу щекотать и урчит ещё, будто прямоток у “копейки”.

КУЧИН. Сколько лет?

АЛИХАНОВ. Тринадцать уже. На фотке меньше. Мой лучший друг.

КУЧИН. Красивый кот.

АЛИХАНОВ. Мне его батя принёс, когда я в первый класс пошёл. Батю в тот же год порезали черти там одни, а Васька остался как память. Всю школу помогал мне уроки делать. Сижу за столом, примеры решаю, что-нибудь не получается, псих разбирает... А Васька придёт, запрыгнет на стол, мордаху свою положит на руку и сразу как-то мозги по-другому работать начинают.

КУЧИН. Здорово. Я когда вернусь домой, съеду от родителей и тоже котана заведу. Котаны – добро!

АЛИХАНОВ. А я вот переживаю. Васька старый, как он там без меня? Письмо домой пишу, спрашиваю, мол, как дела, как там Василий? А мать отвечает: “Дела хорошо, картошку выкопали, соседи привет передают!” А про Ваську ни слова, ни полслова. И вот я переживаю, вдруг он там уже скопытился, а меня просто расстраивать не хотят. Так хочется его увидеть после дембеля, за пузюку потрепать, мол, жив Курилка!

КУЧИН. А мне поесть нормально хочется. Так соскучился по домашней еде...

АЛИХАНОВ. Ты просто молодой ещё. Первое время кишка всем житья не даёт. Послужишь подольше и всё пройдет. Кстати, знаешь что, вставай на “тумбочку”, я что-то устал.

Кучин становится на “тумбочку” дневального, Алиханов садится за стол и достаёт печенье из выдвижного ящика.

“Смерти” хочешь?

242

КУЧИН. Я бы с удовольствием. На гражданке к печеню как-то равнодушен был, а тут что-то попробовал.

АЛИХАНОВ. Видишь, как полезно бывает из Москвы в Россию выезжать.

Входит Стеклов.

КУЧИН. Дежурный по роте, на выход!

Алиханов спешно убирает печенье в стол и выходит навстречу Стеклову.

АЛИХАНОВ. Товарищ лейтенант, дежурный по роте ефрейтор Алиханов. В роте без происшествий, лиц незаконно отсутствующих нет, личный состав отбит, внутренний порядок поддерживается силами дневального Кучина.

СТЕКЛОВ. Что-то не видно. Пол сухой. Где вода?

АЛИХАНОВ. Высохла, товарищ лейтенант!

СТЕКЛОВ. Плохо. Алиханов, займите место на “тумбочке”, а дневальный пусть продолжает наведение порядка.

АЛИХАНОВ. Куча, братан, как тебя по имени? Давай, ещё на раз пройдишь тут.

Кучин берёт ведро с тряпкой и снова начинает мыть пол.

СТЕКЛОВ. Товарищ ефрейтор, как у вас обстоят дела с расходом личного состава? Никакая обезьяна не покинула территорию зоопарка?

АЛИХАНОВ. Товарищ лейтенант, лиц незаконно отсутствующих нет.

СТЕКЛОВ. Это я уже слышал. Мне нужны цифры. Математика – царица наук, знаете, да?

Алиханов раскрывает книгу вечерней поверки.

АЛИХАНОВ. Товарищ лейтенант, по списку сорок пять, налицо сорок один, двое в командировке, и ещё двое в отпусках.

СТЕКЛОВ. То есть, сейчас в роте находится сорок один человек, верно?

АЛИХАНОВ. Так точно, товарищ лейтенант.

СТЕКЛОВ. Хорошо. Сейчас проверим. *(Уходит в сторону кровати, включает фонарик.)* Раз, два, три... *(Поворачивается к залу и светит фонарем в зрителей.)* Четыре, пять, шесть... Это кто там мобильник расчехлил свой? Семь, восемь, двадцать три, тридцать семь, сорок. Сорок! Товарищ ефрейтор, сорок. А вы мне только что заявляли, что в роте находится сорок один человек. Где ещё один?

АЛИХАНОВ. Хм... Товарищ лейтенант, разрешите мне пересчитать?

СТЕКЛОВ. Зачем? Чтобы идиотом меня выставить? Этот номер со мной не пройдет. Думаете, если я молодой офицер, то мне тут гуся выводить можно? Ну уж нет. Давайте вместе считать, товарищ ефрейтор.

Алиханов и Стеклов поворачиваются к залу. Алиханов считает, Стеклов стоит рядом.

АЛИХАНОВ. Четыре, пять, шесть, десять... Я сейчас телефон у кого-то конфискую там, сколько можно уже говорить? Двадцать пять, тридцать, тридцать пять, сорок. Хм... И правда, сорок.

СТЕКЛОВ. Где ещё один?

АЛИХАНОВ. Разрешите, поискать?

СТЕКЛОВ. Извольте, товарищ ефрейтор, поищите!

Алиханов растерянно ходит по расположению, заглядывает под кровати.

А я в столе погляжу. *(Открывает ящик стола и достаёт оттуда пакет с печеньем.)* Вот оно что! Вы тут, значит, жрёте, а потом в штабе принтеры пропадают.

АЛИХАНОВ. Принтер пропал? Эх, не видать Арсёнову характеристики...

СТЕКЛОВ (*поднимает над головой пакет с печеньем*). Товарищ ефрейтор, вы знаете, что это такое?

АЛИХАНОВ. Печеньки, товарищ лейтенант.

СТЕКЛОВ. Это не просто печеньки, это солдатская смерть!

АЛИХАНОВ. А, ну да.

СТЕКЛОВ. Я сейчас зарифмую! Вы когда-нибудь задумывались о том, что находится в голове у солдата?

АЛИХАНОВ. Это смотря у кого. У Кучина, например, телевизор. У Арсёнова – дом с ментовкой.

СТЕКЛОВ. Товарищ ефрейтор, у вас есть кот?

АЛИХАНОВ. Что?

СТЕКЛОВ. Чего непонятного? Я спрашиваю, у вас есть дома кот?

АЛИХАНОВ. Кот?

СТЕКЛОВ. Так точно, кот. Желательно живой.

АЛИХАНОВ. Товарищ лейтенант, вы надо мной издеваетесь?

СТЕКЛОВ. Это вы надо мной издеваетесь, товарищ ефрейтор.

АЛИХАНОВ (*достаёт фотографию кота*). Вот мой кот! И я очень надеюсь, что он ещё жив и ждёт меня дома. Вы это хотели услышать?

СТЕКЛОВ. Ладно, к чёрту кота...

АЛИХАНОВ. Чего?

СТЕКЛОВ. Где недостающий боец? Вот у вас в книге вечерней поверки сорок один плюстик стоит. По-

чему в расположении сейчас спят сорок человек, а не сорок один?

АЛИХАНОВ (*раскрывает книгу вечерней поверки и внимательно смотрит в неё*). А, так это же Бандура!

СТЕКЛОВ. Какая ещё бандура?

АЛИХАНОВ. Рядовой Бандура.

СТЕКЛОВ. Я рад за него. Где он?

АЛИХАНОВ. Он служит с нами в одном строю, товарищ лейтенант.

СТЕКЛОВ. Ну, где? Покажите мне его?

АЛИХАНОВ. Есть, товарищ лейтенант! Идёмте сюда.

Алиханов и Стеклов подходят к койке Бандуры.

Вот он.

СТЕКЛОВ. В смысле?

АЛИХАНОВ. В прямом, товарищ лейтенант.

СТЕКЛОВ. Эта кровать пуста.

АЛИХАНОВ. Куча, братан!

КУЧИН. Я!

АЛИХАНОВ. Ко мне! Без тебя тут никак.

КУЧИН. Товарищ ефрейтор, рядовой Кучин по вашему приказу прибыл.

АЛИХАНОВ. Чья это койка?

КУЧИН. Гвардии рядового Бандуры Михаила Ивановича.

АЛИХАНОВ. А где сам рядовой Бандура?

КУЧИН. Спит в своей койке, товарищ ефрейтор.

СТЕКЛОВ. Вы идиота из меня решили сделать, или что?

АЛИХАНОВ (*толкает спящего Арсёнова*). Арсёныч, проснись.

АРСЁНОВ. Что случилось, чего надо?

АЛИХАНОВ. Арсёныч, где Бандура?

АРСЁНОВ. В смысле?

АЛИХАНОВ. В прямом. Бандура где?

АРСЁНОВ. Вы дебилы?

АЛИХАНОВ. Где Бандура?

АРСЁНОВ. Да вот же он, спит.

Стеклов подходит вплотную к кровати, светит на неё фонариком, оглядывается по сторонам и боязливо трогает покрывало и подушку.

СТЕКЛОВ. Г-г-где?

Гаснет и зажигается дежурное освещение.

АЛИХАНОВ. Он здесь.

АЛИХАНОВ, КУЧИН. Просто поверьте в это.

СТЕКЛОВ. Что за чертовщина? Вы чего добиваетесь? Вы хотите, чтоб я Пелевину позвонил, да? (*Пятится назад, не замечая ведра с водой.*)

АЛИХАНОВ. Вода!

СТЕКЛОВ. Чего?

КУЧИН. Осторожно, вода!

Стеклов задевает ведро с водой и убегает из расположения роты.

КУЧИН. Опять пол мыть. Ну, сколько можно уже?

АЛИХАНОВ. Придурошный какой-то. За каким хреном такие в армию идут?

КУЧИН. Дураки.

АЛИХАНОВ. Идиоты. Понаберут по объявлению. Как наше место можно красить такими людьми, вот скажи мне?

Эпизод 5 Встреча

Штаб. Два стула. Стол. Телефонный аппарат.

СТЕКЛОВ. Ну, держитесь! (*Снимает трубку, начинает набирать номер, но тут же сбрасывает и кладёт трубку на место.*) Что происходит, а? Что за чертовщина тут происходит? А главное, что мне делать? Вот сейчас придёт Пелевин с проверкой, потребует доклад, и что я ему скажу? Товарищ майор, в роте все на месте, но одного солдата нет. Или не так. В роте отсутствует один боец, но на самом деле присутствует. Так, да? Ну всё, можно вешаться. С наряда снимут, назначат на вторые сутки. Выходного не будет. Дня рождения не будет. Жена обидится, соберёт вещи, помашет на прощание чемоданом и уедет к теще. Фундамент брака даст трещину. Ячейка общества превратится в почтовый ящик без номера и без ключа. И всё, жизнь кончена. Одиночество в военном городке на краю географии, ночные чаяния на сайтах знакомств, уныние, депрессия, алкоголь, психолог в гарнизонной поликлинике, недопуск к караульной службе, лише-

ние надбавок, снова алкоголь, суицид, гроб, кладбище. Всё, конец. Хоть сейчас стреляйся... Да что же за чертовщина? Где этот Бандура?

Стук в дверь.

СТЕКЛОВ. Кто там?

Дверь открывается. На пороге стоит Бандура.

БАНДУРА. Товарищ лейтенант, разрешите войти?

СТЕКЛОВ. Входите.

БАНДУРА. Рядовой Бандура явился, товарищ лейтенант.

СТЕКЛОВ. Уфф... Слава богу. И где вы были, рядовой Бандура?

БАНДУРА. А я у майора Пелевина с котом играл. У него кот такой прикольный, мы часто с ним по ночам резвимся. Тыгдык-тыгдык! Майор проснётся, мы утихнем. Заснет – снова скачем. А сегодня я в окно на дерево прыгнул, кот, понятное дело, за мной. Сидим такие, звездочки на небе считаем, и тут я слышу, мол, Бандура то, Бандура сё! Вот он я. Скоро, кстати, товарищ майор ещё придёт, когда кота с дерева снимет.

СТЕКЛОВ. А кто вам дал право спокойно разгуливать среди ночи по городку? Вам в это время спать положено.

БАНДУРА. Поспишь тут с вами, ага. Вчера Пелевин кровать забрал. Потом старшина на пару с дембелем меня до икоты весь вечер доводили. Я уж лучше с котом поиграюсь. Вы, товарищ лейтенант, тут вто-

рую неделю служите и уже стреляться собрались, а я в роте с сорок четвертого года...

СТЕКЛОВ. С какого года?

БАНДУРА. С одна тысяча девятьсот сорок четвертого года. Пробовал в сорок первом пойти, не взяли. Сказали, больно молод. Потом про народное ополчение по радио заговорили и я ещё раз попытался. И снова не взяли. Примелькался я, короче, военкому нашему, он меня узнавать начал. Иди, говорит, дальше на своём пароходе плавай, нужен будешь – позовём. Я же до войны на помощника машиниста парохода учился. Потом на карасике по Оби грузы всякие таскал. К нам в Сибирь полстраны в войну эвакуировали, работы было выше крыши. В общем, боевую повестку только в сорок третьем году получил. Очень хотел на флот попасть. Мечтал, как буду бескозырку носить. Но не судьба, определили в пехоту. Пока карантин, пока учёбка, на фронт попал уже в сорок четвёртом. Полк в наступление шёл, а наша рота в резерве тащилась. В день, бывало, по тридцать километров отмахивали. Через Молдавию прошли в Румынию, а потом в Венгрии очутились, Будапешт освобождали. Как вспомню, так вздрогну. Вы, товарищ лейтенант, в Будапеште не бывали? Там красиво сейчас.

СТЕКЛОВ. А когда в Европе некрасиво было?

БАНДУРА. Весной сорок пятого там была сплошная грязь. Сёстры из дома пишут, спрашивают: “Миша, как там на войне?” А я отвечаю: “Грязища”. Грязища и больше ничего. Всюду грязь. На земле, на одежде. Земля вся перепахана, дождь пройдет, глинозём к сапогам липнет. Идёшь, а к ногам будто гири привязали. Война – это грязь и больше ничего.

В начале марта сорок пятого полк наш из наступления в оборону перешёл. Окопались мы под дере-
вухой рядом с озером. Только выдохнули, фрицы
в атаку пошли. В отделении нас всего трое было: я,
Пашка и Серёга – сержант с нами. По соседству ребя-
та с пулеметом сидели. Когда немцы на нас двинули,
мы сперва обождали, чтоб ближе подпустить, а потом
Серёга как рявкнет: “Огонь!”. Что тут началось! От
немцев одна самоходка была, один танк и пехоты де-
сятка два, может. Идут, а видно, что боятся. Пехоту
всю перестреляли. Пулемётный расчёт не зря сухари
ел. А самоходку Пашка подорвал. Представляете, из
окопа выскочил, под огнём пробежал, на брюхе про-
полз, в ров залёг, гранату бросил, укрылся и обратно.
Во прыть! От самоходки остов долго догорал. А танк
немецкий развернулся и в кусты. Кого с пулемёта не
достали, те следом. И всё стихло. Всю ночь мы их об-
ратно ждали, глаз не смыкали, а они под утро наведе-
лись. Но в этот раз решили нас с фланга обойти. Мы
по ним давай лупить. На самоходках пехота сидела,
пулемёт застрочил, все на землю попадали. А там их
колонна. Два “Фердинанда” от неё откатились и к нам.
Один остановился, жажнул, и нет больше пулеметного
расчета. Второй раз жажнул и меня засыпало. В ушах
звонит, кричу дурниной, во рту и в глазах земля. А эти
твари гусеничные едут, им хоть бы что. Моторы ре-
вут, дым. Черти газу поддают. Первую я над окопом
пропустил и вдогонку ей гранату бросил. Та сразу
пыхнула, кто-то там вылезти из неё пытался, я уже не
видел, потому что вторая на тот окоп ехала, в котором
Пашку накрыло. Я подумал, если я живой, значит и
Пашка жив, просто не очухался ещё. Было у меня три

гранаты, осталось две. Выскочил я из окопа, ноги не слушаются, в ушах звенит, глазом только одним вижу и тот затекает уже. Ну, кричу, держите гады, угощайтесь. Это вам от машиниста Бандуры подарочек, вам и посудине вашей. Как вторую самоходку подорвал уже не помню. Такие вещи память даже после смерти отшибает. Помню только крики “Ура!” где-то вдалеке. Парни в атаку пошли.

СТЕКЛОВ. А потом что?

БАНДУРА. А потом всё. Фотокарточку мою в гимнастерке увеличили, положили на неё звездочку и ещё раз сфотографировали. Что получилось – у племянницы дома в рамочке висит. А ещё бумага есть, там почти всё, что я рассказал, написано, только красиво. Серёга сержант выжил, Пашка друг в госпитале умер. А я в той деревне у озера остался, вместе с другими однополчанами. Нас в тот день тринадцать человек полегло, но героя почему-то только мне дали. В деревне той, которая возле озера, моей фамилией улицу назвали. Правда, когда Союз развалился, переназвали обратно.

СТЕКЛОВ. Обидно поди?

БАНДУРА. Да так... Если бы я за них под самоходку бросался, то, конечно, обидно было бы. А я друзей спасал – Пашку, Серёгу...

СТЕКЛОВ. Кстати, а что с сержантом? Ты говорил, он жив остался?

БАНДУРА. А с Серёгой, вообще, неожиданно получилось. Я помню, как из окопа выбрался, “Фердинанда” помню, гранату, звон в ушах. А потом тишь да гладь. Легко так, спокойно. И тут как гром среди бела

дня: “Гвардии рядовой Бандура!”. Открываю глаза, а я в строю стою. Казарма, койка моя, бирочку с фамилией приделали, чистенько всё так, порядочек. Рота наша стоит, только я никого не знаю. Никого кроме Серёги, который вечернюю поверку проводит. Стоит такой в пиджаке, в брюках, две медали висят. Мою фамилию назвал. Я кричу “я”, а никто не слышит. Руками машу, мол, ребята, вот же я! Никто и носом не повёл. Только солдат из строя вышел, сказал, что я героически погиб в борьбе с фашизмом. Тут я и присел. И у Серёги глаза на мокром месте. Дочитал он список роты, книгу дежурному отдал, вышел на улицу, сел в поезд на вокзале, и больше я его не видел. Он уже демобилизовался в то время. А поверка эта была первой после моего возвращения в списки части.

С тех пор так и служу: ни жив, ни мёртв. Для ребят я такой же солдат. Старшина мне в тумбочку сигареты кладёт, а парни их стреляют, спасибо говорят. Когда пропадает что-то, спрашивают, не я ли взял? Недавно вот письмо от банка пришло, мол, Михал Иваныч, вам кредит одобрили. У меня же выслуги вон сколько. Парни читали, смеялись. А майор вот койку у меня одалживает, когда в части поспать приспичит. Сейчас он заявится, а вы ему как разложите всё по полочкам: “Происшествий нет, по списку столько, на лицо столько!”. Тут он и удивится. А мне, товарищ лейтенант, разрешите уже идти?

СТЕКЛОВ. Слушай, друг. Можно тебя кое о чём попросить?

БАНДУРА. Конечно. Приказывайте.

СТЕКЛОВ. Да какой там приказ... Слушай, можешь в койку в свою лечь? Такое дело, я же врать со-

всем не умею. А так ты в койку ляжешь, и я как положено отчитаюсь.

БАНДУРА. Врать не умеете? Тяжело вам тут придётся...

СТЕКЛОВ. Да справлюсь как-нибудь. Ну так что, выручишь?

БАНДУРА. Конечно, товарищ лейтенант!

Гаснет и зажигается свет. Входит Пелевин.

СТЕКЛОВ. Товарищ майор, за время вашего отсутствия происшествий не случилось. Лиц незаконно отсутствующих нет. Дежурный по части лейтенант Стеклов.

ПЕЛЕВИН. Что, неужели всё в порядке?

СТЕКЛОВ. Так точно, товарищ майор.

ПЕЛЕВИН. Никто не убежал, никто не застрелился?

СТЕКЛОВ. Во время крайней проверки все были на своих местах.

ПЕЛЕВИН. Пойдём проверим?

СТЕКЛОВ. Как скажете, товарищ майор. Кстати, как там кот?

ПЕЛЕВИН. Кот?

СТЕКЛОВ. Так точно, кот. Получилось с дерева снять?

ПЕЛЕВИН. А ты откуда знаешь?

СТЕКЛОВ. Дежурный по части должен владеть всей информацией. Вот я и владею.

Стеклов, Пелевин и Бандура входят в роту. Бандура ложится в койку.

АЛИХАНОВ. Товарищ майор, за время вашего отсутствия происшествий не случилось. Лиц незаконно отсутствующих нет. Дежурный по роте ефрейтор Алиханов.

СТЕКЛОВ. По списку сорок пять, налицо сорок один. Двое в командировке, двое в отпуске. В расположении находятся сорок человек и рядовой Бандура Михаил Иванович, герой Советского Союза, навечно зачисленный в списки части.

ПЕЛЕВИН. Сдуреть можно. Хоть кто-то считать умеет! Впервые за долгие годы нормального офицера завезли. Надо это дело отметить!

Пелевин и Стеклов уходят из роты.

АЛИХАНОВ. Товарищи офицеры, разрешите уточнить место вашего убийства?

ПЕЛЕВИН. В штаб!

Зажигается свет.

АЛИХАНОВ. Рота, подъём!

255

Картина 6 День рождения

Комната в общежитии. Праздничный стол, яства, два стула. Ольга хлопочет у плиты.

ОЛЬГА. Мама звонила.

СТЕКЛОВ. Что говорит?

Сюжеты

ОЛЬГА. Поздравила с днём рождения. Говорит, что скучает. Тебе привет передала. Ждёт нас обоих в гости, когда у тебя будет отпуск.

СТЕКЛОВ. Да ладно?

ОЛЬГА. Ага. А ещё ей под дверь кто-то котенка подбросил, постучался и ушёл.

СТЕКЛОВ. Вот негодяи.

ОЛЬГА. Кто-то из соседей. Подъездная дверь не хлопала и на улицу не выходил никто. А мама и рада. Ну, так что, когда у тебя отпуск? Поедем к маме котика тискать?

СТЕКЛОВ. Обязательно. А ты когда-нибудь была в Венгрии?

ОЛЬГА. Конечно. Ты пока в наряде своём дежурил, я смоталась по-быстрому на автобусе.

СТЕКЛОВ. Говорят, там очень красиво. Давай в Венгрию слетаем? Снимем домик в деревне у озера.

ОЛЬГА. С тобой хоть на край света, только не на Итуруп. Я поверить не могу, что у меня день рождения и что мы вдвоём!

СТЕКЛОВ. А мама твоя пусть лучше сама к нам приезжает. Вместе с котом.

Стук в дверь.

Во дела, уже приехала?

ОЛЬГА. Да ну, с чего бы?

СТЕКЛОВ. Больше некому. Иди открывай.

Ольга подходит к двери.

ОЛЬГА. Кто там?

ПЕЛЕВИН. Лейтенант Стеклов с супругой здесь проживают?

СТЕКЛОВ. О, это Пелевин!

ОЛЬГА. Пелевин? К нам пришёл Пелевин? Ты серьёзно?

СТЕКЛОВ. Да это другой.

ОЛЬГА. Так что делать? Открывать?

СТЕКЛОВ. Конечно.

Ольга открывает дверь. Входит Пелевин.

ПЕЛЕВИН. Добрый вечер! А лейтенант Стеклов...

ОЛЬГА. Да, проходите.

СТЕКЛОВ. Здравия желаю, товарищ майор.

ПЕЛЕВИН. Добрый вечер!

СТЕКЛОВ. Это Ольга, моя жена. У неё сегодня день рождения.

ПЕЛЕВИН. Ольга, очень рад знакомству. Поздравляю вас с праздником! Желаю всего самого наилучшего. А это вам подарок. Олег говорил, вы любите читать.

Пелевин протягивает Ольге книгу “Калинова Яма”.

ОЛЬГА. Спасибо вам большое. Да вы проходите.

СТЕКЛОВ. Проходите, товарищ майор.

ПЕЛЕВИН. Так, давайте без всех этих званий? Мы же не на службе, давайте “на ты”. Никто не против?

СТЕКЛОВ. Все только за.

ОЛЬГА. А мы тут планы на будущий отпуск строим!

ПЕЛЕВИН. Это правильно. Готовь сани летом, как говорится.

ОЛЬГА. Олежа вот предлагает в Венгрию поехать.

ПЕЛЕВИН. О, как! А почему именно в Венгрию? Почему не на море?

СТЕКЛОВ. Места, говорят, красивые.

ПЕЛЕВИН. Где говорят? У нас в городке?

СТЕКЛОВ. Оль, подай ещё одну тарелку. Тащ майор, очень рекомендую горячее. Угощайтесь!

ПЕЛЕВИН. Друзья, я не с пустыми руками пришёл. А потому предлагаю выпить за знакомство.

Пелевин достаёт солдатскую фляжку.

ОЛЬГА. Если это что-то крепкое, то чур, мне не наливать.

Пелевин наполняет две стопки.

ПЕЛЕВИН. Ну что, за именинницу? Оля, я очень рад знакомству и вижу, что наш офицер в надёжных руках и с надёжным, так сказать, тылом. С днем рождения!

ОЛЬГА. Спасибо.

Мужчины выпивают.

ПЕЛЕВИН. Ну что, между первой и второй перерыва по уставу не положено! (*Снова наполняет две стопки.*) Если бы не российская армия, не сидеть нам здесь, за этим столом...

ОЛЬГА. Это да. Скажем спасибо российской армии. Низкий, так сказать, поклон!

ПЕЛЕВИН. Все мы знаем предназначение вооруженных сил. Однако я хотел бы поднять тост за то, чтобы наше оружие хранилось в шкафах и стреляло только по фанерным мишеням. Чтобы не было войны.

ОЛЬГА. Вот за это я с вами выпью. Ещё войны нам тут не хватало. Олежа, налей мне винчика.

Все выпивают.

ПЕЛЕВИН. Третий тост. Не чокаясь. Предлагаю выпить за тех, кого с нами нет.

Пелевин и Стеклов встают. Гаснет и загорается свет. За столом появляется Бандура.

СТЕКЛОВ. И за тех, кто всегда будет с нами!

Стеклов выпивает стопку. Пелевин смотрит на Бандуру.

Таш майор?

Стеклов переводит взгляд с Бандуры на Пелевина и обратно.

ОЛЬГА. Мне мама сегодня сказала, что этот её котик любит подолгу в один и тот же угол смотреть. Кажется, я теперь знаю, как это выглядит.

Тишина.

Эй, мужчины, что с вами?

КОНЕЦ

Константин Потапов
СТАЛКЕР (18+)

**Монопьеса для актрисы
с азиатской внешностью**

«Если бы не ты, мои чувства были бы лишь бледным отражением чужой любви»

Ипполито, «Амели»

Ты такая красивая. Какая ты красивая. Я никого не видел красивее. Я никогда не видел такой красоты. У тебя очень необычная красота. Как если бы Анджели-на Джоли родилась в Японии. Скулы как лезвие. Когда мои пальцы касаются твоего лица, я боюсь порезаться. И эти твои азиатские глаза. И взгляд. И ещё твои ключицы. Как у птицы. Эти ключицы, и скулы, и взгляд – такая красота. Но дело не в ключицах. Чёрт, с ними с ключицами. Что я ключиц не видел?

Это всё воплощение чего-то большего. Я смотрю на тебя и вижу что-то большое, понимаешь? Что есть что-то большее. Больше, чем просто красота. И это всё – как Марианская впадина. Ты как замочная скважина, сквозь которую я смотрю на Бога. Мне как бы приоткрыли космос сквозь тебя, понимаешь? В тебе есть бесконечность. Ты это понимаешь? Ты хоть понимаешь, какая в тебе чёртова красота и бесконечность? Мне даже страшно, что я всё придумал, и что в тебе нет ничего. Но когда я смотрю на тебя, я понимаю, что этого не может не быть. Никто не цеплял меня так сильно. Так сильно, что я начинаю теряться, терять контроль. Есть такое слово – краш. Человек, который тебе безумно нравится. Мне нравится само слово – краш. Как удар – раз!.. И всё. Ты вся мерцаешь в моих руках, заливаешь мерцанием мою комнату, ты переливаешься на экране. Ты на экране. Ты на экране. Ты не знаешь, что я смотрю на тебя.

Ты даже имени моего не вспомнишь.

Я боюсь, что я никогда не смогу подойти к тебе.

Я смотрю твои посты, сториз, я погружаюсь в тебя как субмарина в Марианскую впадину, но я боюсь подойти. Настолько боюсь, что я даже не лайкаю твои

фото. Ни одной. Я захожу на твою страницу как в комнату к матери, не трогай ничего, Пашенька! Я не трогаю. Когда девушка мне нравится, я теряюсь. Я могу всё испортить. Я ведь мог бы сделать нам идеальное свидание. Мы бы столкнулись в книжном. Потянулись за одной книжкой – и такие: ой. Тебе тоже нравится Павич? Кстати, может, сходим куда-нибудь. Я знаю один индийский ресторан... Он твой любимый? Серьёзно?

Конечно, глупая, я следил за тобой давно.

Я знаю всё твоё любимое. Любимый цвет – чёрный, любимая песня: Wicked Game, любимый фильм: «Амели».

Но на свидании я буду просто сидеть как идиот и смотреть на тебя. Или схвачу вилку или нож – и воткну тебе прямо в грудь. Краш и всё. А что делать, когда перед тобой – космос. Это же очень сложно – свидание с космосом. Но тебе не до свиданий сейчас.

Недавно ты рассталась. С Гришей. Ты в депрессии. Какие уж тут свидания. Тем более, со мной. Тем более, если учесть, что это я вас развёл...

Прости! Так было нужно. Вы совсем не подходили друг другу. Не веришь? Смотри.

Ты жаворонок, а Гриша сова.

Ты любишь «Амели» и Павича. Гриша – фильмы Марвел.

Ты не любишь большие вечеринки. Гриша ведёт их за деньги.

Ты куришь тонкие «Вог», три в день. Гриша качает пресс.

Ты пьёшь кофе с одной ложечкой сахара. Гриша пьёт ванильный латте.

Ты ставишь пробел перед запятой. Гриша ставит стикеры «огонь».

По знаку зодиака ты Рак. Гриша – Лев, но не верит в знаки зодиака.

Тебя волнует, почему все парни бросают тебя через полгода. Гришу волнует, когда выйдет новый Икс-Бокс. Типичный лев.

Ты ставишь многоточия, когда не уверена, какой знак препинания нужен. Гриша отправляет аудиосообщения. Как его вообще земля носит?

Ты готова хранить верность до конца. Гриша изменял тебе с бывшей.

Я же говорил – он тебе не подходит.

Что ты вообще в нём нашла?

«Проведу ваш праздник на высшем уровне, пишите в директ». Нет, я понимаю – спортивное тело, белоснежная улыбка, характер спаниеля. Летом вы должны были поехать в Португалию. Ты мечтала увидеть Мыс Рока и загадать желание.

Поёт.

I'd never dreamed that I'd meet somebody like you – ваши руки в его Митсубиси в кредит. Мне казалось, ты достойна чего-то большего, чем спаниеля и Митсубиси. Не то чтобы я противник спаниелей и Митсубисей! Португалия так вообще супер. Но теперь ты туда не поедешь.

Поёт.

I'd never dreamed that I'd lose somebody like you.

Примерно через полгода ваших отношений в расписании Гриши появилось слепое пятно. Три часа, которые он тратил ни на что. Ни на мероприятие, ни на время с тобой, Гриша исчезал в никуда. У него была ты, а он исчезал в никуда. По постам до его уходов и сразу после я смог определить район этого никуда. В каждом фото, в файле зашита геолокация – где оно было сделано. Это если пользователь не ставит геолокацию сам. Но Гриша ставил. А чего ты ждала от человека, который мечтает об Икс-Бокс? Я вычислил место его «никуда». И когда он снова нырнул, я поймал его. Я сфотографировал их в метро – краш! И всё. Они держались за руки, ехали к ней. Он и его бывшая Юленька. Я предупреждал – он тебе не подходит.

Я не послал фото тебе, я не послал фото твоей лучшей подруге Даше, я не послал фото ему. Я сделал из этого фото мем про отношения. Несмешной. Вот он. Предупреждаю – несмешной.

«Парень обещает путешествие. Ожидание: фото пляжа в Португалии. Реальность: фото – парень едет с девушкой в метро, держась за руки».

Я предупреждал – не смешно. Я послал это в паблик с подобными мемами. На который подписана твоя подруга Даша. Даша любит такие мемы. Даша обожает это сообщество. Лайкает все посты. Сообщество опубликовало мой мем. Это был первый пост сообщества, который не лайкнула Даша. Ох, я почти вижу – Даша, долго смотрит на мем, Даша думает, это ошибка, Даша видит: стрижка у Гриши совсем свежая, а на руке часы, которые дарила ему ты. Даша думает: Гришенька, милый, что ж ты за мудака за

такой. Даша думает: нет, это не моё дело... но она же моя подруга. А потом думает: да и Португалия для неё слишком жирно. Даша нажимает на «самолётик» – переслать. Самолётик летит к тебе. Краш! Через пару дней в португальском отеле отменяют бронь. Дарить часы – плохая примета.

Твоих постов не было три дня. Когда ты увидела эту картинку, ты вначале долго смотрела, ожидая шутки, Даша всегда присылает тебе смешные шутки. А ты не всегда можешь понять, в чём соль. И вот ты смотришь, и не понимаешь, в чём соль шутки, но на фото в метро твой парень держит за руку эту проשמандовку, с которой он встречался до тебя. Юленька, мразь такая. И это уже нихера не шутки. Нет, только не Гриша, думаешь ты, Гриша такой хороший, белоснежная улыбка и Митсубиси, и похож на спаниеля, и мечтает об Икс-Боксе, только не мой Гриша, это фотошоп, чья-то глупая шутка, может даже этой звезды Даши, она всегда тебе завидовала... Не-е-ет, это грязная уловка Юленьки, точно. Ты показываешь фото Грише за ужином невзначай, а у Гриши – всё на лице, как у спаниеля, и ты понимаешь – это правда. Это правда. И ты думаешь: Гриша, скажи, это чья-то шутка, скажи, ничего не было...

Твит Гриши: «Иногда лучше сказать правду». Задумчивый эмодзи.

И как долго это у вас? – соври, идиот, соври...

Твит Гриши: «Даже если эта правда горька». Плачущий эмодзи.

Два месяца?! Пиздец, Гриша, ты же разрушил всё наше?.. Наш отпуск в Португалии, наши прогулки на

катке, наш поцелуй на мосту, наше – «наконец-то я встретила парня мечты», наш будущий дом на берегу океана, наших нерождённых детей – Мишеньку и Машеньку – ты разрушил всё. Как ты посмел предать меня, и наши прогулки на катке, и поцелуй на мосту, и особенно – как ты посмел предать Мишеньку и Машеньку, Гришенька, катись ты к херам собачьим на своём всратом Митсубисе в кредит!

Танцует.

I'd never dreamed that I'd meet somebody like you

Ваши фото исчезают в один день. Следом – «ваша» песня.

I'd never dreamed that I'd lose somebody like you.

Сториз с Дашей из караоке: уходи и дверь закрой!/
на ла-бу-те-нах, нах/знаешь ли ты, вдоль ночных до-
рог/*No, I don't want to fall in love!*

Ты сделала каре. Подпись: «всё пройдёт, пройдёт и это». Многоточие. Вопрос от тебя – «как думаете, мне пойдёт тату?» Я жму «нет». Тебе и каре не очень.

No, I don't want to fall in love!

Сториз: Что со мной не так? Почему я натыкаюсь всё время на каких-то... –

With you!

Заканчивает танцевать.

Ты думаешь: «Господи, правда, что со мной не так? Почему все парни бросают меня через полгода? Может, я какая-то ущербная, не умею строить отношения, может, мне надо к психотерапевту? Может, что-то

не так с моими ключицами? И эти огромные скулы. И маленькие глаза. Будто Чингисхана пчёлы покусали. Может, я некрасивая? И кто, кто сделал этот мем? Может, какой-нибудь фрикер из сети, тайный доброжелатель? Ведь может же быть такой – сидеть и подсматривать, какой-нибудь неудачник. Ха! Думал, мы не догадаемся? Типа невзначай спрятал фото в мем? Решил мне помочь, да? Да кто тебя просил, урод! Лучше бы я не знала, поехала бы с Гришей в Португалию, и мы пили бы портвейн, и загадали бы желание на Мысе Рока, я бы – Машеньку, а он – Мишеньку, и я бы простила ему Икс-Бокс, и ходила бы с ним на все фильмы Марвел, и даже досматривала бы до этих идиотских сцен после титров... Ты рад? Рад, ублюдок?! Я просто хотела нормальных отношений, нор-маль-ных! Что со мной не так?!»

Ох, зачем же он бросил нас, Джоли, как бы я хотел найти того, кто послал тебе это фото, взять его двумя руками за голову и бить, бить об стену, пока кровь не потечёт из ушей! Да кто его просил влезать в твою жизнь! Заставил тебя думать, что что-то не так – с тобой? Да у тебя самые прелестные скулы, Джоли! И глаза, и ключицы! А Гриша пускай идёт в жопу со своим Митсубиси, тем более, в кредит! Раз не ценил твоих скул. Не нужен он тебе. И не злись ты на того анонимного идиота. Знаешь что, Джоли? Я думаю, он просто больной. Он не ведал, что творил. Его может даже простить можно, да, Джоли? Прости его, Джоли! Он хотел тебе только добра. Ты понимаешь вообще, что он о тебе заботился? Он тебя спас от человека с мечтами об Икс-Боксе? Ты ему благодарна должна быть. Может, ты сама виновата в том, что произошло, а?

Ты вспомни, все парни бросали тебя через полгода. Все! Я же давно слежу за тобой.

Вспомни Макса, твоего бывшего, продавец из спортивного магазина, весь такой брүнет, вылитый Адам Драйвер, с уверенным взглядом, и красивыми руками, и торсом, он так хотел поймать твою тайну, он пытался схватить её. Но вместо этого, грубо хватал тебя за запястья, так грубо хватал, я разглядел запудренные синяки в сториз. Но даже он, сам – смотри на меня, Джоли, – сам бросил тебя через полгода, и ты так страдала, и опять каре и караоке, уходи и дверь закрой, «вот бы мне встретить кого-нибудь любящего и доброго, как спаниель». И ты встретила кого? Бинго! Гришу! Смотри на меня, Джоли! А вспомни своего позапрошлого, Кирилла? Брүнет с птичьим лицом, с тонкими руками, похожий на Эдриана Броуди, не вот прям секси, на любителя. Фотограф, он наделал столько твоих фото, на них ты такая красивая, ох, какая же ты красивая на них – он разглядел в тебе космос, а не только скулы, а потом что-то произошло, щёлк и всё! Щёлк – и всё! Только вы знаете, что это был за щёлк. Но это ослепило Кирилла, он не выдержал, убежал прочь, и ты долго плакала и пила, пила и плакала, каре и караоке, «вот бы мне найти кого-то сильного». И нашла кого? Макса! Всё дело в тебе, Джоли! Ты сама находишь тех, кто обращается с тобой, как с дерьмом! Господи, почему так сложно найти нормального парня, завести всратых Машеньку и Мишеньку, растолстеть, растерять тайну и не осложнять мою жизнь бесконечным смотрением в тебя? Просто найди заботливого. Внимательного. Кто знает все твои привычки. Кто знает, сколько ложек ты кладёшь в кофе. Кто смо-

трел фильм «Амели», как и ты, несколько десятков раз. Кто прочитал почти всего Павича. Кто уже давно смотрит в тебя издалека. В твой космос. Для кого ты – краш.

Ты даже имени моего не вспомнишь.

Ты пишешь в сториз: «а это нормально, когда бывший забрал все лайки с твоих фото?» Стикер: рукалицо.

Ох, если бы я заглянул в твой космос, Джоли, я бы никогда не сбежал. Ох, если бы я поставил лайк, я бы скорее умер, чем забрал его назад...

Я знаю, что делать.

Я собрал для тебя идеальный подарок. Кассету. Аудиокассету.

Я записал на неё идеальный микстэйп для тебя. Раньше дарили такие. Я записал твою любимую песню – No, I don't wanna fall in love. И несколько песен, которые тебе точно понравятся. Если верить алгоритмам музыкальных магазинов. И музыку из твоего любимого «Амели», из тех сцен, где она сначала не в силах, но потом признаётся ему в любви. Вся эта кассета – признание. Я даже написал на кассете цитату из «Амели», помнишь, того писателя: «Если бы не ты, мои чувства были бы лишь бледным отражением чужой...» – последнее слово не уместилось. Я долго вымерял, чтобы оно не уместилось. Я подписал кассету инициалами S.M. Субмарина. А одна буква – даже из твоего настоящего имени. Глубокого и морского. Как Марианская впадина. В этой кассете всё моё – к тебе. Там даже в конце кусочек моего голоса, я просто откашливаюсь, как бы случайно –

кусочек голоса. Это идеальный подарок. Я никогда не пошлю её.

Я смотрю в тебя, как в Марианскую впадину, как в танец и мерцание на экране, смотрю как замороженный идиот, и не могу подойти.

В классе я смотрел на девочку через два ряда. Она мне очень нравилась. В ней был космос. Я шёл за ней до метро, сидел в соседний вагон. Я смотрел на неё сквозь стекло. Я ехал вниз по синей, хотя мне надо было в другую сторону. Ехал и смотрел – три станции. Однажды она заметила. Я стал ездить через два вагона. Я знал, что если поезд во тьме слетит с рельс, мы оба погибнем. Нас смешает в кровавую кашу. Я шептал: поезд, сойди с рельс. Смешай нас в кровавую кашу. Краш и всё.

У её подруги была тетрадь с анкетами. Я тихонько переписал её ответы. Любимое блюдо. Сырники. Что смотрит. Аниме. Кто нравится. Не я. Я просил маму приготовить мне сырники, хорошо, Пашенька. Я полюбил аниме, я знал всё про героев её аниме, хотя никогда не любил аниме, меня тошнило от сырников и аниме, я полюбил это ради неё, хотя я никогда не любил ни всратых сырников, ни ёбанных аниме, я любил клеить модели подводных лодок, но через аниме и сырники я хотел стать чуть-чуть ею, понимаешь, Джоли. Чуть-чуть.

Ты пишешь в сториз: «Позвал бы кто на свидание». Многоточие.

Ты издеваешься? Ты, правда, не понимаешь?

В день Святого Валентина все бросали валентинки в ящик, а я должен был разносить. Я сделал для неё,

для той девочки, валентинку по мотивам её любимого аниме. Я не подписал валентинку. Для неё было две валентинки. Одна по мотивам аниме. Другая – от мальчика, который ей нравился. Я видел, это он кидал. Я подумал, хорошо бы смять эту валентинку. Но я отнёс её и свою той девочке. Я же знал, моя лучше. Моя – про неё! Она так обрадовалась валентинке! Валентинке от мальчика. Она даже не открыла мою. На перемене она и тот мальчик стояли в коридоре у окна. Она смеялась, а он что-то говорил. Он держал её за руку. А она смеялась. Вечером она подошла ко мне: «ты не видел, кто подарил ту валентинку, по мотивам аниме?» Я смотрел на неё. Она была такой красивой. И я не мог ничего сказать. Я бы мог сказать всё. Про метро, аниме и даже сырники. Но она так смеялась, когда он держал её за руку. Она была такой красивой. И я сказал, сказал ей: «Мальчик, который кинул тебе валентинку, вроде бы кинул две. Это он кинул две валентинки тебе» – сказал я. Я больше не провожал её в метро.

У субмарин такая конструкция, что они выдерживают большое давление воды. Я под водой. Я субмарина. Мне кажется, я больше не выдержу этого давления. Мне кажется аниме от слова «онемел».

Твоя сториз: «В Тиндере одни извращенцы».

Милая Джоли, если бы я понял, что же спрятано за этими узкими глазами и острыми скулами, в твоём вечном пробеле перед запятой – меня бы отпустило. Я бы навсегда отписался. Я б даже не звал тебя на свидание.

Ты прикладываешь скриншот переписки из Тиндера.

Скриншот. Он: я отлично делаю кунни! Как ты на это смотришь?

Ты: сверху вниз. Пока.

Для меня это слишком – свидание с тобой, Джоли! Даже не уговаривай!

Твоя сториз: видимо, нормальные парни кончились. (Многоточие.)

Не надо, не хочу я этих бесплотных мечтаний!

Я никогда не решусь, перестань.

Твоя сториз: грустное селфи.

Ладно. Хорошо! Но давай договоримся – я просто представлю? Окей? Это всё нереально, окей? Мы договорились? Окей. Если представить, что я зову тебя на свидание, то я б начал с лайка. Я бы долго выбирал, какое фото лайкнуть, «какое фото лайкнуть» – о, это целая наука: куда поставить лайк, лайк цвета крови, цвета спелой вишни, лайк цвета всех заветных губ.

Нет, не на фото, где ты слишком секси,

Так всё сведётся к сексу, «я бы вдул, да ты огонь»,

И не на фото, где несчастна, нет...

О, я б поставил лайк на фото, где ты нравишься себе,

Чтобы увидеть из тебя – тебя,

Чтобы этим лайком мне с тобой сродниться,

О, сердце, что прозрачно, стало б алым,

Ох, я бы не поставил этот лайк!

Я б взял бы палец свой,

И тапнул бы два раза по экрану

(Ох, я б не тапнул)!

Я б кликнул мышкой

(я б не кликнул)!

Ох, я бы не посмел, я б не посмел посметь поста-
вить лайк!

Я не умею: ставить тебе лайк.

О, что есть лайк тебе? Лайк или не лайк?!

Достойно ль лайки ставить, иль надо оказать со-
противленьё?

И в смертной схватке с целым морем – лайк?!

Не ставить, сном забыться... уснуть... и видеть –
лайк?!...

Какой же лайк в том смертном сне приснится,

Когда покров земного чувства – лайк?...

Заносчивость, отринутое чувство – лайк?

Когда так просто сводит все концы с концами!..

Ой.

Я только что поставил.

Ой. Пиздец. Я только что поставил тебе лайк.

У реальной тебя всплыло уведомление – «Sub-
magina7 поставил(а) вашему фото «Нравится». Забрать
лайк назад? Как её бывший Гриша? Нет, пусть думает,
что я один из этих идиотских интернет-магазинов:
«Привет, классный профиль, заходи на мою стра-
ничку, там много интересного», ага. Аккаунт с тремя
фото, два из которых – подводные лодки. Это всё, на
что я способен. Ага. Это всё, Джоли. Конечно. Поста-
вить лайк и клеить подводные лодки. Так ты думаешь?
Только провожать девочку в метро и смотреть на твои

фото? Думаешь, я конченный лох? Извращенец из Тиндера? Смотри!

После лайка я бы написал: привет, ты очень красивая.

Ты бы: спасибо.

Я бы: о твои скулы можно порезаться.

Ты бы: спасибо. (И скобочку).

Я бы: не могу насмотреться на фотографии (Влюблённый стикер).

Ты бы: спасибо. (С точкой).

Я бы: классно увидеть эту красоту вживую. (Многоточие).

Молчание.

Я бы: ты классная.

Молчание.

Я бы: почему молчишь? Ау?

Молчание.

Я бы: почему молчишь, сука ускоглазая?

Я бы: я бы вдул тебе прямо в твой маленький ротик.

Ты бы: вы не можете отправлять сообщение этому пользователю.

Подожди, Джоли! Я не такой идиот. Отмена действия. КонтрлЗет! После лайка я б написал:

Привет. Давно хотел сказать. Ты мне очень интересна. Я смотрю твои посты и сториз. Даже сохраняю

некоторые. Ты любишь Павича, «Амели», индийскую кухню. Я даже знаю, где ты работаешь (скобочка). И живёшь (две скобочки). Нет, я не преследую тебя, я навряд ли решусь на встречу офлайн, просто хотел сказать: ты есть в моей жизни и...

Ты бы: что?!

Я бы: прости, это что-то сильнее меня...

Ты бы: что?!

Я бы: я ничего не хочу, пойми....

- Ты нормальный? Оставь меня в покое! Я напишу своему парню и он такое с тобой...

- Во-первых, у тебя нет парня уже семнадцать дней, во-вторых... вы не можете отправлять сообщение этому пользователю?!

Джоли, блядь! КонтрлЗет. КонтрлЗет. КонтрлЗет!

Вот видишь! Видишь, как бы всё было?!

Ты бы так не ответила? Умоляю – ты уже так отвечала.

Чтобы разыграть этот диалог, я сделал копию твоего аккаунта. Фото, статусы, аудио – я всё повторил. Не переживай, я держу аккаунт закрытым. Если бы ты наткнулась на него, ты бы посмотрела в отражение. Я был как бы ты. И из этого как-бы-ты я отвечал себе – как бы ты отказала мне в свидании. Я словно проходил краш-тест как манекен в машине. Врезался на всей скорости в стену. Я играл максимально честно, я становился тобой. Ты отказывала мне сотни раз. Сотни, Джоли! Думаешь, если у тебя такие скулы и глаза – можно быть такой? Тебе, наверное, нравится быть такой – ах, смотрите, какая я, ах, какой смешной

аккаунт с подводной лодкой и тремя фотографиями, и одной из них я прямо сейчас ставлю ... Что?!

Ты. Поставила. Мне. Что?!

«Подводные лодки (ПЛ) — класс кораблей, способных погружаться и длительное время действовать под водой», я под водой, она поставила мне... Что?!

«...в отличие от надводного судна, ПЛ обладает способностью ухода на глубину...». Я уйду на глубину.

Она поставила мне лайк!

Это издёвка? Лайк из вежливости? Ты думаешь, я не способен ни на что кроме лайка с аккаунта, где даже нет ни одной моей фотографии? И могу только смотреть? Нет, Джоли, я могу кое-что больше, чем просто смотреть на тебя сквозь экран. Завтра утром, у своих дверей, перед выходом на работу – а я знаю, во сколько ты выходишь на работу – завтра утром ты найдёшь конверт. На нём будет написано «Тебе», буквами, вырезанными из газет, как в «Амели». А в конверте будет кассета. Посмотрим, что ты тогда скажешь!

Танцует.

What a wicked game you played to make me feel this way

What a wicked thing to do to let me dream of you

Ох, Джоли!

Я бы подкатил к тебе так, что у тебя бы просто не было шанса.

После первого лайка я бы отреагировал стикером «огонь» на песню в твоей сториз. Я бы написал: при-

вет. Послушай ещё эту. Я ведь скопировал все твои песни и слушал их на всех платформах. И они стали рекомендовать мне другие песни, похожие на эти. И такую песню я тебе бы и послал. И ты бы такая: о! Цепляет. И с восточными мотивами. И я бы: ага. Прямо как ты. И скобочку.

What a wicked thing to say you never felt this way

И ты бы: три скобочки.

What a wicked thing to do to make me dream of you

Я бы: а вот ещё. И послал бы ты, которую ты слушала пару недель назад, но я бы сделал вид, что не знал, и ты бы: да, давно слушаю её.

And I don't want to fall in love

А я бы: а я только вчера услышал. Может выпьем кофе?

This girl is only gonna break your heart

И ты бы: почему нет? И я бы назвал твой любимый индийский ресторан.

No, I don't want to fall in love (this girl is only gonna break your heart

With you!

Заканчивает танец.

Я отнёс кассету. Завтра ты её услышишь. А ведь у нас может быть свидание, Джоли!

На моей аватарке субмарина, но кто ходит на свидании с субмариной? Как я выгляжу?

Я мог бы выглядеть как твой любимый актёр Адам Драйвер. Я знаю, тебе нравятся высокие брюнеты, если бы я выглядел как твой бывший Макс, у меня

были бы все шансы. Но я не выгляжу как Адам Драйвер. Я не выгляжу как Макс. Прости.

Я могу выглядеть как Эдриан Броуди, не вот прям секси, на любителя, но так выглядел твой позапрошлый Кирилл, я бы понравился тебе, но я не Кирилл и не выгляжу как Эдриан Броуди. Прости.

Ха! Я мог бы выглядеть вообще как-нибудь невообразимо. Представь себе какого-нить толстяка, прям такого страшного всратого толстяка с сальными волосами, и давай они будут заплетены в ужасную косичку, и пускай он носит футболки с «Арией», прикинь! Нет, это, конечно, ту матч. Пусть лучше будут бежевые клетчатые рубашки, но с тёмными от пота подмышками, ха, и пусть от него плохо пахнет, и пусть у него будет толстое носатое лицо, как жирный Укупник, ха! Пошла бы с таким на свидание?

Но вот ты уже приходишь в ресторан, и я уже за столиком, заказал твоё любимое Тикка Массала и оказывается, мой любимый фильм «Амели», а писатель Павич, и это и твои любимые фильм и писатель, ты изумлена, и я бы положил тебе одну ложку сахара в кофе – как ты любишь.

И ты бы: что?

А я бы: не хочешь на Мыс Рока?

И ты бы: это розыгрыш?

А я бы: просто ты мой краш.

А ты бы: это ты развёл меня с Гришей? Это ты убил моих Машеньку и Мишеньку?

Я бы: подожди, я просто...

А ты: смотрите все! Этот извращенец следит за девушками, а я бы попытался схватить тебя за запястье,

но я Броуди, а не Драйвер, ха! Что позволено Максу, не позволено мне, ха! И ты дала бы мне пощёчину – краш!

КонтрлЗет.

При первой встрече я бы мимолётом сказал, что это кафе любила моя бывшая, а ты бы: почему вы расстались, а я бы: ну, мне сложно было открыться, а когда открылся, она испугалась. Или: меня вообще бросают через полгода. Или: а ещё она изменяла мне с бывшим.

И ты бы: о! я так тебя понимаю!

А я бы: так сложно, когда тебя не понимают...

А ты бы: о! я тебя т-а-а-к понимаю!

А я бы: так здорово, когда тебя понимают...

А ты бы: о, да!

Я бы: взял тебя за руку, а ты подержала бы чуть-чуть, чуть-чуть – и отпустила, и мы бы весь вечер болтали про Павича и «Амели», и ты бы – слушай, ты милый...

А я бы: правда?! И ты!

А ты бы: и очень хороший...

А я бы: и ты!

А ты бы: слишком хороший...

А я бы: в смысле?

А ты: давай будем друзьями?

А я: сука, Джоли! КонтрлЗет.

Я бы назначил первую встречу в другом кафе, но в последний момент сказал бы: а давай в индийском

ресторане? Ты бы: о, давай, я его очень люблю. И мы бы не глядя заказали одно и то же, и засмеялись.

И я бы: недавно читал рассказ, там человек в кафе попадал в разные страны в зависимости от заказанного блюда...

И ты бы: о! любишь Павича?

И я бы: ну, что-то мне нравится... Но он часто создаёт загадочность, где её нет...

И ты бы такая: х-м-м, но заметила бы кадр из «Амели» на моём айфоне, и мы бы удивились – у нас один любимый фильм, ты спросила бы, где я работаю?

А я бы соврал: световик в театре, но мечтал стать режиссёром – ты же ведь мечтала стать актрисой, и потом я бы добавил: нет! не говори, где работаешь, люблю, когда есть загадка, хотя я знаю, что ты продаёшь духи в магазине.

А на улице я бы закурил.

И ты бы: куришь?

А я – всего три в день.

А мимо бы проехала Митсубиси с громкой музыкой, и я бы сказал, что вообще не люблю больших компаний и громких мест, и взял бы тебя за руку, и ты бы подумала и не отпустила, и мы бы пошли перелуками, и я бы притянул тебя к себе, и твои азиатские глаза бы расширились, и мы бы поцеловались и взрыв сверхновой, сингулярность, то есть, то, что нельзя предсказать, то есть, тайна, то есть, ключицы скулы глаза, то есть, Марианская впадина, краш и всё, и тут ты бы сказала:

«Куда ты блядь лезешь своим языком идиот?!»

Я чуть не задохнулась! Ты что, даже целоваться не умеешь? У тебя жёсткие губы, и столько слюней, Фу. Фу! Л-л-ох! Ты, вообще, когда-нибудь целовался с женщиной, а? Сосался когда-нибудь, а? Дёснами с кем-нить стучался, а? И я бы сказал, тише, Джоли, люди... и ты бы: какая я тебе нахуй Джоли! Ебанулся?. И я бы глупо захихикал. А ты: хули ты ржёшь, Укупник? Что ты там, клеишь свои всратые подводные лодки и возомнил себя гением, да? «Субмарина7!» Смотрите, как я назвал свой аккаунт! Посмотрите, какой я – сижу в норе и всё просчитываю! Думаешь, послал мне песенку и всё сделано? Думаешь, я не разглядела в тебе толстяка в потных рубашках? Нечего прикидываться Броуди, Укупник! Жирный Укупник! Что «замолчи»? Пусть все смотрят! И не стыдно тебе таскаться за одноклассницами было, а? А знаешь, что? Я лайкнула тебя из жалости. Да. Просто из жалости. Потому что ты жалок. Что ты там шепчешь, какое ещё «КонтрлЗет»? Это реальная жизнь, уебан!

Убери от меня свои грязные руки. На помощь! Я ненавижу тебя, Укупник!»

Я ненавижу тебя, Джоли!

Мне кажется, я знаю, что испытывает манекен в машине, когда налетает на рулевую колодку.

Как ты догадалась, внешность у меня не вот тебе. Да и целоваться я не особо умею.

У меня вообще с девушками...

Моя мама была очень странной. Она меняла всё в последний момент. Она не разрешала мне закрывать дверь в свою комнату. Она планировала безумные путешествия, в которые мы никогда не ехали. Она хоте-

ла подготовиться к хаосу. Она мечтала, чтобы я стал пианистом, – Пашенька, выучи гамму, Пашенька, не закрывай дверь в комнату, Пашенька, хватит играть гамму, милый, почему ты не выучил гамму, мразь такая, Пашенька не закрывай дверь в комнату, жирная свинья, ешь с хлебом, Пашенька, тебе надо хорошо питаться.

Когда мама умирала, у неё сильно болело. Она сказала: сыграй что-нибудь. А я ничего не умел кроме гаммы. Я ненавидел гаммы, но я заиграл, и мама затихла, а потом сказала: «Ты так хорошо играешь», – и я подумал, что доиграю гамму и обниму её, обниму впервые за много лет и скажу: «Мама, всё хорошо, не волнуйся, мир это хаос, но мы обязательно подготовимся, мне только надо доиграть гамму», – и я доиграл, и обернулся. Мама остывала.

Думаешь, я не подписал валентинку, потому что боялся? Я не подошёл, потому что всё понимал. С толстыми прыщавыми детьми не особенно любят целоваться.

282

Ты постишь сториз. Моя кассета. Подпись – «сегодня с утра получила вот такое послание. Эм, криповенько. За мной следит какой-то маньяк. (Многоточие). Как вы думаете, уже стоит обращаться в полицию? (Ржущий смайлик). Честно говоря, страшно. Вдруг там что-то ужасное. Например, Моргенштерн. Или голоса убиенных младенцев. Хотя Моргенштерн страшнее... И как это слушать? Купить кассетный плеер на авито? Короче, если мой маньяк вдруг следит за мной здесь – на будущее – пользуйся современными коммуникациями, ок?» Конец цитаты.

Я не прошёл краш-тест.

Я уберу свой лайк, Джоли. Я удалю то фото, которое ты лайкнула. Нельзя быть такой надменной. Даже тебе.

Я не захожу на твою страницу шесть дней. Может, тебе повезло, и у тебя новый бойфренд, ты счастлива? Не дай бог. Ведь тогда твой бойфренд впустую. Твой кофе и селфи впустую. Кому всё это, если не мне? Если завтра ты умрёшь, кто сохранит твою часть? Не умирай мою часть в тебе. Я так хочу и дальше смотреть в твою жизнь. Это как трогать заусенец. Как сериал. Больно, но нельзя остановиться. Ты мой заусенец. Ты мой сериал. Ты пишешь:

«Больше всего меня в Португалии поражает ни океан, ни мозаики на домах, ни даже портвейн, а чайки. Огромные чайки берут и садятся на церковь. Сидишь в кафе, рядом старая церковь, а на ней чайка. Правда, Гриша больше в восторге от портвейна». (Сториз с чайкой).

Ты пишешь:

«Утром ехали в старом трамвае через лес и горы, а рядом сидела женщина, такого европейского вида. Мы спросили её на английском, едет ли трамвай до Синтры, она ответила, где нам лучше сойти, и полчасика у нас был настоящий смол-ток с европейкой. Она тщательно подбирала слова и говорила с британским акцентом. Хорошо, Гриша знает английский. Когда мы её спросили, откуда она – оказалось из Харькова. И первый раз за границей. Приняла нас за поляков».

Сториз счастливых вас из трамвая. Сзади – женщина из Харькова показывает «Во!»

Ты пишешь: Искупалась в океане! Холодно. (Грустный смайлик.) «Гриша согрел меня полотенцем. И портвейном! (Весёлый смайлик.) Мне кажется, никогда я ещё не была так счастлива». (Многоточие. Фото океана).

Ты пишешь: «Сегодня побывали на Мысе Рока. Это космос. Гриша не хотел ехать, и мы чуть не поссорились. Но когда мы туда приехали, нас накрыло. Океан, ветер, холмы. Я хотела загадать желание про Машеньку и Мишеньку, но загадала кое-что другое. Что загадал Гриша, не знаю. Надеюсь, не Икс-Бокс». (Селфи счастливой тебя и Гриши на океане. Страница Гриши отмечена).

Я смотрю на твоё улыбающееся лицо на фоне океана, и ты такая счастливая, и я так счастлив за тебя, мне так тепло в твоём счастье, как в Португальском солнце, как от портвейна, и я даже не сразу замечаю, что над плечом, прямо над птичьей ключицей вкрался кусочек твоего магазина духов.

Чёрт. Плохо вырезал.

Я беру ваши фото, вырезаю их в фотешопе. Я веду посты с как-бы-ты аккаунта, от твоего имени. Я открыл аккаунт для всех. Я живу вашу жизнь. Будто вы с Гришей вместе. Будто вы всё-таки поехали в Португалию. Я отмечаю Гришу в постах. Гриша уже написал мне, представляешь! Ого! Что же, что он написал, наш счастливый спаниель?

«Что это за херня?! Ты там в конец ёбнулась, Марина?!»

Конечно, он не знает, что за херня, он не видел, как мы рыдали с тобой на пару из-за него. Я счастлив

сделать хоть что-то для твоего счастья. Но над твоей птичьей ключицей – кусочек магазина духов. Чёрт. Я захожу к тебе на страницу. Настоящую страницу.

Ты запостила селфи. Под ним пост.

«Мне хочется найти кого-то, кто бы понимал меня. (Многоточие.) Кого-то, кто не испугался бы заглянуть в самую мою суть. (Многоточие.) Короче, внимательного мужчину.» (Плачуще-смеющийся смайлик.)

Я пишу комментарий: «Мне кажется, знаю такого. (Смайлик, прикрывающий рот.) А если серьёзно, я тоже люблю Павича и «Амели», и индийскую кухню. Может, сходим куда-нибудь?»

Я долго смотрю на кнопку «Отправить». Мой большой палец завис над экраном. «Важнейшее преимущество подводных лодок – скрытность». Я стираю всё написанное. Я не прошёл краш-тест.

Я знаю, как это всё прекратить.

Она так похожа на тебя. Так же выпячивает губки, когда хочет понравиться, а потом, понимая, что выглядит неискренне, так же смеётся. И у неё скулы, и раскосые глаза, и даже голос похож, и тонкие ключицы. Только грудь больше, сильно больше, гораздо больше, и татуировки, которых у тебя нет. Ты не хочешь сделать тату? Я этого не говорил. Я берегу различия, чтобы помнить – это не ты. Я смотрю видео с ней. Бедняжка давно в индустрии, и с ней много видео. Слава богу. Я посмотрел все.

Я сначала не помнил её имени, но так часто вводил его, что запомнил даже расположение клавиш. Это мой личный пароль к не-тебе.

Есть видео, где с ней это делает толпа чернокожих с огромными штуками. Я бы хотел быть всеми ими. Я обожаю видео в формате «пи о ви», как бы от первого лица, то есть, от моего, то есть я как бы это, с ней то есть с тобой ты как бы в моей комнате мы в одной субмарине и мы это ну это то есть я уже вот-вот то есть Пашенька не закрывай дверь что ты делаешь в комнате играй гамму я умираю тебя в себе краш!..

Всего на секунду я освобождаюсь от тебя в себе.

Какие омерзительные видео. Зачем такое, вообще, снимать! Кто их смотрит, извращенцы? Я сохраняю их прямо на стене «твоей» страницы.

Вот пост про то, что в Португалии тебе нравятся чайки.

А потом видео: развёл азиатку на глубокий отсос с окончанием на лицо.

Вот пост. Ты на океане и никогда ещё не была так счастлива.

А следом: китаянка в душе уговорила мужа на секс втроём, минет, жмж, анал, от первого лица.

Вот пост. Вы с Гришей на Мысе Рока. Ты загадываешь самое заветное желание.

Следом: толпа негров размяла все дырочки маленькой азиатке...

Я захожу к тебе, настоящей тебе на страницу, чтобы убедиться – толпа негров не делала это с тобой...

Моя кассета. В плеере.

Я у тебя в ленте. Подпись под фото.

«Помните моего маньяка, что послал кассету? Я заморочилась и купила плеер на Авито. Ох. Там музыка. Моя любимая и какие-то новые песни, но очень крутые. Ощущение, что подборку я сама составляла. Как будто кто-то заглянул в самую меня. Не знаю, читаешь ли ты меня здесь, но у тебя получилось меня заинтриговать».

Ох, Джоли, милая Джоли, как здорово, я не мог и мечтать, что тебе понравилось, я знал – по-другому и быть не могло,

Танцует.

I'd never dreamed that I'd meet somebody like you

Ты видишь? Я смог! Я больше не манекен на краш-тесте, Джоли!

I'd never dreamed that I'd lose somebody like you.

Я так рад быть в твоей жизни, мне больше не нужна та ужасная фэйковая страница, как-бы-тебя, я сейчас же её удалю.

And I don't want to fall in love

Я захожу и вижу: «К сожалению, Ваша страница заблокирована навсегда».

Что?!

Останавливает танец.

Подождите! Это из-за видео? Я всё удалю!

Это всё негры, это не я...

Причина блокировки: «Нам поступила жалоба, что ваша страница является клоном существующей».

Ах ты сука, Гриша!

«Если это не так, пришлите фото паспорта на фоне страницы». Что? У меня нет твоего паспорта... Это не Гриша. Это ты.

Нет-нет-нет! «Подводные лодки (ПЛ) — класс кораблей, способных погружаться и длительное время действовать под водой», я под водой, Пашенька, не закрывай дверь, отстань, мама, эти суки меня заблокировали, что значит не ругайся, Пашенька, мне плевать, мама, они суки, мама, суки, Пашенька похоронил маму три года назад, и не выучил гамму, и ругается на сук – суки!..

Зачем ты отнимаешь у меня мою выдуманную жизнь, Джоли? Это же просто клон, я бы сам удалил. Ты теперь думаешь, что я псих и извращенец, нет, Джоли, я просто играю, я прикалываюсь, это приколы такой, шутка, ты что, не понимаешь? Не понимаешь, что это, вообще, не приколы, это нихера не шутка, это ты и твой космос, космос – это не шутки, краш и всё, ты космос в моей комнате...

288

А вдруг она уже вычислила меня? По АйПи... Вспомнила моё имя, нашла адрес – любого можно вычислить в сети – и едет ко мне домой, со своим бывшим парнем, Гришей, на Митсубиси в кредит, ты видел его накаченный пресс, Пашенька, тебе пиз-дец.

Я захопываю ноутбук.

А может она придёт с Максом-Адам-Драйвером с сильными руками, ты видел его руки – тебе точно пиз-дец, Пашенька.

Я отключаю роутер.

Или с Кириллом, томным фотографом... Хотя что он, сфоткает меня, что ли?..

На всякий случай я задёргиваю шторы.

А вдруг – она едет со всеми тремя, и Макс с Гришей меня сначала отпиздят, а Кирилл всё это сфотографирует?

Я заперся на все замки, я выключил свет, я закрыл дверь в свою комнату...

Со стен на меня смотрела она. Десятки распечатанных селфи. Я стал снимать их и складывать в стопку, снимать и складывать. Это не твоё, слышишь! Это уже не твоя жизнь, ты сама это выложила, и я могу это оставить. Не отнимай себя у меня. Я не буду курить «Вог», я не буду читать Павича и смотреть «Амели», я никогда не поеду в Португалию! Только дай мне жить твоей жизнью! Тебе жалко? Может тогда, придёшь и отнимешь всё у меня? Давай, отними! Я же не Адам-Драйвер-Макс, я слабак, я даже не Броуди – приди и отними!

У меня никогда не будет таких прекрасных скул и глаз, понимаешь! Что тебе так сложно это понять, Джоли? Отрастила себе всратые скулы и узкие глаза, и тебе сразу всё можно, да? Думаешь, что ты лучше других из-за узких глаз! Все азиаты думают, что они лучше – всратые расисты! Господи, ты, вообще, видишь хоть что-то сквозь эти щёлки, расистская тварь! Желтожопая расистка! Иди жри рис и летучих мышей, завезли нам свой вирус! Палочками жри, пихай их в рот, я тебе эти палочки знаю, куда запихаю? Я бы тебе так запихал палочки, я бы засунул тебе эти палочки во все твои узкие дырки, как в том видео, где

азиатку-не-тебя трахает толпа негров, я бы трахал тебя толпой негров и хватал бы за волосы, и бил по щекам, прости меня! Прости!

Бедная моя, я не дам тебя в обиду никому! Ни Максусу, ни Грише, ни Кириллу, ни толпе негров, пускай все сюда приезжают – я защищу тебя. Я буду плакать с тобой над «Амели», а ты будешь болеть своими азиатскими болезнями, и я буду приносить тебе зелёный чай и шерстяные носки, прости меня, Джולי, и я отвезу тебя на Мыс Рока, и ты загадаешь желание, и у нас будут Мишенька и Машенька, и в них сойдутся наши черты. Восток и запад, запад и восток! Дай посмотреть мне на тебя, дай не смотреть!

О, на селфи твои не давай мне взглянуть –

Ведь слепым красота твоя сделает!..

О, твой голос ты в войсах мне слышать не дай –

Ведь глухим голос твой меня сделает!..

О, мне кожи твоей не давай осязать –

Онемевшим меня она сделает!..

Как самум обожжёт!

Как персидским ножом –

Самой смерти мертвей меня сделает!

О, отдам раскалённое сердце пустыням –
сгорят пустыни!..

О, утоплю сердце в глубине океанов –
высохнут океаны!..

О, вместо лайка положу сердце своё к постам
твоим –
вот там ему место!

Среди всех комментариев:
«зайди на мой профиль», «зачётной фотка»,
«зарабатывай в интернете» – там ему месту!
О, всратое место всратому сердцу!

Несколько часов я сидел взаперти и боялся выйти.
Никто не приехал.

Твоя сториз: какие же мерзкие люди. Если они
меня читают, желаю всего плохого.

Твит Гриши: интернет полон извращенцев. Береги-
те близких.

Твоя сториз: иногда чьи-то гадкие выходки сближа-
ют. (Многоточие). И открывают что-то новое. (Мно-
готочие). Или хорошо забытое старое. (Смущённый
смайлик).

Твит Гриши: я совершал ошибки. Но может у меня
снова есть шанс?

Вот как это было. Гриша написал тебе: что это за
херня, Марина?

Ты: какая херня?

Гриша кидает ссылку на страницу не-тебя: вот эта
херня!

Ты: ща посмотрю. *(Пауза.)* Что эта за херня?

Гриша: я думал, это ты!

Ты: я?! А на хрена мне это делать? Это ты?!

Гриша: нет! Я не извращенец же?!

Ты: точно?!

Гриша: давай войс запишу?

Ты: не надо войс!

Гриша: ну, я думал типа ты так переживаешь. И как бы играешь в нас.

Ты: я по-твоему совсем ёбнутая?

Гриша: нет! Можно войс запишу?

Ты: никаких войсов!

Гриша: блин!

Ты: и там ещё эти видео... Фу!

Гриша: ага.

Ты: извращенцы!

Гриша: ага!

Ты: и на меня она совсем непохожа!

Гриша: ага...

Ты: в смысле?!

Гриша: да непохожа-непохожа!

Ты: ну, это же, правда, не ты, Гриш?

Гриша: я бы никогда такого!

Ты: и что делать? Вдруг мама увидит?

Гриша: тебе надо жалобу кинуть на страницу.

Ты: как?

Гриша: можно войс запишу?

Ты: (Стикер с закатынными глазами.) Записывай.

Вместе вы заблокировали страницу-клон, а потом вспомнили прошлое, а потом оказывается, Гриша расстался с Юленькой, а ты: ладно, всё. А Гриша: слушай, я сожалею, а ты: перестань, а Гриша: ладно. А ты: делаешь маникюр и стараешься не заплакать, а Гриша: может выпьем кофе, а ты: набираешь, перестаёшь, набираешь, перестаёшь. А Гриша: Или индийская кухня?

А ты: когда?

Все совершают ошибки. Может, он любит Икс-Бокс и фильмы Марвел, и пьёт такой отвратительный кофе, но ведь не в кофе счастье. Любовь – это не эти маленькие совпадения, может, любовь, это как раз умение преодолеть эти маленькие несовпадения, любовь – это умение простить, вот что надо написать на фантиках «Лав из» – любовь это умение простить маленькие несовпадения, может мне стоит простить его, он просто один раз облажался, ну и что, он сам написал мне, и сам предложил, он вернулся ко мне сам, может, я люблю его. Просто – встретиться. Я увижу и почувствую сразу, люблю или нет...

Какая же ты дура, Джоли. Всё кончено.

Сейчас ты это поймёшь.

«Привет. Давно хотел сказать. Ты мне очень интересна. Я смотрю твои посты и сториз. Ты любишь Павича, «Амели», индийскую кухню. Я даже знаю, где ты работаешь. И живёшь. Ты куришь три сигареты «Вог» в день, ты пьёшь кофе с одной ложкой сахара. Я навряд ли решусь на встречу офлайн, просто хотел сказать – ты есть в моей жизни. Просто в тебе есть что-то. Я никогда не видел такой красоты. Как если бы Анджелина Джоли родилась в Японии. Скулы как лезвие. И эти твои азиатские глаза. Я смотрю на тебя и вижу, что есть что-то большое, понимаешь? Больше, чем просто красота. И это всё как Марианская впадина. Ты как замочная скважина сквозь которую я смотрю на Бога. Это не про секс, господи, причём тут секс, это даже не про влюблённость, это про что-то большое, понимаешь? Ты думаешь, я псих. Это я сде-

лал тот мем про Гришу. Это не из ревности, мне просто казалось, что Гриша вообще недостоин тебя, дело даже не в измене, он просто спаниель со счастливым лицом, а ты – Марианская впадина, зачем Марианской впадине – спаниель? Мне кажется, если бы я мог заглянуть в тебя, я бы не сбежал. Но я боюсь подойти. Я просто смотрю, и мне достаточно, и прости, что я посмел вмешаться в твою жизнь, прости за Гришу ... И за этот идиотский аккаунт – прости, и за видео – особенно прости, я больше никогда не приближусь к тебе, я, наверное, отпишусь, исчезну, но я просто хочу, чтобы ты знала – есть тот, кто смог бы заглянуть. В этот твой космос».

Я смотрю на кнопку «отправить». Я выкуриваю дневную норму «Вог» за раз. Я выпиваю три чашки кофе. Я надеваю что-то чище и лучше рубашек в клетку. Я смотрю на кнопку «отправить». Я выделяю весь текст. Я удаляю его.

Я так боюсь, что я всё выдумал. Что в тебе ничего нет. Что всё что в тебе есть – скулы, глаза, ключицы. И всё. И в пробелах перед запятой нет ничего кроме пробела – просто пишешь с телефона. Нет никакой Марианской впадины, никакого космоса. И ты прекрасно знала это. Но упорно поддерживала иллюзию. Как пустая раковина закручивалась в себя – а там ничего. Или ещё хуже – что-то другое. Как с той женщиной – думаешь, она из Англии, а она из Харькова. Ты же не из Харькова? Я ничего против Харькова не имею. Просто не хотелось, чтобы у тебя внутри был Харьков. Слово ещё такое – Харьков... Как будто какая-то болезнь. «Сожалею, у вас Харьков внутренних органов»... У тебя внутри должен быть как минимум Мыс

Рока. Но вдруг, если бы я решился и позвал тебя на свидание, и у нас были бы отношения, и Мишенька и Машенька, вдруг бы я понял, что это не то? Вдруг издали – через селфи, посты, сториз – ты гораздо красивее? Может, я бы продержался как все – полгода. И всё. И всё! Джоли, я потратил на тебя столько лет, столько лет я смотрел в твой космос... И всё?! И ты меня наебала?! Готова променять меня на спаниеля, всегда была пустышкой, ты охуела, Джоли, ты предала всё наше! Ах, я ничего не сделал? Ах, я должен был себя проявить? А ты должна была догадаться! Ты должна была беречь себя для меня и не встречаться с мудаками! Ты хочешь, чтобы я вышел из тени? Хочешь, да?!

Чтобы создать для тебя парня, с которым ты точно пойдёшь на свидание, мне нужно было два часа. Я делал всё наверняка, тщательно и быстро. Внешность – Адам Драйвер. Я искал похожих парней по хэштегам, по стокам и модельным агентствам. Я нашёл. Жгучий брюнет и похож на твоего любимого актёра. Стильный и руки красивые. Работать он будет театральным световиком. Хотела стать актрисой? А он режиссёром. Общие неудачи сближают. Читать будет Павича, ставить многоточия и пробел перед запятой, обожать индийскую кухню, а главное, ищет необычную девушку. С загадкой. Он идеален как модель подводной лодки, мне даже пришлось чуть осветлить его до шатена, и сменить индийскую кухню на вьетнамскую, а к Павичу добавить Маркеса, чтобы ты не подумала, что он следил за тобой. И вот он рядом с твоей работой, взаимный свайп вправо. Шаррики, конфетти. Матч.

- Привет (скобочка).

- Привет (скобочка).

- Похоже, я везунчик...

- В смысле?

- Ну, «Амели», Павич.

- А. Профиль посмотрел?

- «Если бы не ты, мои чувства были бы лишь бледным отражением чужой любви»

- Погуглил, да? (Скобочка.)

- Знаю этот фильм наизусть. И ещё знаю главную тайну мироздания.

- Э-м, какую?

- Как выглядела бы Анджелина Джоли, если бы родилась в Японии.

- Ах-ах. Надеюсь, не будешь говорить про скулы, о которые можно порезаться?

- Не, не знаю старо-славянского, чтобы использовать такие древние подкаты.

- Слушай, я зря ответила. У меня сейчас запутанная ситуация... с бывшим. Сорри.

- Да понимаю. Бывшие – такое дело. Надеюсь, твой порядочней моей.

- В смысле?

- Ну, моя мне изменяла. Со своим бывшим. (Молчание.) Ну, пока.

- Я передумала. Давай встретимся.

Ты удивишься, когда увидишь на свидании не стоковую фотографию псевдо-Адама Драйвера, а меня, и конечно, не узнаешь спустя столько лет. И когда вместо «привет» этот самый я под удивлённые взгля-

ды официантов и посетителей достанет вот этот советский консервный нож – ты в изумлении вскинешь свои изумительные брови – что?! – ещё не веря – и вот этот советский консервный нож войдёт прямо между птичьих ключиц в азиатское сердце, в самую твою суть. Краш. И всё! Узкие глаза сначала расширятся до самой-самой Марианской впадины, космоса и мерцания, и я наконец увижу и пойму твою тайну, а потом медленно-медленно стянутся, и ты будешь думать: господи, за что? не надо! или: кто это, вообще, такой-то? И может, на секунду: а он даже красивый, правда, полноватый и чем-то похож на Укупника, но так хорошо умирать в этих заботливых руках, и этот советский консервный нож между моих ключиц, может, это и есть любовь? Любовь – это консервный нож в моём сердце, и он открывает во мне любовь по имени Марианская впадина, напишите это на всех фантиках «Лав из». Любовь это консервный нож в сердце, пробел перед запятой, многоточие, вот что такое «любовь», Джоли, полный кромешный краш! И получается, что я... люблю тебя? Все эти годы я люблю тебя, и пусть моя любовь – этот советский консервный нож, но значит только так я и умею любить!

Когда я подошёл, я увидел только твой силуэт. Силуэт в окне индийского ресторана. Но я сразу понял, что это ты, это была ты, и ты была такой прекрасной, хотя я видел только силуэт. Это была ты, это была ты. Это была ты. Ты. Это была ты. Это была ты. Это была ты. Это была ты. Только силуэт. Это была ты. Это была ты. Только силуэт. Это была ты-только-силуэт. Ключицы ты, скулы ты, глаза ты, только силуэт, ты, мама, видишь, это была ты, так и написать в тексте –

ты много раз, это была ты. Только силуэт. Я стоял у окна и смотрел. Консервный нож выпал из моей руки. Я не смог подойти. Я нарисовал лайк пальцем прямо на окне. И тут ты заметила меня. Я побежал прочь. Ты выбежала из индийского ресторана и крикнула что-то вслед, мне даже показалось – моё имя, неужели ты помнишь моё имя, Марина?

Дома я стал удалять все твои селфи, все сохранённые фото и сториз, я сжёг в раковине все распечатанные фото, я плакал от дыма, от дыма... только от дыма, Джоли! Я отписался ото всех твоих страниц. Я зашёл к тебе в последний раз, перед тем как добавить тебя в чёрный список. Там был пост. Фото с моим лайком на стекле.

Надпись: «Почему ты не пришёл?..» Мне так больно за тебя, Джоли. Мне так больно за тебя, Марина.

Почему эти мужчины так ведут себя с тобой? Почему эти мужчины так ведут себя со мной, думаешь ты. Почему ты для них только на полгода. Почему я для них только на полгода, почему они даже не приходят на свидание, почему изменяют мне... тебе с бывшей? Почему они всё время так внимательно смотрят в меня и ждут чего-то, а потом уходят и разочаровываются, что они там ищут? Они думают, что ты... я чем-то отличаюсь, и они ждут этого от меня, и я так старательно поддерживаю это! Я как будто всегда сдаю экзамен на наличие тайны!

Всю жизнь мне казалось, что меня разоблачат. Что я какая-то самозванка и живу не свою жизнь. Мне казалось, если бы все узнали, что я ничем не отличаюсь от других, меня бы просто отвергли, никто бы не обратил на меня внимания, я была как пустая раковина,

которая закручивается сама в себя, но внутри она пустая. В этом и была моя тайна – никакой тайны! Во мне никогда не было никакой тайны, как в других. Я была как ворох цветных тканей, очень красивых цветных тканей, которые разматываешь и разматываешь, пока не доразматываешь до сердцевины, но сердцевина пуста! Я и была красивой тканью, я и была красивым ворохом, и в этом была моя красота и тайна, красота раковины, в которой ценен каждый изгиб, каждый поворот, раковина, что создаёт иллюзию моря, если приложить её к уху, но ведь это такой красивый шум, волны, Мыс Рока. Я никого и никогда не могла впустить в свою пустоту. Я думала, это какое-то преступление – носить в себе такую пустоту, огромную пустоту, размером с галактику, в тысячу парсек, и это и была моя тайна, самая огромная тайна, что внутри такая пустота, и она может вместить каждого, и я так искала того, кто заглянет в неё и не утонет, кто утонет по самое горло, уйдёт с головой, как субмарина в Марианскую впадину, я понимала, что там нет дна, там нет дна, там такая бесконечность, мне нужен был кто-то, кто заглянет туда и поймёт, какова эта бесконечность, кто заглянет и не испугается, кто испугавшись, не испугается испугаться, кто заглянет в мою тайну, в самую бесконечную и непонятную тайну; такую понятную, такую простую, кто был бы готов заглянуть в эту бесконечность и упасть, бесконечно долго упасть, упасть без конца в бесконечно, и кто бы ни заглядывал в эту бесконечность, он всегда отпрыгивал назад, он всегда вздрагивал и отходил. Но я всё время, всё время чувствовала, что кто-то смотрит на меня, что есть кто-то. Кто-то, кто смотрит в самую мою бесконечность,

с самого моего детства, ещё со школы, заходит в мой вагон метро и едет со мной три станции, хотя ему в другую сторону, и смотрит на меня, переписывает мои ответы из Дашиной тетради с анкетами, дарит мне неподписанную валентинку по мотивам моего любимого аниме, и смотрит из своей комнаты, завешанной субмаринами, и этот взгляд такой тяжёлый и липкий, такой гневный и любящий, такой омерзительный, но такой родной, такой человечный, и впервые заглядывая в мою пустоту, в сердце раковины, Марианской впадины, он видит всё, и видит себя смотрящего в меня. В маленькой комнате. Завешанной субмаринами и моими селфи, он отражается во мне, тысяча зеркал. Он видит себя и осознаёт – я просто смотрю, я просто взгляд, – и понимает, насколько этот взгляд тяжёл и липок, насколько он гневный и любящий, насколько он родной, человечный, это я смотрю, думает он, то есть, я, то есть – он, то есть, нет разницы кто, там в такой бесконечности – нет разницы – кто, и он тянется к огромному синему сердцу и кликает в него, как субмарина в океан, трогает пальцем коротко и быстро, два раза, и сердце становится красным, красный океан любви, краш и всё! И всплывает уведомление с субмариной на аватарке, субмарина всплывает, и он тянется к чату и пишет, и мне впервые приходит сообщение от него, от страницы с субмариной на аватарке...

– Привет. Давно хотел сказать. Ты мне очень интересна.

Евгения Скирда
МЕДОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Действующие лица:

РИТКА, 17 лет.

НАТАЛЬЯ, 38 лет.

Наталья находится в комнате своей квартиры. Её телефон на громкой связи.

Ритка постоянно куда-то идёт, она постоянно говорит по телефону в наушниках, движется.

РИТКА. Мне, короче, сняли брекетy тогда, и я смогла свободно говорить. Не терпеть больше. Ну, да, носила год, шепелявила и дёсны ныли. А батя сказал: «Теперь зубки ровненькие, беленькие, не зря на заводе горбачусь, доча». А Марина добавила: «Ой, теперь у змеюки не только яд, но и зубы прорезались – берегись все, теперь не только кровь сосать будет, ещё и мяса нашего отгрызёт». А я чё, я виновата, что старшая? Вон Русик, чуть что – сразу за её подол прячется. А меня некому защитить. Окэ? Я сама себе защита, чё. Ну, подумаешь, конфеты отобрала у него. А чё, мне не покупают уже, я старшая. А ему на восемь лет и торт, и билет на Даню Милохина! А мне брекетy только-то, и то год назад. И чё, Даня этот, Тиктотер Имбецильный, это вообще не музыка... А со мной всегда так, с самого детства! Котёнка хотела, ага? В школу музыкальную на пианино, ага? В Казань с классом на лето, ага? Шиш, Ритка, денег нет – так они говорили. А потом я в третий класс пошла, и Марину от мерча повысили до супервайзера, а батя на заводе до нового разряда доработался. И чё-то резко стало так много денег у них, прям как Русик родился у неё, – и сразу стало на всё хватать. Да на него, в смысле, не на меня! Чё, чё! Обидно мне, чё! Но я уже типа «взрослая», мне карманные давать не надо, всё на Русика надо. До сих пор надо. У Русика счастливое детство, теперь ошибок они не допустят. У Русика и подгузники были, и Лего, и айфончик на подходе. А у меня куклы «LOL»

даже не было, а у девчонок были у всех и оригиналы! А пошли первые меськи как-то, и мне стыдно было, – она-то про меськи не говорила со мной. Я испугалась, жесьть – и чё это? Я умираю, что ли?! И сказать страшно, и сказать некому! Бате стыдно же. Про секс вообще не разговаривала со мной, болт положила. И это, капец, упущение, ага? И я увела у Марины косарь на прокладки и вкусняшки, молча, когда прогуллила, чё это со мной такое. Так она такой буй подняла! И к бате, шестерить сразу: «Девка твоя – воровка у тебя, выкуси!» Батя только поржал и сказал, чтобы деньги я у него просила, если надо будет на такие дела. Марина орать снова начала: «Пусть она сначала общаться с родителями нормально научится!» Это она про тот случай с обедом. Я в наушниках сидела, она мне кричит с кухни: «Ритка, отцу борщ подогрей, с работы придёт». Она во вторую смену собиралась и не успевала уже. А я со школы пришла, так мне хотелось V.K. послушать, ну сил нет, в школе не получилось. Ну, я и решила часик с ним вместе в ушах провести дома на диванчике. Кайфовала и не слышала её. Она, короче, орала-орала, разозлилась, как схватила наушники мои, как выкинула их на пол вместе с телефоном! Как на ухо мне закричала: «Борщ отцу подогрей, сучка малолетняя!» А я разозлилась, что она волшебство моё с V.K. разрушила! Жарко мне стало, я как дала ей оплеуху, как крикнула: «Пошла нахер со своим борщом! Я V.K. слушаю, ты чиха его недостойна!» Ну и всё. Она и подприсела и отстала. Орать-то орала всегда, а драться со мной не с руки – она толстая стала, неповоротливая, а я-то юркая. И ногти у меня есть – глаза выцарапать могу. И завела же песенку бате про меня:

«А ты деньги ей не давай, а то она только бабла и ждёт от тебя, а ты ей не нужен!» Ага, это ты ему не нужна! У меня ж комната рядом с ними, Русика она дальше переселила, чтобы он засыпал быстро и их матюги не слышал. Так вот она залазит на него ночью как-то, я ж не сплю, подушкой накрылась, слушаю всё и представляю. Озвучка, как в фильме Тарантино, а у меня в башке картинки. Залазит, представляю, пыхтит, слюнями по лицу его, а он ей тихо и твёрдо: «Отъебись, Марина». А у неё голосок еденький такой тоненький: «Ну, чего ты, Лёша, давай на шишечку?» И он такой в ответ: «Жопу похудей сначала. Не хочу я тебя». И она такая шебуршит, одеяло в охапку и от него – в зал на диван спать, обиделась, типа. Я лежу и лыблюсь. Вот чё тогда подумала: «Классно мне, меня батя любит, а тебя нет. Потому что я молодая и дочка его любимая, а ты толстая и некрасивая женщина. Мачеха. Чужая».

НАТАЛЬЯ. В наше время так легко выходить замуж, рожать детей, а потом так же легко разводиться и звонить друг другу в ярости, требуя забрать Ксюшу или Андрюшу из школы, потому что твоя очередь. На кафедре культурологии, где я преподаю, полно разведёнок и одиночек. Насмотрелась я и наслушалась чужого нытья – своего не хочу больше. Не то, чтобы даже осознанно, а просто так легче. Просто надоело уже каждую субботу в Тиндер писать. Надоело быстрый секс. Не о чем поговорить. Надоело «для здоровья». Я не ханжа. Но надоело. Почему-то стала бояться аборта. А я знаю себя, я сделаю, если вдруг потеряю бдительность. Не хочу больше пачкаться. Жизнь женщины должна цениться выше «недожизни» зародыша в моих маточных трубах. Тем более,

что второго я не осилю и не потерплю. Алиса – это стечение обстоятельств. Единственное моё удачное приобретение от Славика. И как только мы развелись, я стала больше ценить время, которое с ней провожу. Я рада, что смогла проводить её в первый класс ещё в полной семье. Я рада, что малая степень напряжения тогда ещё это позволяла. И я верю, что она вырастет достойным человеком, несмотря ни на что. Ни на мою предстоящую кандидатскую, ни на её близкое окружение со стороны отца. В наше время женщина стала гораздо сильнее и самостоятельнее мужчины. Это неоспоримо. Так вот, я считаю, что жизнь с отцом её закалит. Она пройдёт свой сложный путь и извлечёт необходимые уроки. Что? А найдите мне не травмированного человека? Да мы все кричим о своей боли направо и налево, но не прорабатываем! Я начала, Слава богу. Пусть и поздно. По молодости выскочила замуж, родила, дура дурой, боже мой. Только теперь я понимаю, что это из-за «синдрома отличницы». А я же ещё очки носила, и прыщи выдавливала – полный набор. И медаль у меня золотая, и диплом у меня красный. И всё идеально. А мужа нет и нет. Мамочка тебе это твердит, девочки с кафедры тоже – сама начинаешь думать про себя, что ж не так-то со мной, я же не ущербная? И тут уже не будешь задумываться о качестве продукта. Тут ищешь особь репродуктивного возраста, на лицо не совсем противную – и действуюешь. Надеваешь на себя обтягивающее платье с декольте. Губы – в красный. Его – спаиваешь в баре за свой счёт. Это потом, я пожила с ним – а там ни Достоевский не читан, а там мат-перемат, алкоголизм и нахальство. Челядь. Ещё и зарабатывает меньше меня.

И понимаешь: вот это была твоя яма, чтобы ты побултыхалась на дне. И понимаешь, что настолько не ценила себя, что с радостью добровольно туда упала. А теперь время всё изменить. Надо, чтобы ты собралась, поняла, что счастье женщины в саморазвитии. Обратилась к феминизму, эмансипации и стала вести работу над собой. Так что, были у нас с Алисой стабильно два раза в месяц встречи – одна тет-а-тет, вторая – общая со Славиком. Я в суде сама попросила, чтобы дочь с ним жила. Главное, я отпустила его и не виню, что он такой. Он сам себя съест, когда осознает свою неправоту. Я отделяю дочь от бывшего мужа – это две разные личности. Я не стала его переделывать. Алиса про него всё поймёт, Алиса не глупая. А я вернулась к истокам, к своему эстетскому нутру. Я хожу в Эрмитаж каждые выходные. Я снова хочу красоты. Я снова саморазвиваюсь.

РИТКА. А брекеты как сняли, это ж весь класс заметил. Не, не, меня не булят, ага? Я такая, куда все – туда и я. Не высовываюсь. В школе выёживаться – оно надо мне? Я чё – идиотка? Я это терплю ради бати. Окэ, окэ, вот последний одиннадцатый закончу и «досвидули». И никаких институтов далее. Я чё – идиотка, на это время тратить? Блогеров видели? Два мультя на мне часы, три на шее, шесть под жопой – мне чуть больше двадцати! Я тоже так хочу. Не, я знаю, с неба не свалится, надо двадцать четыре на семь пахать. Так я готова! Я филонить не буду! Я...Я, короче, пишу стихи. Не, этого никто не знает ещё... Это я в телефоне только в заметках у себя сохраняю. Вот не показывала, но хочу! Хочу Инстаграм на это перезалить. Раньше думала песни писать. Но не, я не

доросла, у меня навыков нет, чутья нет к музыке, наверное... Но стихи очень даже у меня получаются! И сочинения русичка мои хвалит. Короче, я стихов уже штук сто понаписала, но ни один так и не выложила в сеть. Ну, потому что всё никак не решусь – начинать надо с чего-то гениального. А мне всё кажется, что вроде норм стихи-то, но не дотягивают до паблика... Только вы тихо, этого не знает никто. Никому не показывала, не рассказывайте никому больше. А когда мне стихи прям не нравились, я прям комкала бумагу эту и над унитазом жгла как настоящая поэтесса! А если дома кто был, так прямо рвала на кусочки и в мусорку. Вдруг увидят там, спросят, чё это? Но никто не спрашивал. Это потом телефон появился, сначала же не было. А некоторые не рвала, а комкала просто. Вот чё я хотела всегда... Я хотела, чтобы их мама нашла как-нибудь случайно в мусорке. Развернула листик и прочитала. И такая слеза умиления поползла бы у неё по щеке... И она бы подумала: «Какая Ритка талантливая у меня. Прям Вера Полозкова. Не, прям Бродский!» И пришла бы ко мне и обняла бы. Только никогда она так не сделает. Умерла потому что, когда я родилась. И хоть я по фото только, а помню её лицо! И знаю, какая она была, отвечаю – знаю! Она была супер. Глаза помню. Добрые, большие, светлые. Зелёные. Тёплые. Как лето.

НАТАЛЬЯ. На безрыбье и рак рыба, как говорится. Была очередная встреча. Он назначает всегда, чтобы было рядом с его домом – верх эгоизма. Я просто не хочу лишний раз с ним полемизировать. Поэтому уступаю. Он кормит Алису фастфудом, она стала толстеть, я заметила. Но не сказала ничего. А

я села на безглютеную диету и у меня даже стали разглаживаться мимические морщинки. Чувствую, что буквально перерождаюсь. Я – вверх, остальные – вниз. Верный путь. В последний раз мы рассорились из-за шапки. Вполне уже было тепло и я сказала Алисе снять её. А что, пусть закаляется! А то вырастет, как в дендрарии. Неженкой и белоручкой. Зависимой! Как я раньше. Так что, я сказала снять. А этот, горе-папаша, наорал, что она простудится и нацепил на неё обратно. Ты на нос ещё ей натяни, придурок. Так сложно с вами, без искусства... Поэтому я ехала уже внутренне в тонусе и готова. Настроилась на крики. Он назначил в KFC на «Техноложке», его метро. Там на втором этаже удобно более-менее. Я опоздала немного – лекция. Ор начался сразу. Как только я порог переступила на второй этаж, а они там уже за столиком сидели, Алиса сразу ко мне, с улыбкой: «Мама!» И обнимать меня за талию – маленькая, ещё не дотягивается. А этот за столом сидит, улыбается, чудище. И я оттуда уже чувствовала – бухой. И дымом пасёт. Отвратительно. Сели мы за стол с Алисой напротив него. Он мне: «Чё, Алиска, опаздывательница, мать твоя, да?» Алиса кивает как ни в чём не бывало, я молчу. Он опять: «Чё, Алиска, давай, отчитайся, перед родителем! Рассказывай стих, который учили. Покажь своё развитие». Алиса засмеялась, да и как начнёт своим бархатным голосочком: «У Лукоморья дуб срубили, kota на мясо порубили, цепак-херак в музей снесли, русалке в бочке засадили и написали «Ебе...» Она не договорила, потому что я ей рот ладонью закрыла. И сказала строго: «Алиса, это плохой стих, не читай его больше!» Примат этот в голос смеётся как конь гривастый и в

ответ мне: «Алиска, а ну, мать нахер пошли! Давай, посылай! Мы люди простые, мы – человеки, а ты, Наталья... Кто, Алиска, у тебя мать? Алиска?» И Алиса ладонь мою убирает и кричит на весь КФС: «Вшивая интеллигенция!» И тоже смеётся. «Умничка, дай папе пятюню!» – крикнул. И она ему ладошку протянула свою. Я сижу, чувство, будто на меня ведро фекалий вылили. Я сразу в туалет ушла. Нужно было очиститься. Руки вымыть и лицо ополоснуть. Да, плакала! Да, оскорбилась! И тогда лишь поняла, что Алиса вырастет быдлом. А я не могу, не могу этому помешать. Уже не в силах. Я тридцать восемь лет жила ради других! В школе – одни пятёрки для матери. На даче – посадка картошки для отца. Для одноклассников – ботаник, дай списать, бери, конечно. Для кафедры – Наталья Леонидовна, заберите вечерние часы заочников, ах, разумеется! Я могу пожить для себя, хотя бы в зрелости? Хоть в чём-то для себя? Имею право! Я устала от быдла и грязи! Мне нужно чистое, эстетическое и возвышенное. Что-то из «тонких миров». Алиса меня простит. Алиса тоже будет женщиной. Алиса будет человеком.

РИТКА. Да, брекеты эти, брекеты... Короче, сняли, идём после школы с Виталей. Я языком губы облизываю с непривычки. Он чё-то засмотрелся. Меня за руку взял так – ну, мы условились давно, мы типа встречаемся. Ну, знаете, как это в школе бывает, ага? «СП» ставишь, делаешь совместные фоточки, переписываешься на интим по соцсетям – создаёшь виртуальный образ «встречания». А на самом деле – ну, такое себе. Мы просто на людях друг друга шупаем, да и всё, типа хорошие знакомые. Идём, короче, со школы

и он за руку меня взял и сильно так, властно, я прям почувствовала. И говорит мне: «Рита, давай отстанем. Мне надо тебе кое-что сказать». Мне не понравилось это, типа претензия на мою свободу. Я поднапряглась, но говорю: «Окэ». Может, расставим все точки «над И», наконец, может, расстанемся и всё. Приму на себя романтический имидж отвергнутой. Отстали мы от своих одноклассников, а он развернул меня к себе, руку стиснул так сильно и в глаза мне смотрит. Я ему: «Ну, чё?» А он мне серьёзно так: «Рита, я долго думал, чё это у нас с тобой. Рита, я понял. Рита, я тебя люблю». Я еле сдержалась, чтобы не заржать в ответ! Ладонку-то высвободила, выдохнула и тоже прямо спросила: «Почему ты так решил?» А он глазки вниз опустил и тихо так: «Нравишься очень мне... Не знаю». И не смотрит, боится взглядом со мной встретиться. Ну чё, я развернулась и ушла. А он не пошёл за мной даже, стоять остался. И больше мы с ним не встречаемся. Я его в ЧС везде кинула и в классе не разговариваю с ним. Мальчик! Чё ты можешь знать о любви в свои семнадцать? Чё я могу знать о любви? Как смеешь ты раскидываться этой фразой? Да я никому такого не говорила! Кто знает, может, и не скажу даже, может, и не узнаю, как это! За всю жизнь не узнаю! А ты так легко... «Я тебя люблю, нравишься мне». Тьфу, противно, ага? Я так разозлилась тогда. Я об этом неделю думала, как ты посмел, Виталя, как ты посмел это чувство осквернить своей тупостью... И я не выдержала. Перед четвёртым уроком, когда он на последней парте сидел и видосы в Тикток записывал, я к нему подседа. Наушники надела на него свои и врубила ему песню V.K. С первого альбома, когда он с

женой ещё, там чувственно всё так, пипец... Врубила на всю громкость в одно ухо, а во второе кричу, кричу отчаянно: «Вот любовь, Виталя, вот она любовь, вот! Чувствуешь, Виталя, чувствуешь?» А я слышу эту музыку, а у меня слёзы на глазах... Ревёт Колтрейн... И лицо вдруг мамино перед глазами появилось! Я Витале в локоть вцепилась от неожиданности, больно сделала, думаю. Призрак, ага? Он испугался, смотрит на меня, сказать ничё не может – трясётся весь. Ну, я успокоилась, поморгала, мама и пропала. А Виталя трясётся. Я вижу, не по силам тебе, мальчик, не по силам. Не вывозишь и не вывезешь. И вырубил. И забрала наушники. И на своё место села. Мама, тебе бы понравились его песни. Это так искренне и так больно. Так как нет тебя, Мама.

НАТАЛЬЯ. Ушла по-английски. Отвратительно, противно, мерзко! Да, я чувствовала себя униженной и оскорблённой. А у меня заседание кафедры по кандидатской, предзащита. Помчала. Я как представила, что нужно будет терпеть эти их замечания и придирки, – а у нас вся кафедра женская, к слову, змеиный клубок, я чуть не взвыла. Но, нет, нет, мне нельзя терять лица. Я взрослый человек. Я сильная женщина и всё выдержу. Я зашла в магазин, купила торт, коньяк и розовое испанское – зав. кафедры любит. А как же без этого? После предзащиты принято всем вместе культурно выпить спиртного и уже в неформальной обстановке перетереть косточки всему университету. И вот две у нас есть – Бобчинский и Добчинский местные. Виолетта Ивановна – моего возраста, в жёлтых очках томная дама, постоянно курит в окно, а пепел стряхивает на пол и каждый день рассказывает о своих мно-

гочисленных мужиках. И так много их у неё! И каждый день – драма! И женатики, и студентики, и вся она такая роковая бестия. Да только вживую я ни одного с ней рядом не видела. И вторая – Алика, лаборантка. Пить не любит, но за семерых пьёт. И у той тоже сплошь драмы, только она лесбиянка и её постоянно бросают женщины. И остальные, зав.кафедрой, декан, планктон... Это не особо интересно. Предзащитилась я неплохо. Тема интересная: «Лекарственные снадобья аравийцев XII века». Я выбрала наименее изученное. Я копнула глубоко-таки, до меня тема была мало исследована. И уже во время пьянки Виолетта Ивановна втянула в себя сигарету, как пылесос, выпустила дым из ноздрей, те расширились и придали ей дополнительного уродства. Я скривилась, я уже была пьяна. Виолетта Ивановна сказала: «А что это у вас, милочка, Наталья Леонидовна, такой акцент на китайском «медовом человеке?» У вас целая глава ему посвящена. Вы что, потекаете каннибализму? Нет, я сама считаю себя приверженкой прогрессивных взглядов. Я глубоко толерантна и вы знаете, у меня в Фейсбуке был пост с тегом BlackLiveMatters... Но, Наташечка Леонидна, я бы на вашем месте эту главу совсем исключила. В вашем тексте можно найти, что съев кусочек человека пропитанного мёдом, действительно можно и от Ковида вылечиться и ампутированную ногу заново отрастить. Это весьма голословно. Весьма. Это не аксиома, нет». Алика вдруг заревела навзрыд. Её спич Виолетты растрогал. «Человек из мёда... Это такая метафора, Наташа, такая метафора. Ты гениальна, Наташа... Такой целительный и такой сладкий. Только с хера ли мужского рода-то...» И кинулась меня обнимать. Я её

мокрое пьяное лицо от себя отодрала. И не стала полемизировать с Виолеттой, хотя она и очень хотела, даже очки свои модные сняла и на меня глазищами «зырк». Остальная кафедра затянула «В Питере пить». В голове у меня загудело – я будто на чёртовой пляске себя ощутила. Ушла в туалет, и снова почувствовала себя грязной. Голова гудит, глаза ополоснула, нужно вернуться, а то потеряю лицо. Я к двери, а там Алика зарёванная. Смотрит на меня и марочку на язык. «Спать не могу, мысли в голове не дают, она в голове... Наташа, прости, Наташа, помоги». Конечно, я же всегда всем помогаю. Всё для вас... И не отказала. Говорю ей: «Чем помочь, чем?» Она руки на плечи мне положила и взасос! И слюни эти я её проглотила, потому что не ожидала... И в живот её ударила, чтобы отцепилась, потом выбежала. Долго бежала по коридорам, а лампы на потолке, как самолёты, мерцают, «бегают» туда-сюда, взлетают... Потому что не ремонтирует никто. Бегу, плююсь, а поздно, уже проглочена отравка... Бегу, думаю, что со мной? Что со мной будет? Голова кругом... Как не вовремя всё! Какое чёрное всё вокруг! Как оттереться? Как откреститься от этого всего? Из университета выхожу, звонок от Славика. И в трубке его хохот: «Наталья, вам невячка. Чё за мать-то такая, к дочке на выгул не пришла? Так и скажу опеке – не было её, хер забила!» А потом как гусь гогочет, и гудки в трубке... Я заново набираю – а там уже абонент не абонент...

РИТКА. Ну и дэрэ у меня через пару дней был. А я ж отслеживаю, и так совпало всё пипец – в дэрэ у V.K. кончик! Ну, знак, ага? Точно знак! Билеты на танцпол самые дешёвые – косарь. Я как это увидела, прям так

и застонала от боли – косарь выпросить у Марины – это анрил! Ну, батя... Я стесняюсь у бати просить. Чё, чё, потому что! Там просто такая ситуация при родах была у мамы... Там либо я, либо она. Ну, и мама вроде сказала, что рожать будет – это он мне так рассказывал. Как-то зимой напился, Марина с Русиком на катке были, он мне и проболтался. Сказал, что умолял её отказаться от плода, от меня типа... Типа любил её очень. Типа ещё нарожает, а если не сможет, то из детдома возьмут. Я как это услышала от него, я закрылась нахер... Стыдно брать у него и деньги, и просить чё-то... И на Марину никогда ему не жаловалась! Только она на меня! Но на концерт хочу, пипец как! Где косарь взять – вообще не понимаю! Сижу, короче, залипаю на его страничку в Фейсбуке и грущу. Я-то ему запрос на «друзей» кинула, а он-то меня не добавил. Ну, да, звезда и подписчиков у него две тыщи. Ну, и я в подписчиках. Значит, буду две тысячи и ещё одна. Окэ? Короче, грущу, думаю уже всё – пропущу кончик стопудово, кэш-то из воздуха не появится. Отчаялась совсем и решила – будь что будет! Личка-то у него открыта, и взяла такая, и как написала ему! Написала: «V.K, здравствуйте! Спасибо вам за вашу музыку! Вы – искусство. Я раньше такого никогда и нигде не слышала». Отправила и так испугалась! А чё, я-то кто? Я – фанатка-малолетка! А он – звезда, а он... Он всё знает о любви. Он – гений. Ну, и смотрю потом такая – просмотрено сообщение и всё. Не ответил ничё. Ну, и я успокоилась. Типа, а чего ты ожидала, Ритка? У него рил таких миллион. А тут Ритка какая-то. Хоть и красивая, с зубками без брекетов. Я потом, кстати, аватарку сменила. А чё, я там лыбилась просто, может,

он подумал, что я «без изюминки». Ну, я сфоткалась в зеркале боком, фильтр чб наложила, типа задумчивая и загадочная... Сменила, короче. Забыла уже, думаю, торт хоть сожру я на свой праздник? Марина, может, спросит, какой я хочу. Так-то она всегда спрашивает. Я «Фисташковый» люблю. А все девчонки в классе – «Тирамису». А я вот не как все. Ночью, кстати, лежала-ворочалась и подумала про Литинститут... Можно же доки попробовать в Москву подать после выпуска. Чё я теряю-то? А так это... может встречу в центре его где, он же тоже в Москве живёт. Так и заснула в мечтах. И утром такая захожу на Фейсбук, ленту полистать, а там... Короче, в сообщениях «+1» и... и от него! Прикиньте, от него! У меня коленки затряслись, как же я испугалась! Открыла сообщение, а там: «Рита, спасибо тебе за эти слова. Обнимаю». Ну, ни херашеньки себе! Вы представляете, чё это значит-то?! Мало того, что «на ты», так ещё и «обнимаю!» Я телефон-то отбросила на кровать, а сама на улицу! И прям побежала круги вокруг дома наворачивать! Вот бежала и бежала, так кругов десять, пока не запыхалась... Домой пришла, воду пью, а Марина встала уже: «Чё носишься, как ненормальная?! Русика разбудишь!» Да плевала я на твоего Русика, и на Мусика, и на всех людей на Земле! Мне V.K. в Фейсбуке ответил! Это я так подумала, а вслух ей не сказала ничего. Только обнимать её полезла, потому что чудо, чудо прям случилось! Марина-то офигела от этого, высвободилась, на кухню пошла. А я села на диван, а гормончики у меня прут – подушку схватила, жмякаю её... И так хорошо мне. Мама, опять я твоё лицо увидела на миг... Ты знаешь, вы похожи. Даже овалом лица по-

хожи! Но Марина, гадина, опять всю малину зашухарила! За плечо меня трясёт, а я её рожу вижу толстую: «Ты чё, Ритка, под кайфом, что ли? Я тебе говорю, подарок бери!» И протягивает мне конверт. Я его беру, а сама думаю – ну, деньги там, а сколько, ага? Хватит на кончик или нет? Открываю, короче... Как увидела штрихкод высунулся, заколошматило меня всю... Достая, глазам не верю – билет на V.K.! И прикиньте, я так сразу два чувства одновременно испытала: восхищения и отвращения! Да потому что как ты, гадина, узнала мою сокровенную тайну?! Это я только маме про него говорила! Хотела сначала оплеуху ей отвесить... А потом подумала – да, чё, может пела вслух когда песни его... Может, Виталя сказал ей. Много чё, может быть, в голову к ней не залезу. Она смотрит на меня испуганно, не знает чё ожидать. Ну, я ей сказала так по-взрослому, с достоинством: «Спасибо». Спасибо и всё тут. И улыбнулась. Ну, я в самом деле редко ей улыбалась! И смотрю, Русик-то не спит уже, глаз его в щёлке дверной горит, подсматривает, следак юный. Ой, ну смотри, пока я счастливая. Сегодня можно, ага.

316

НАТАЛЬЯ. Я не думаю, что подействовало, там малое количество... Хотя мне хочется в это верить и на наркотики всё спихнуть, что потом было. Дальше я схватилась руками за голову, скукожилась на корточках посреди асфальта, закрыла глаза и заорала себе под ноги. И крик какой-то грудной, протяжный, как из Преисподней... У меня возникло ощущение, что во мне демоны сидят. Он телефон выключил, он перед комиссией это так обставит всё... И заберут, и не увижу я Алису больше! Как и хотела, мамочка, получай! Дура дурой, зачем ребёнка ему отдала? Ребёнок с ма-

терью должен расти. А думала, что всё нормально будет, я же прогрессивная! Я же за развитой феминизм! Да с этим животным нормально не случается... Боже, боже, почему человек потерявши плачет и никогда не учится на своих ошибках? Я прооралась и вслушалась в мир вокруг: тихо. Тишина крошечная и никому нет дела. Ночь, все спят. Но я не могла быть одна, тогда бы я повесилась. Я пошла по дороге вперёд, чтобы где-то упасть, в каком-то баре... По дороге джазовый был – Moon River, уже не до выбора, виски гудят, сама шатаюсь. За дверную ручку «дёрг»... А оттуда ветер такой... вязкий... живой, что ли, тёплый. И будто вовнутрь меня втягивает, а звук такой осязаемый... волнами, волнами. Не женский голос, а будто сирены голос зовёт меня... Иду, я тут уже. Чего тебе? Я руку протягиваю, и вдруг я слышу другой голос. Мужской. Такой тихий. Такой спокойный. Такой уверенный. Как будто знающий всё, что у меня в душе и всё, что в моей голове. Это какая-то песня, какие-то слова... Но у меня они слились в единый гул, а потом я стала слышать. Ты моя, ты в плену... Я дам тебе всё... Красота, красота... Мы – свет... И, действительно, включили общий свет в баре. Хватит, думаю, трип словила, не иначе подействовала Алькина марочка. Иду к дверям, а там аплодисменты, я поворачиваюсь и впервые сцену вижу: женщина и мужчина. Женщина кланяется, а мужчина всем в глаза смотрит и... в мои попал. Выстрелил, и будто задержался в них. И как бы мгновение, а я сразу увидела, какие они большие, детские, светлые и печальные. Красивые, как у Алисы. И я ребёнок тоже, большой, как и ты, но только тебе позволено быть им публично.

РИТКА. Я, короче, такая счастливая была, я думала, я всё на свете сделать могу! Уверенность такая появилась, приосанилась. Я ходила-ходила, а потом решила – вечером в Фейсбук зашла, его сообщение лайкнула и ему такое отправила: «Не за что! А я тоже пишу стихи. И хочу тебе их показать». Ну, и я не хотела, чтобы он подумал, что я – школьница сопливая. Поэтому не стала даже спрашивать, можно там чё ему скинуть, не можно, взяла так и скинула сразу штук десять. Засрала личку. Скинула и снова испугалась – вдруг заблочит и всё, пропала моя ниточка? А не, не заблочил. Мы там попереписывались чуть... И я подумала, короче, ну, вот мне и семнадцать, мой день сегодня. И надо бы сделать его незабываемым на всю жизнь, раз уж на кончик иду к нему. И решила, написала, что хочу с ним увидеться после кончика, а чё, один раз живём, окэ? Я ничё не думала такого, я думала стихи ему почитать и про искусство поговорить. Хотя, конечно, «эта дискотека должна быть невозможна – мы ж на разных берегах...» Он ржал, наверное, с меня, когда сообщения читал. Так я загонялась, ужас! Никогда не думала, что отношения – это так сложно... Потом вижу в Фейсбуке: «Ок, спишемся». Поняли? И сразу гордость такая меня взяла, я аж запунцовела. Вот какие мне люди в Фейсбуке пишут! И начала готовиться – крема, масочки, ногти подстригла. Сегодня лучший день моей жизни, именно лучший.

НАТАЛЬЯ. Не помню, как дошла домой, впечатлил он меня... Утром сразу посмотрела их ближайшие концерты. Нашла старые альбомы, новый послушала. Это глубоко, это поэзия. Это искусство. Оказывается в баре был квартирник только для своих. А я так вва-

лилась бесцеремонно и прикоснулась к тому, к чему нельзя было. Наваждение – захотелось извиниться. Успокоилась – пропало. Залезла в интернет – на днях должен быть большой концерт. Купила билет, как иначе? Я чувствовала что-то раньше мне неизвестное. Не разобралась что, но какой-то космос. И надо было проверить, это в музыке дело или всё-таки марочка? Вдруг звонок – Виолетта Ивановна. Я подумала – будет выговор, или с Аликой что-то... Нет, она своим голоском скрипучим мне в трубку совсем не об этом сказала: «Наташечка, доброе утро. Я тебе правочки по почте выслала. Поотмечала куски, что вызывают сомнения. Посмотри. Это всё-таки кандидатская работа, это серьёзно. Если данные не проверены, к тебе будут вопросы от оппонентов». И сбросила звонок, а про вчерашнее – ни слова. Я документ открыла, много она там почёркала... Да, вот я прочту вам из диссертации и вы сами решите, нужно это или нет. Я считаю, что нужно. Вот слушайте: «Для препарата выбирали преимущественно мужчин. В это время в Китае многие готовы были пожертвовать своей жизнью, чтобы облегчить жизнь и страдания других людей. Также существовало поверье, что загробная жизнь тоже будет сладкой. Желавшего кормили только мёдом, несколько раз в день тело помещали в медовые ванны. Человек пропитывался мёдом и умирал в страшных муках. Для готовности тело умершего помещали в каменный гроб и заливали мёдом. Через сто лет гроб вскрывался, и кусочки медового человека продавались на рынке за бешеные деньги. Считалось, что при принятии кусочков вовнутрь, у человека прекращались всякие боли. И физические и душевные. Также вос-

полнялась пустота в сердце, а сознание становилось яснее и шире». Вы понимаете? Я на пороге научного открытия! Я могу принести пользу человечеству! Это же невероятно, найти лекарство от всех болезней... Это невероятно – больше не мучиться. Только в современном мире, пока никто не доказал эту рабочую гипотезу. Да, эмпирических доказательств у меня не было. Но, всему ведь своё время.

РИТКА. Надела платье своё любимое, волосы начесала – чисто девушка рокера! Толпень там была, жесьь, конечно. И девчонок, конечно, больше, чем парней, причём разные – и хипстота мелкая, и элита «под сорок». Я к сцене поближе стала, так-то меня пихали все, ну я одну тоже в ответ пхнула! Так пхнула, что она упала и каблук сломала. А чё, тебе больше всех надо, что ли, ага? У меня тут, может, жизнь, решается, любовь и карьера! Отвали, сучка!

НАТАЛЬЯ. Кусок я оставила, хоть он и казался спорным. И даже включила больше. В день концерта позвонила Славику – отключен. Подумала – будет ли суд? Хочу ли я опять нервотрёпки? Потом вспомнила его глаза, и прояснилось – нет, не хочу. Это старый мир. Я должна быть открыта новому. Я должна отпустить Алису, как отпустила Славика. Не помню, чтобы как-то особенно готовилась, губы только красным накрасила. Ну и «смоки айз», чтобы трагичности образу добавить. Думала, что я – Маргарита из романа Булгакова. Купила и принесла на концерт букет жёлтых роз – мимоза не сезон. Как в песне у него в старой... Жёлтые цветы. Такое же отчаяние, такие же сильные чувства. Только у Маргариты был Азазелло, который устроил ей судьбоносную встречу. А меня за ручку ни-

кто к счастью не выведет. Как хорошо это понимать, идти ва-банк. Я пришла и встала у входа. Подальше. Зрение хорошее, я в стороне от всех. Это такой интимный момент... Чувствовала будто мы наедине и в тоже время будто я подглядываю за ним. За ним и за толпой. Всё слушала и погружалась глубже и глубже... Смотрю и боюсь немного, потому что вижу эти глаза. Вижу в нём ребёнка, а мой материнский инстинкт сверлит гормонами всё моё тело и кричит: «Прижми его к себе, маленького мальчика. Прижми к груди. Обласкай и обними». Девочки у тебя уже нет, не твоя уже девочка, про девочку забудь. И, действительно, на миг показалось, что похож чем-то на Алису... Смешно даже. Лицо у него такое белое, и черты такие тонкие. И хочется опять в омут. Наташа, Наташа, как вы безответственны! Ну, только же хотели всё изменить и опять.

РИТКА. Отыграл он, пипец кайфово, конечно... Я плыла там, смотрю на него, потом флешбеки у меня пошли, и мама опять... Принц он, одним словом. Мой принц. Хотя бы сегодня. Ну и, закончилось всё когда, я ему сразу написала в мессенджере: «Спасибо, было круто! Куда идти? Я у сцены». И стою ж, смотрю на него, взгляд ловлю. А он взял телефончик, прочёл и увидел меня! Улыбнулся, рукой помахал, сюда типа иди. Я спину-то выпрямила и грациозной ланью так на сцену прям и к нему! И жопой чувствую, как девки в зале в этот момент обзавидовались! Как убить меня хотели! Я-то избранная, а им дальше только мечтать.

НАТАЛЬЯ. И смогла изменить. Смогла снять пелену и увидеть правду. Смотрю и вижу: глаза у него – болото холодное. Зелено-карие, и кажется... стекло.

Препятствие, через которое слеза не просочится. Вот так мне представилось всё. А потом смотрю на толпу – и полно их! Девочки и большие, и маленькие, и с цветами, и снимают Сторисы в телефоны и смотрят так же влюбленно, и подпевают! А он улыбается всем одинаково. Никому не даёт ни больше, ни меньше. И увидела я тогда, что передо мной – Дьявол. И розы мои, на аванс купленные, ему не нужны. Розы мои он в охапку после концерта сгребёт и на помойку выкинет. Или фанатке подарит, которую в туалете после концерта стоя отдерёт. Этой, которую повёл, или другой – разницы нет. Но, чёрт возьми, как приятны мне такие мысли... Оказаться на их месте. Где твой феминизм, Наталья? Что ж ты течёшь, как сука при одной мысли об этом? Сжала я этот букет злосчастный, а шипы мне в кожу впились больно.

РИТКА. И оглянулась я вокруг, окинула взглядом всех и бабу одну увидела. Нормальная такая, симпатичная, лет сорок ей, но бледная как смерть! Стоит в чёрном вся, в руках розы жёлтые, не двигается и на меня смотрит. Не смотрит – жрёт взглядом! И такая в нём ненависть, пипец, мне не по себе стало. Я сразу отвернулась и за кулисы к V.K пошла. Приготовилась уже стихи свои читать и вообще знакомиться, показывать, какая я классная.

НАТАЛЬЯ. Я хотела букет после окончания подарить, но не могла на это смотреть, заревновала, хоть и права не имела. На улице цветы в ближайшую мусорку выбросила. Когда к метро шла, пальцы в рот засунула, чтобы кровь остановилась, подумала – ведь все же люди? А если он – нет? Не может он быть просто человеком, как-то же

он притягивает всех... Как же он может принадлежать всем и никому? Как они все смотрят на него, и хотят его... Есть же что-то хтоническое... Блаженный он, не иначе. Да, может, для всех он... Все к нему тянутся, всем он нужен... Но меня такое не устраивает. Красота не должна растрачиваться на всех подряд. Красоту должны познавать только достойные. Познавать и излечиваться. А как же Дьявол может вылечить? Я достойна узнать.

РИТКА. Сели мы в гримёрку, там ещё техники всякие, музыканты там, рабперсонал, короче... Сели на диван, я ему: «А вот стихи...» А он мне: «Я стихи твои читал уже в Фейсбуке. У тебя потенциал есть, но опыта не хватает. Тебе сколько лет-то?» А я прикинула про себя, ну, если там контракт заключать или там рабочие какие связи, это ж лучше с совершеннолетней делать! Ну и год приплюсовала, сказала, что восемнадцать сегодня исполнилось. Это ему понравилось. Он так улыбнулся тепло, широко. И сказал, что тогда этот вечер должен быть у меня особенным, чтоб я типа всю жизнь его помнила. Вина притащил мне. Я вино-то не очень, пивка иногда, когда Виталия покупал, самой-то денег на это тратить – жаба душит. Красное, ядрёное. В кружку железную налил мне, она в копоти какой-то была... Ну, он оттёр и дал. Заботливый. Сам из горла пил. Я короче в кресле сижу, а он надо мной так нависает. Сидим, болтаем о чём зря... Ржу как имбецилка. Повело меня от вина, чую, щёки горят уже, и тело онемелое какое-то. Говорю ему: «Правда что ли, для стихов опыт нужен? Я вот думаю, что в голове представляла то и надо писать. Себя показывать». Он мне: «Это правильно, но чем ты старше, чем опытней, тем

больше людей тебя понимают. Вот тебя сейчас только подростки и понимают. А надо, чтобы все». Я задумалась, загрустила чё-то. А он вдруг за руку взял меня, а второй за подбородок и лицо моё к себе повернул. И говорит: «Я тебе помогу. Пойдём». Я ему испуганно: «Куда?» А он улыбается: «Опыт нарабатывать». И из гримёрки меня увёл.

НАТАЛЬЯ. Прыгнула в метро. Думаю и думаю. Тут вагон на станции останавливается и заходит парень в наушниках. Лет тридцать, симпатичный такой, темноволосый... Садится напротив меня и в телефон. Я обычно в таких случаях тоже телефон беру, чтобы спастись, глаза в них спрятать от смущения. А тут мыслей в голове так много, что я не совладаю и в упор на него стала пялиться. Красивый, милый, посмотри на меня, познакомься со мной... Почувствуй как плохо мне и одиноко... Но он всю дорогу головы на меня не поднял. На «Фрунзенской» вышел, наушники только поправил. И я поехала дальше. Вагон взглядом окинула – одни бабы везде. Справа только, там где по трое, у выхода девушка сидела, рядом парень её. А напротив них мужчина какой-то, лет сорок, на девушку смотрел в упор... Хотел явно. А она ему подмигивает, пока парень её не видит. Вот шлюха она, или право имеет? Любимый её так пальцы гладит, так нежно и бережно, что у меня в горле комок встал смотреть на это... Зависть. Тут вагон останавливается, а человек этот, который напротив сидел, резко подорвался и к девушке! Сел на неё верхом, за волосы схватил, чтоб не рыпалась, и языком к лицу тянется! Парень быстро среагировал – скинул его с неё. Он упал, но сразу из вагона выбежал. Девушка красная сидит,

растрепанная, а парень её в проёме. «Иди сюда, я те рожу обоссусь!» – кричит. Да только что кричать, он уже на эскалатор побежал, а у нас прозвучало «Осторожно, двери закрываются». Поехали мы дальше, все на них смотрят, и я смотрю. А он гладит её, целует, защитит хочет... Я прислушалась, он прошептал: «Хочешь, назад поедем? Найдём, я его убью!» Она головой мотыляет, нет, как бы. А сама так гордо посмотрела на всех женщин, и на меня – вот какой он у меня чудесный. Один на свете, у вас таких нет. Вы – одинокие, сами по себе, вы – ничьи. Я взгляд отвела – напротив стекло. Вижу своё отражение – красивая, красивая, Наташа ты, красивая... И было же время, вот так сидела и ты, и так же тебя Славик обнимал... Где всё сломалось? А вдруг, Наташа, это и был твой максимум счастья? Вот так придумала себе, что одной лучше, а на самом деле... Да потерпела бы, пожертвовала собой и слюбилось бы! Так горько мне стало, чуть станцию свою не пропустила! Как бешеная из поезда выбежала, а всё уже, течёт горячка из глаз... Только по щекам размазывать остаётся. А вокруг холодно. И никакой красоты не хочется, хочется, чтобы было просто тепло.

РИТКА. Можно я... Ну, я не хотела бы заострять на этом внимания. Ну, в туалете было... И чё-то больно так, пипец! У меня башка гудит, руками-ногами не управляю, там не получилось с первого раза. Он меня ещё так нагнул, что я никаких «волшебных» глаз не видела больше... Короче, бессмысленные пять минут трения и боли – ничё больше. Шепнул мне в конце, когда джинсы надевал: «Пиши про то, как стала женщиной. Это сейчас популярно. И трусы со слониками

на концерты не надевай, лучше кружевное что-то». Из кабинки вышел, а я закрылась сразу. И чё-то протрезвела мгновенно. И чё-то так мне всё это не понравилось... И чё-то песни стали отвратительные, и домой так захотелось! Я короче посидела там в молчании минут пятнадцать, а потом выбежала и домой. Бегу, и чё-то злость меня такая взяла. Как будто у меня маму во второй раз отняли!

НАТАЛЬЯ. Ключом в замочную скважину и зашла. Тихо. Пусто. Темно и одиноко. Как в моей душе. Я даже не стала свет зажигать. Захотелось поплакаться кому-то. Я даже Славика номер набрала, а на кнопку «вызов» так и не нажала. Потому что не нужно это нытьё никому. Надо бы убирать из головы мысли эти слабые. Я сильная и сама справлюсь. Мне всегда помогала работа. Поэтому я села за диссертацию. И так я быстро погрузилась туда, так меня всё увлекло... Уже ночь была, но я не захотела откладывать на утро. Мне нужен был эксперимент. Мне нужен был опыт. Метод исследования. Я несколько раз ходила в «круглосуточный», купила сорок пятилитровых банок мёда. Да, как сумасшедшая бегала. Вы же понимаете, как для меня важна наука! Наполнила ванную до краёв. Потом надела своё красное платье без рукавов и туфли на шпильке. И только ногу занесла над ванной – передумала. Ещё поскользнусь и шею сломаю, а это уже будет не то. Туфли сняла, ногу опять занесла – снова не зашла. Платье ведь, ткань, неизвестно как она повлияет на состав лекарства! Я же не специалист в консервации. Это просто опытный путь. Собственно, я платье сняла и осталась обнажённой полностью. Сначала одну ногу погрузила, потом вто-

рую. Стою – в зеркале себя увидела. Улыбнулась – красивая. Войду в историю красивой. Присела. Непонятно пока, чуть покалывает только в области гениталий... Я устроилась удобнее, глаза закрыла. Досчитала до пяти и резко нырнула, ну, чтобы быстро захлебнуться. Это мгновение всего продлилось, потому что я сразу вынырнула, а мёд в ноздри забился, я ртом дышать стала!

РИТКА. Домой прибежала злющая, ага?! Надо бы понюхать, а не ноется! Внизу живота болит, я к себе в комнату хотела, но мимо батиной прохожу, – а там дверь закрыта и ругань. Этого ещё не хватало мне, в комнату пошла. А в зале Русик сидит, глазами оленьими на меня смотрит. Я ему: «Чё тебе?» А он мне шоколадку протягивает: «Я до концерта не хотел дарить. А то ты только о нём и думала и не заценила бы ничего. С днём рождения». Я офигела, шоколадку беру, спасибо, говорю. Русик мне: «Чё злая-то такая? Я думал, ты добрая будешь. Ты же только как песни эти слушаешь, улыбаешься. Только я не понимаю, чё, в них такого особенного? Даже рифма не всегда есть». Тут я поняла, что это Русик меня Марине сдал... И чё-то говорить не захотела ничё... Чё-то подбежала к нему, шоколадку назад в руки отдала, обняла и слёзы как полились... Реву, остановиться не могу! Он удивился так сначала, а потом тоже обнял. Так и сидели: мы в зале ревём, а предки в комнате. Хороша семейка. Русик мне потом сказал, что Марина батю с соседкой застучала в квартире у неё – на похороны по жильцам деньги забирала. Там сосед умер... А батя пошёл утешать и наутешал её без трусов. И чё-то мне жалко Марину стало почему-то... Да только я ничё сделать не могла,

я же мелкая... Я от Русика отстала и в комнате своей закрылась. В Фейсбук зашла, когда увидимся, спросить хотела... А он, короче, из подписчиков меня удалил и в ЧС бросил! Сука!

НАТАЛЬЯ. Когда оттёрлась и пришла в себя, поняла, что это неправильно. Я поддалась порыву, а в известность никого не поставила. То есть, некому проследить, как меня законсервируют, некому мою диссертацию закончить. Никто это дело не продолжит, кроме меня. Мне надо выжить. И тут я поняла, что подопытным должен быть он. Уже светало. Можно действовать.

РИТКА. Со мной, вообще-то, так не поступают! Это только я могу кидать, а меня кинуть никто не может! Я чуть телефон в стену не запустила! Я поняла, короче, я это так не оставлю! Я страдать так-то не буду! А он у меня пострадает, и хорошенечко, окэ?! Я фотку мамину взяла и поняла, что нифига, он на неё не похож! Ну, зелёные и зелёные! У многих глаза зелёные и чё? И мама бы со мной так не поступила! Да со мной даже Марина так не поступила бы! И потом, это он со мной сделал, не с первой же, наверное? Это сколько девок ещё было?! Я первое, чё подумала, это к Малахову пойти. Ну, несовершеннолетнюю девочку изнасиловал в туалете известный певец... И бабок дать могли бы. А потом, смотрю, мне в Фейсбук баба эта стучится! С жёлтыми розами. Нашла же как-то, в подписчиках порылась у него, наверное. Ну, я довбила её, интересно, чё напишет? Сначала мы с ней обсудили, какой он прекрасный. Я поддакнула ради прикола. Потом она выяснила, что мы трахались. А потом такая пишет: «Рита, нужно, чтобы он остался

с нами. Их много, а он один. Надо, чтобы он принадлежал только нам. Надо его для истории сохранить».

НАТАЛЬЯ. Если вы думаете, что это сложно сделать, то ошибаетесь. Это можно сделать среди бела дня, практически у всех на глазах. И никто не обратит внимания. Я зашла к нему на страничку в Фейсбуке. Увидела последнюю отметку о местоположении. Договорилась о встрече с этой девочкой. Подобрала её на машине, и мы вместе приехали туда, в это кафе. И он, правда, вышел из него через какое-то время. А потом эта девочка подошла к нему. Они о чём-то поулыбались, и она привела его ко мне в машину. Потом мы приехали ко мне домой. Он первый зашёл в коридор – и я ударила его по голове утюгом, который припасла заранее. Он потерял сознание и упал. А потом мы перенесли его в ванную комнату. Раздели. Рассмотрели. И опустили на дно.

РИТКА. Да как получилось... Тройничок ему предложила. Он и пошёл. Мужики ведутся. А чё он так со мной?! А с другими девками, чё?! Мама мне больше не является. Ну, отомстила! Не хочу про это больше. Женщина эта стала сразу на телефон фотографировать со всех ракурсов и чё-то в ноуте печатать... И тихо так, хладнокровно. Тут до меня и дошло! Я ж не знаю её вообще! И чё-то мстя моя несоизмеримая какая-то! Ну, трахнул и трахнул. Нафига убивать-то? Не, не, я в тюрягу не хочу! Вообще, я не знала, что так будет! Я думала мы как в «Леденце» Слейда на стул его посадим, свяжем, психологическими штуками помучаем... Отпустим, потом. А тут по максималке вышло, пипец! Я как осознала, на всё забила, ну нахер, эту сумасшедшую! Помчалась домой. Вдруг она и меня зажму-

рит! Вот. А так-то я не соучастница. Я типа ничё не знала!

НАТАЛЬЯ. Не стала я её останавливать. Это бесполезно. Мне нужно было делать отметки по часам. Вот сутки прошли – двадцать четыре отметки изменений я зафиксировала.

РИТКА. Чё сразу не позвонила? Зассала, потому что! Не каждый день человека в меду топят! Домой прибежала, Русик и батя спят, Марина только на кухне чаи гоняет. Прикиньте, ждала меня. И как я пришла, она орать не стала, что поздно я. Ну, я пару дней мучалась, а потом рассказала ей всё, что вам тут... Она тогда впервые в жизни меня обняла сама. Я спрашиваю: «Чё, Марина, сдашь в тюрюгу меня? Глаза мозолить не буду». А она так посмотрела как-то по-новому и говорит: «Я своих детей не сдаю». Дочка я её теперь, мам. Ну и чё, ну и разговариваю, а вам чё? Имею право воображать, чё угодно. В свободной стране живём. Короче, я вот и звоню вам. Рассказываю, как всё было. Потому что совесть замучила. Хотя виноватой себя не считаю, ничё я не сделала. Окэ? Вы же меня судить не будете? Мне в тюрюму никак нельзя. Стихи же... Мам...

НАТАЛЬЯ. Это, наверное, всё, что я хотела вам сказать. И да: мне всё равно, сколько вы скостите за чистосердечное признание. Я не раскаиваюсь, мне больше хотелось самой в этом разобраться. Тут ведь не одна наука замешана. Спасибо, вы помогли, хоть и не психологи. Адрес не называю – вы отследили уже, видимо, по навигатору. А нет – так это будет дополнительный квест... Послушайте, ещё кое-что. Раз уж у меня такой шанс выдался. Я скажу, что поняла к

концу нашего разговора. Вы думали, сколько в мире несчастных женщин? Брошенных, обманутых, тех, кому изменяют направо и налево, тех, кого бьют дома. Тех, кто не может получить нормальную работу из-за того, что на эту же вакансию уже взяли мужчину... Мужчины! Как вы обижены на нас! Сколько веков вы нас угнетали, пользовались, старались сломить, и вот сейчас, когда мы подбираемся к условной «равности», даже сейчас вам мало! Вы продолжаете делать больно. Вы обижаете. Вы продолжаете плевать в душу и напалмом выжигать после себя всё живое внутри женщины. Зачем вы такие красивые и пленительные? Вы все должны быть чуть красивее обезьяны, чтобы у нас осталось хоть какое-то преимущество! Нет, чтобы мы были всего лишь на равных... И раз так, то я сделала великое дело. Благое. Я спасла женщин. От очередного Дьявола-искусителя! Нет его больше, не наделает мерзостей. Я только... Я только вас не понимаю... Ну, как вы могли такое бездарный словесный портрет ему составить? «Ничем не примечательный молодой человек со среднестатистической внешностью...» Вы, наверное, песен не слышали и на концертах ни разу не были, да? Обычный... Вы кусочек на пробу отрежьте обязательно. У него даже на голове волосы сладкие... В общем, я не убегу уже никуда, обещаю. Сама вкус вспомню, пойду... Он, как яблоко Гесперид. Просто знаю! Единственное, о чём я сожалею – что в итоге так и не получится этот опыт в диссертацию включить. Но я вам скажу, что надо сделать! Нужно собрать несколько групп по десять человек, чтобы они принимали лекарство каждый день. С разными болезнями. И сто лет ждать долго – я уже умру. Не продумано,

собственно. Видимо, кандидатская степень для меня рановата. Вы огласку сделайте, обязательно, может, другие учёные заинтересуются. Пора мне. Дверь открыта будет, не ломайте. Но то, что я, наконец, познала красоту – это уже аксиома.

Наталья нажимает кнопку сброса на телефоне и идёт в ванную. Она зачёрпывает мёд из ванны в ладони и пьёт. Но ей этого мало. Вязкая жидкость течёт у неё по одежде и коже на пол. Женщина в блаженстве заходит в ванную, и мёд выплёскивается через край на кафельный пол. Им не тесно вдвоём, а как раз, они помещаются. Наталья прикасается губами к вкусным пальцам и погружается в мёд с головой. И никто не в силах её остановить – ведь женщина сама решила захлебнуться в сладком омуте насмерть.

КОНЕЦ

Интересующую Вас информацию Вы можете
получить в Кабинете драматургии СТД РФ:
107031, Москва, Страстной бульвар, 10.
Тел./факс: (495) 629-72-76.
E mail: stdrf-novikova@mail.ru

Playwrights Department, Theatre Union of Russia.
Address: Russia, 107031, Moscow, Strastnoy b-r, 10.
Tel./fax: (495) 629-72-76.
E mail: stdrf-novikova@mail.ru

Литературно-художественное издание

«СЮЖЕТЫ»

№ 38

Редакционный совет
Художественное оформление *Е.М. Добровинский*
Компьютерная верстка *Е.П. Корсина*
Корректор *И.А. Седова*

ЛР №04776 от 08.05.2001 г.

Подписано в печать 24.09.2021
Формат 70x100/32. Тираж 500 экз.
Заказ № ...

Союз театральных деятелей Российской Федерации (ВТО)
107031, Москва, Страстной бульвар, д.10.

18+

содержит нецензурную лексику

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д.6

